

(((СОНАР)))

№ 7, 2022 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

**В редколлегии (((СОНАР))) все редакторы –
главные.**

Борис Годин

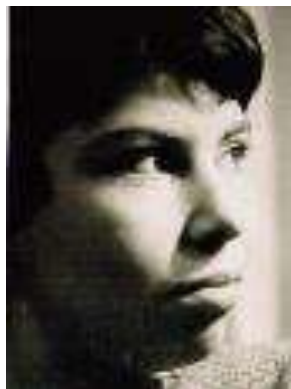

Эйтан Адам

**Анатолий
Анимица**

Алекс Манфиш

Марина Симкина

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Оглавление

Феликс Куперман. Муза, оседлавшая Пегаса.....	2
Жан-Клод Паскаль. Красивая Маска	8
Часть первая: Время надежд	8
Елена Бережковская. Все сказано до нас.....	49
Марина Симкина. За что я отвечу.....	62
Андрей Круглов. Вглядываясь в себя.....	70
Диана Беребицкая. Осень.....	73
Михаил Левин. Стань, слово, деревом	76
Инна Гендель. Голубые слезы	83
Элен Стэп. Рассказы.....	107
Борис Финкельштейн. Хроники Агасфера	131
Алекс Манфиш. Презанимательные изыскания	152
Ольга Любарская. Двор.....	159
Элизабета Левин. Чему нас может научить темпорология (наука о времени)?	165
Александр Вильшанский. Астрология с точки зрения гравитоники.....	179
Об авторах, художниках и редакторах	188
Галерея (((СОНАР))).....	195
Андрей Круглов. Зарисовки Петах-Тиквы	195

В оформлении обложки использованы графические работы Андрея Круглова.

На 1-й странице: «Вид на Яффо».

На 3-й странице: Автопортрет А. Круглова.

На 4-й странице: «Старые дома».

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com

Номера журнала: https://bit.ly/SONAR_JOURNAL

(case sensitive)

Феликс Куперман

Муза, оседлавшая Пегаса

* * *

Настройщик лир по вызову не ходит.
А не играет, не пишется никак.
Наверно, не берег ее, не холил,
Вот и ослабли струны на колках.

В чужих пирах и на вечерах тренькал,
И голосом неверным подпевал.
Все думалось, что вот еще маленько –
Поэму сочиню, или хорал...

А Лира то фальшивит, то хрипит.
А мастера по вызову не ходят.
Как ни зови – никто не пособит.
И не сыскать ее в столе находок...

* * *

Стихами себя не неволил, –
капризная Муза сама
то сердце сводила с любовью,
то душу сводила с ума.

Матерпису

Поэзия – та же добыча Души.
И, коли кайлом не владеешь,
маши не маши, и пиши не пиши, –
упаришься, но не согреешь.

И прежде, чем в Бога, и в душу, и в мать!
гнать клячу Пегаса по-матерному,
За русский могучий однажды присядь,
начав потихоньку с грамматики...

* * *

Мише Ландбургу

Не надо, друг, за то переживать, –
Насколько нас переживают строки.
И здесь, как и во всем:
Одним – уроки брать,
Другим (но избранным) – давать уроки.

Поэзии бескраен океан.
Поводырей тут нет, компáса нет и лоций,
На бездорожье волн
То штормы, то туман
И жала критиков, и шквал чужих эмоций.

Крушатся мачты, рвутся паруса,
Что ни напишется –
Все бестолочь и гибель.
Но из обломков слов – вот чудеса –
Строка к строке – стихи!
Еще нагие,

Еще придется это пеленать,
И крики умерять
до уровня
высокие,
К себе их приручать,
и приучать

достоинству,
И утирать им сопли...

В стихах, как в детях, узнают тебя,
С добром и злом
Ты их пустил по свету.
А не умев любить, их не растил любя, –
Вот то и есть, что есть.
Ни на кого не сетуй.

И жить теперь им при своей судьбе, –
Твоим и не твоим
Отныне строкам.
И только времени – единственно судьбе –
Дано их обозначить жизни сроки.

* * *

Так неожиданно – к звуку звук,
к слогу слог, и строчка к строчке –
стих, отбившийся от рук,
постулатов и наук
добежал в строфе до точки.
По чащобе без примет
он торил себе дорогу,
отнимая понемногу
у всего, что есть под Богом,
и чего еще там нет.
Взял в октябрьский неполад, –
в дождепад и листопад –
у дубравы лист каленый, –
переплавил в перезвоны
для поэтов и влюбленных.
И, наверно, невзначай
взял в душе моей – печаль...

* * *

Не верь стихам –
в них все сиюминутно,
и переменчиво, как осень в ноябре,
когда все небо поутру в заре,
а в вечеру так облачно и смутно.

Не верь стихам –
они несправедливы
к себе, стране, соседу за стеной,
к той женщине, с которой одной
и мог бы стать, да не умеешь быть счастливым.

Но верь моим!
Они души касались,
заветных самых, сокровенных струн,
и только после – к слову и перу,
когда тебе единственной слагались.

Совет графоману

Пиши, когда не можешь не писать.
Не из тщеславия и не по принуждению.
А лишь когда нагрянет наважденье,
как ливень, или божья благодать!

А лучше не пиши. Взгляни округ –
вот хорошо бы подравнять штакетник,
нос подтереть какому-нибудь шкету,
встать поутру и подмести планету, –
такая прорва дел для разума и рук!

Вот я и сам – перекою перо
на чугунок, иглу, или лопату,

огонь в печи раздую на закате
и самый вкусный испеку пирог!..

* * *

Жизнь за полночь моя —
с недугами, бессонницей.
Но я не сетую,
час от часу хирея.
Когда за горизонт уходит солнце,
в ночи восходят
ямбы и хорей.

* * *

Мой привередливый Пегас
все реже покидает стойло.
Но как же хочется достойным
быть похвалы, друзья, от вас...

Ее чрезмерность мне понятна.
Не обольщаюсь тем, но вот —
Мурлычу я, как старый кот:
— Пусть и неправда, а приятно...

* * *

Уже, мне кажется, не напишу ни слова,
и солнце закатилось навсегда...
Но ты мне говоришь, что горе не беда!..

И тянется рука к блокноту снова.
А ты мне улыбаешься слегка,
снимая грусть-тоску, как только ты умеешь.

И вот опять желаю я и смею,
и набегает на строку строка...

Жан-Клод Паскаль

Красивая Маска

Перевод Аллы Герцеништейн. Первая публикация на русском языке.

Часть первая: Время надежд

Продолжение. Начало в №6.

Глава третья

Семейные праздники в конце этого года проходили как обычно. Пышные завтраки и обеды, где каждый выставляет напоказ обязательное хорошее настроение. Никто в обоих лагерях не намекает на мою будущую «смену курса». Об этом не говорят (и ясно, почему). Ничего еще не сделано. Все еще предстоит. Этот период застоя мне совсем не нравится. Я решил выйти из него как можно быстрее. Я считал факт простоя – вот уже несколько месяцев – потерянным временем. Надо было действовать (это в моем характере), и быстро.

В самом начале 1949 я поступаю на курс Рене Симона, расположенный тогда на бульваре Инвалидов. Эта частная академия располагалась на первом этаже, где был вход, крошечное фойе, офис, соединенный с залом для прослушивания и сценой с коричневым занавесом и несколькими прожекторами. На втором этаже была квартира «патрона» Рене Симона. Формальности с записью на курс прошли без труда. Верный секретарь Марга, беззаветно преданная патрону, сказала мне, что прежде всего необходимо, чтобы хозяин этих мест меня увидел и услышал, чтобы понять, в какой класс меня поместить.

– Чуть не забыла! Как вас зовут?

Молниеносно я увидел сцену семейного трибунала.

– Э... Жан! – заявил я.

– Жан и дальше что? – спросила Марга.

Из соседней комнаты были слышны громкие голоса. Два мальчика говорили громко (я еще не знал, что они скоро станут моими добрыми друзьями). За перегородкой

говорили все громче. Один голос перекрывал другой... «Ну нет... это не относится к персонажу... Не говори мне это даже в шутку, Паскаль!» В офисе Марга нервничала.

– Так как же все-таки вас зовут?

– Э... Жан-Клод... Паскаль!..

Вот так я избрал имя, которое вам известно. Что касается «голосов» за перегородкой, то это не были ни святая Екатерина, ни святая Маргарита, но Пьер Монди и Паскаль Мазотти, репетировавшие сцену для будущего прослушивания.

Назавтра – я встретился с Рене Симоном. Удивительное лицо, где читается живость ума. Морщины во всех направлениях двигают эту пергаментную маску. Глаза маленькие, неопределенные и оценивающие. Голос размеренный и властно-спокойный.

– Что ты хочешь делать?

– Э... театр.

– Ты уже играл?

– Нет, никогда.

– Что ты знаешь?

– Э... немного.

– Кто тебя надоумил сюда прийти?

– Мишель Оклер.

– Ну, ну.

И, слушая меня, он меня изучает, инспектирует, оценивает, взвешивает. Мне не по себе.

– Да, это очевидно, у тебя прекрасная внешность, но этого мало.

– Представляю себе.

– Нет, не представляй. Знай это. Что тебя привлекает?

– Все!

– Большая программа! Что тебе нравится?

– Все, что прекрасно!

– Согласен, но что? Расин, Мольер, Гюго?

– Я не знаю, все равно что!

– Потому что Расин, Мольер, Гюго – это все равно что?

– Нет! Я не это имел в виду.

– Надеюсь!

Я начал себя спрашивать, не выставят ли меня за порог, который я только что переступил?

– Ты хорошо знаешь текст?

– Не совсем наизусть.

– Басня Лафонтена?

– Да, басня Лафонтена.

– Потому что ты думаешь, что его тексты легкие?

– Нет, но я знаю несколько басен.

– Ну вот, а сейчас мы тебя послушаем. Мадам Клевранн должна как раз начать свой курс. Мы сейчас спустимся, и ты нам расскажешь свою басню.

– Как? Вот так сразу?

– Почему бы нет?

– Дело в том, что... я не знаю...

– Конечно, ты не знаешь, я тоже, и именно поэтому я хочу тебя послушать, чтобы оценить твои способности. Давай, спускаемся. Иди вперед и прямо.

Мне казалось, что я спускаюсь в ад. Совсем маленький бледный Орфей, его подталкивают в большой зал для прослушивания. На эстраде, в глубине, девушка и юноша репетируют сцену из Мюссе. В помещении много внимательных студентов. Каждый встает или прерывается при входе патрона, который представляет меня мадам Клевранн, она ведет этот курс. Рене Симон показывает меня всему классу.

– Представляю вам новичка. Внешне он совсем неплох. Мы сейчас все вместе посмотрим, чего он стоит, и ответствует ли его оперение его внутреннему содержанию. Он нам расскажет басню Лафонтена.

Я теряю почву под ногами, ничего не вижу, мне нечем дышать. Меня подталкивают к эстраде. Я туда взбираюсь, преодолевая ступеньки, которые ведут меня к виселице. И вот я тут, в ужасе, посреди сцены. Я не знаю, что мне делать с моими ногами, руками, что делать с собой. Тишина. Я ничего не могу, едва дышу. Мне кажется, я попал в какую-то секту, к которой не принадлежу. Я заложник у жестокого племени. Мне очень страшно. И тогда я слышу, как в тумане, ясный голос Рене Симона.

– Ну, ты начинаешь?

Вновь тишина. Нет сомнения, нужно что-то делать или говорить что-то, сказать или убежать.

– Как это... вот так... перед всеми?

– Ну да, перед всеми. Ты воображаешь, что ты будешь играть комедию один, в ванной комнате?

Всеобщий взрыв смеха, и я краснею до ушей. Рене Симон продолжает.

– Обычно обращаются к публике, когда поднимаются на театральную сцену. Если ты хочешь играть для себя одного, то надо вернуться домой. Но на прощанье ты можешь нам рассказать басню.

Я вас не удивлю, если признаюсь, что пережил трудный момент. Невозможно было изуродовать текст Лафонтена больше, чем я это сделал тогда. Меня не было слышно на три четверти, я проглатывал слова, перескакивал со стиха на стих. Я был потный и с трудом добрался до конца моих страданий. Полная тишина в аудитории, а затем снова голос Рене Симона.

– Ну, что мы с ним делаем? Оставляем?

Вопрос был брошен в сторону. «Да» и «нет» взлетали с прекрасной откровенностью, свойственной молодежи. Патрон прекратил гомон и сказал:

– Мы его оставим, попробуем. Пусть поработает, потом увидим.

Попав в руки мадам Клевранн, я «работал», как каоторжный, над Мольером, Гюго, Расином, Корнелем, Мюссе и Ростаном. Я старался сжиться с Титусом, Альцестом, Рюю Блазом, Горацио и многими другими. Мне даже дали «пошупать» современных авторов: Марсея Ашара, Салакру. Но результат был неубедительный.

Обладая громадной памятью, я учил тексты очень быстро. Оставалось затем сделать их презентабельными, если не сказать своими. Любя музыку, я чувствую ритм александрийских стихов, и я передаю их неплохо. Напротив, я испытываю некоторые трудности, если роль написана в прозе. Это касается современного репертуара. Я не умею дышать, я не делаю пауз. Я говорю слишком быстро, я путаюсь в словах. Меня не понимают. Сверхнервный по натуре – это наследственное, – я еще не умею себя контролировать, но я стараюсь изо всех сил с упорством, которое удивляет меня самого. Не чувствую ли я себя навсегда охваченным страстью к тому, что я делаю?

Мадам Клевранн и Рене Симон обсуждают меня, как два заговорщика. Они предлагают мне готовиться к конкурсу в Консерваторию. Это прихожая «Комеди Франсез». Чувствуя себя в здравом уме, а их считая милыми эксцентриками, я продолжаю свое обучение с ожесточенным упорством. Прослушивания следуют одно за другим. У меня всегда наготове сцена, если меня попросят показаться.

Я делаю успехи. Мне не говорят, но я это чувствую. Просто нужно сказать, что страх больше не парализует меня целиком. Я меньше мямлю, а мои движения находятся в гармонии с тем, что я говорю, и я начинаю получать удовольствие от тех сцен, в которых играю. Следовательно, я двигаюсь вперед. Это ощущение дает мне крылья и уверенность. Я работаю без остановки. Я пожираю литературу. Я изучаю все, что мне нравится. Я дохожу до чрезмерности, до пародии. Когда Мадлен меня спрашивает:

– Что вы показываете сегодня, Жан-Клод?

Я отвечаю, не моргнув:

– Селимену!

Хохот моих товарищей.

– В конце концов, почему бы и нет? Такой большой мальчик в роли кокетки, это нас развлечет.

Не помню, кто прислал мне стихи Арсиноя на эстраду, чтобы начать монолог: «Мадам, я должен вас благодарить...» В этот день у меня был грандиозный успех. Смех и аплодисменты присутствующих меня очень ободрили. Чтобы утихомирить мое готовое возникнуть тщеславие, мой профессор прервал меня, предложив перейти к «Исступлениям Ореста». Прекрасный текст, но не такой забавный.

Дни проходили со скоростью, которую я раньше не замечал. Ночи были короткими, так как надо было проглотить много текстов... Эта пища, если и кормила мой дух и поддерживала мое маленькое внутреннее пламя, не давала мне толстеть. Тощий, бледный, со впавшими щеками, я был счастлив, но выглядел плохо. Оба семейных «клана» начали беспокоиться о моем здоровье.

Была весна. Недавно моя мама и мой полубрат, сын от ее второго брака, моложе меня на шесть лет, стали тоже жить у бабушки на улице Фазендери. Оборудовали для этого вторую половину квартиры. Моя мама, мой брат и я жили

отдельно от бабушки. Из большой прачечной сделали кухню. Из подсобной комнаты – столовую. У моего брата и у меня были отдельные комнаты и общая ванная. А у нашей мамы была большая красивая комната и маленький салон-будуар для персонального пользования.

Моя повседневная жизнь была довольно хорошо организована. Утром я прочитывал или заучивал мои тексты. Потом отправлялся на метро к моим отцовским бабушке и дедушке на ланч. Бульвар Инвалидов находится в двух шагах от курса Рене Симона. Большая часть дня была посвящена работе под внимательным оком Мадлен Клевранн или Рене Симона, после чего мы заканчивали день у «Вилара», в кафе-пивной, расположенной напротив. Не всех туда пускали. С несколькими друзьями мы решили, что нам здесь свободнее, чем в маленьком фойе на курсе Симона. И потом, мы можем болтать о чем угодно: о наших занятиях неофитов, о наших амбициях, о наших проблемах начинающих артистов, – так, чтобы нас не услышали нескромные уши. Поэтому студентов, которые не принадлежали к нашей довольно немногочисленной группе, мы отправляли в другое кафе, напротив.

Не знаю, как я попал в это сообщество «стариков», записанных на курс на шесть–десять месяцев раньше, чем я. Из-за моего «номера» Селимены? Может быть! Так или иначе, мы постановили, чтобы нас не беспокоили и не морочили голову посторонние. Там был Пьер Монди, еще не «плюшевый мишка», но уже пухленький. Он молился на Сашу Гитри, прочитал все, что тот написал или почти все. Николь Курсель¹ иногда одаривала нас своим присутствием, чтобы выпить «виши-фрез» в нашей компании. Паскаль Мазотти вдохновенно рассказывал невозможные истории, которые заставляли нас умирать от смеха.

Робер Оссейн устраивался рядом, мрачный и расстроенный, охотно изображая персонажей Достоевского. Он вдруг знакомился с кем-то, начинал его ругать, затем выслушивал, читал ему наставления, после которых тот заказывал ему кофе, и они расставались с хохотом, обнимаясь на

---

¹ Николь Курсель (1931–2016) – французская актриса, популярная в 1950–60 годах. В России была известна по двум фильмам с ее участием: «Папа, мама, служанка и я», «Папа, мама, моя жена и я».

прощанье. «Славянская душа» до кончиков ногтей! Он заставлял девочек плакать и млеть от восторга, когда рассказывал. «Мои дорогие друзья, когда я умру, посадите вербу на моей могиле...» Десять минут спустя он нам объяснял, почему, когда его приглашали в ресторан, он заказывал самое дорогое. «Это производит впечатление, ты понимаешь! Лангуст, еще лангуст... После чего тебя принимают все-ръем». Но он был неподражаем в сценах, где играл персона-жей с проблемами. Он их играл и в жизни. Я восхищаюсь успехом Робера Оссейна. Он пришел поздно. Ему уже начи-нали надоедать роли хулиганов, воров, обманутых гангсте-ров, плохих мальчиков со странными наклонностями.

И вот однажды он воплотил на экране Жоффре де Пейрака, героя серии «Анжелика»¹. Его популярность взле-тела немедленно, он стал известен, любим, ценим. Его доби-вались продюсеры и модные режиссеры.

Он смог обойти некоторые подводные камни, не поддался некоторым легким соблазнам в выборе ролей и, как все, совершал ошибки, из которых извлекал уроки. Он сумел окружить себя железной командой, которая, работая рев-ниво и внимательно, делая постоянные улучшения, довела Робера до Реймса, где он был коронован, как король. Он счастливо царил в этом заведении культуры и способствовал его процветанию, благодаря своему сильному характеру.

С тех пор он постановщик грандиозных спектаклей, и, если он и тиранит своих артистов, его деспотизм прини-мается, так как каждый знает, что это все не зря. Я отказался от роли, которую он мне предлагал в театре «Магадор», так как чувствовал себя неспособным играть гнусного типа. Он на меня не обиделся. Наши отношения были хорошими, я думаю, хотя мы редко виделись. Наше продвижение было разным.

О курсе Симона есть что сказать. Для меня это был период особенного эксперимента. Все, кто через него про-шел, со мной согласятся. Патрон был человеком замечатель-ным. Удивительный педагог, он всегда находил правильные слова для критики. Он знал, как правильно коснуться самых

---

¹ «Анжелика и султан» (1968) – в этой серии Жан Клод Паскаль исполняет роль Османа Ферраджи.

чувствительных точек наших молодых умов. Часто он употреблял жестокие слова в своих суждениях. Если он и произносил резкие слова, то это для того, чтобы задеть нужную пружину в механике наших восприимчивых и впечатлительных умов.

После прослушивания – начинающий ученик, который услышал: «Неплохо!.. В конце концов – это не так ужасно, как в прошлый раз...» – проводил остаток дня почти в эйфории с оттенком гордости. Напротив, другой, который удостоился слов – «Это безнадежно! У тебя никогда ничего не выйдет!» – восстанавливался несколько дней, приходя в себя.

По прошествии лет мне кажется, что не Рене Симон, преподаватель драматического искусства, нас больше всего обогатил, а психолог, поэт, прекрасный оратор, человек убедительный и производящий впечатление своей искренностью, – вот что на нас подействовало больше всего. Мы бессознательно принимали его уроки гуманности. Он говорил вещи поразительные и умел убедить своих слушателей. Он вызывал с нашей стороны такое восхищение, что мог бы заставить нас сделать все что угодно.

Однако – он не говорил что попало, напротив. Убежденный в вопросе, о котором шла речь, он излагал его так, чтобы это вошло в наши головы, и использовал все способы.

Легкий, анекдотичный, комичный, откровенный, простой, серьезный, волнующий, драматичный. Его маска могла выразить все. Он доходил до гримасы, до карикатуры, чтобы мы лучше поняли. Он помогал себе жестом, чтобы подчеркнуть тот или иной аргумент. Его голос менял тон и окраску. Он изменял ритм своих фраз, растягивая басы, чтобы достичь волнующего красноречия, или забирался высоко на верхние ноты, отчеканивая слова, чтобы стать язвительным.

Мне кажется сегодня, что он добровольно отказался от своей собственной карьеры артиста, чтобы стать многоликим. Когда он решался вдруг стать Сирано, он им становился. Несколько минут спустя он мог стать Гермией, Тартюфом, Беренис. Гениальный хамелеон! Я ручаюсь, что те, кто прошел через его курс хотя бы кратко, запомнили, как он повлиял на всех.

Мы, однако, были еще слишком молоды. И, конечно, мы позволяли себе (беря на себя обязанность цензоров) обраться в шутку то, что мы считали «излишествами патрона». Мы осуждали его за его спиной (фанфаронство неофитов). По какому праву, я вас спрашиваю? Это было неправильно и смехотворно. Но попробуйте запретить молодежи показывать превосходство, пыжиться и высмеивать старших! Опустим добровольно спряжение глагола «быть», предпочитая ему другой – «казаться». И мы еще считали себя умными!

Именно в этом маленьком кафе-пивной последний курс Рене Симона, к которому мы принадлежали, проводил разнообразные обсуждения. Обычно трибунал длился недолго. Несколько красноречивых фраз, простых эпитетов, глупых оценок, плохих острот, которые выдавали авторов. Сидя со стаканами минеральной воды или чашками кофе со сливками, мы воспринимали себя всерьез и готовы были переделать мир, в особенности, мир сцены.

Месяц май сиял всеми красками. Водная гладь столицы отражала небо. Вдоль улиц цвели каштаны. На некоторых площадях среди газонов ярко цвели тюльпаны. В других местах ласкал запах кустов сирени. Весело журчала вода, казалось, фонтаны пели.

Но у нас, студентов курса Рене Симона, были занятия поважнее, чтобы обращать внимание на все эти прелести природы. Действительно, это время года имело для нас очень важное значение. Приближался итоговый экзамен. Оставалось несколько недель для подготовки и показа «нашей» сцены на конкурс перед тщательно отобранным Рене Симоном жюри. Оно состояло из людей театра: директора, знаменитые актеры, модные актрисы, сосьетеры «Комеди Франсез»¹, режиссеры театра и кино и так далее. Короче, это была та оказия, тот день, то мгновение, когда вы можете за несколько минут быть замеченным кем-то влиятельным, способным вас продвинуть в профессии.

Возбуждение царило в наших действиях и жестах, ложно истолковывало наши суждения, напрягало наши

---

¹ Сосьетеры – пайщики «Комеди Франсез». С 1715 года они управляли всеми делами театра, набирали труппу и т. д. Сегодня «Комеди Франсез» состоит из 30 актеров сосьетеров и около 40 актеров, работающих по контракту.

нервы (и окружающих), вызывало растерянность в умах. Туда исподтишка проникал дух соревнования, и мы строго наблюдали за теми, кого мы уважали, не рассуждая, и считали, что они могут нас обогнать и произвести впечатление на членов жюри. Нужно было выбрать сцену, не очень длинную, но и не очень короткую, в которой можно было бы показать разные стороны «своего таланта». Трудное решение. После чего выбрать девочку или мальчика, которые бы подавали вам реплики. Кого-то надежного, не слишком яркого, чтобы не рисковать в выбранной сцене, а то он (она) украдет у вас успех. Нужно было все это преодолеть. Естественно, наиболее талантливые были очень востребованы и не могли удовлетворить всех. Настойчивость, мольба, надежда, триумф или разочарование, это была атмосфера полудрамы на фоне беспокойства и начинающегося мандража. Когда ситуация доходила до пика, вступал Рене Симон:

– Ты возьмешь ту или иную сцену с таким-то или такой-то на реплики.

Когда эдикт был произнесен, бесполезно влиять на решение такого высокого уровня иерархии, как Р. Симон. Итак, я получил приказ готовить отрывок из «Высшей меры» Клода-Андре Пюже. Мадемуазель Ковач, чешка, очаровательная девочка, впрочем, немного толстоватая, была мне указана как партнерша. Мне, который мнил себя Титом.

Мы начали работать вместе в мае. Дата официального просмотра уже назначена на середину июня. Мы считали, что у нас мало времени, тем более что мы должны показать означенную сцену патрону до показа на конкурсе. Он должен выбрать тех, кто пройдет в финал. Эти предварительные конкурсные испытания нас беспокоили, так как мы понимали, что из всего состава только треть пройдет в финал. В начале июня я узнаю от моего руководителя мадам Клевранн, что патрон хочет увидеть наш отрывок через два дня. Паника!

– Уже? Но...

– Послезавтра в три часа.

И мадам Клевранн добавила:

– Все будет хорошо... если ты не будешь говорить слишком быстро.

Послезавтра наступило очень быстро. Как вы и

предполагаете, мое прослушивание было катастрофическим. Против всяких правил, Р. Симон не огласил свой вердикт сразу. Он мне просто сказал: «Я жду тебя в офисе после занятий».

Я занял свое место среди моих товарищей и смотрел показы. Мое сознание витало где-то, пока я рассеянно наблюдал Октавия и Андромаху, думая о том, что мне скажет патрон. Несколько часов спустя, белый как салфетка, я оказался перед Р. Симоном в его офисе. Он разбирал бумаги у себя на столе и едва оторвал от них голову, чтобы сказать мне:

– Я только что получил письмо от Надин Фарель, это директор театра Сары Бернар. Эдвиж Фейер отправляется на гастроли через несколько месяцев с «Дамой с камелиями». Она ищет нового Армана Дюваля и просит прислать мальчиков, способных сыграть эту роль...

Я открыл рот, поднял брови от удивления и нахмурился, не понимая, зачем он все это рассказывает, ведь это меня не касается. Так как я молчу, он продолжает.

– Итак. Ты должен подготовить сцену III из второго акта и сцену VII из четвертого акта. Первая проходит в обстановке очарования, легкости, радости. Вторая – это момент гнева и разочарования. У тебя это получится, еще есть время подготовить тексты. Я, тем не менее, советую тебе прочесть или перечесть пьесу Александра Дюма-сына прежде, чем ты возьмешься за сцены. Так как ты работаешь с Ковач, ты ее попросишь давать тебе реплики Маргариты Готье. Вот! Все! Убирайся, у меня куча дел! Да, забыл, тебя ждут в театре Сары Бернар 16 июня в три часа.

Так как я все еще не двигаюсь, патрон добавил:

– Я не совсем уверен, что ты готов играть эту роль, но я не имею права не дать тебе этот шанс... потому что... ты настолько этот персонаж внешне... в конце концов... мало ли что? А теперь убирайся, я тебе говорю! Нет, ничего не говори. У меня куча дел. Иди учи Армана Дюваля.

Я очутился на бульваре. В голове пусто. Смутное впечатление, что я присутствовал в сцене из фильма, сценарий которого мне не известен. Мадемуазель Ковач ждет меня в компании нескольких студентов. «Ну? Что?»

Я не способен отвечать.

– Что он тебе сказал? Нас допускают? Не допускают?
– Я не знаю.
– Как ты не знаешь? Ты там был десять минут!
– Да, я не знаю.
– Ну и!
– И ничего!
– Ты нормальный или...
– Я не знаю... Но со мной происходит что-то странное...

– Ты заболел?
– Еще нет, но это придет... Пойдемте что-нибудь выпить. Мне это необходимо.
– Это значит, что он сказал «нет» по поводу нашего отрывка?

– Нет, напротив.
– Значит, нас допускают?
– Я не знаю. Пошли в «Вилар», я вам все расскажу.

Мы приходим в «Вилар». Садимся. И я рассказываю. Я пересказываю монолог Р. Симона. Я говорю, что он все решил, и жалобно признаюсь, что у меня не было возможности вставить хоть слово. Аудитория реагирует по-разному. Одни рисуют картину в черном цвете, другие в голубом.

– Но 16 июня, это же день прослушивания!
– Я знаю...
– Ты же не можешь быть одновременно в театре Сары Бернар и на курсе Симона!

– Я знаю.
– Но о сцене, которую ты только что показывал... Что он сказал? Ты проходишь? Ты не проходишь?

– Он ничего не сказал.
– Если он тебя посылает в театр Сары Бернар, значит он не хочет, чтобы ты показывал свою сцену на курсе.

– Ну уж нет! Он этого не говорил!
– Но тогда... Что ты будешь делать?
– Я не знаю.

Я провожу этот вечер и ночь очень нервно, это трудно описать. Я вспоминаю сто раз, какие слова употребил Р. Симон, но это ничего не дает. На самом деле ситуация проста, только я не могу ее оценить в том состоянии, в

котором нахожусь. Я награждаю патрона задними мыслями. Я рассказываю себе сказку: «Он не захотел мне сказать, что я провалился и не буду показываться 16 июня, поэтому он меня отсылает, чтобы я не прошел». Какое лицемерие!

Так вот, я покажу тем не менее мою сцену, так как он мне сказал, что я ее не покажу. Может быть, он забыл, что это все в один день и т. д. Я доказываю, я плету вздор со всей недобросовестностью, на которую способен, что, естественно, приводит меня к самому легкому решению, то есть самому плохому.

К черту Армана Дюваля, Эдвиж Фейер, эту даму с ее камелиями и Театр Сары Бернар! Что я там забыл? Все молодые артисты, которые существуют в Париже, бросятся туда, чтобы заполучить эту роль. Не говоря о малоизвестных «первых любовниках», которые уже там находятся. Нет, решительно, патрон сошел с ума, посылая меня туда, чтобы я расквасил себе физиономию. У меня нет ни одного шанса из ста. Если я туда пойду, меня не будут слушать и пяти минут. Эдвиж Фейер меня выгонит. Нет, нет, действительно, патрон не в себе! Я лучше проработаю серьезно мою сцену с Ковач и приду на финальное прослушивание для конкурса. «Дама с камелиями»? Я даже не открою книгу! Я ее и не открыл.

Следующие дни мы репетировали по три часа с Ковач. Я думал, что делаю большие успехи. Мне кажется, и она думала так же... Диалог звучал вполне естественно. Мы друг друга поздравляем и думаем, какой будет приятный сюрприз через три дня, на конкурсе.

На бульваре Инвалидов прекрасная погода. Сияет солнце, тепло. Два часа дня. Мы, студенты, напряженные и озабоченные, проходим в наше заведение и толпимся в фойе в нервном ожидании рокового момента, когда выкрикнут твою фамилию, чтобы выйти на сцену.

И вот в сопровождении членов жюри в зале появляется Рене Симон. Он нас приветствует жестом, который зависает в воздухе, и смотрит на меня, широко открыв глаза.

– Что ты здесь делаешь? Ты должен уже быть в театре Сары Бернар в это время! Я звонил Надин Фарель, она тебя ждет... Не хотел бы ты убраться отсюда? И немедленно!

И вот я снова на тротуаре. Все еще прекрасная

погода, немного жарко для этого времени года. А меня бьет дрожь. Мадемуазель Ковач молча стоит рядом и рассматривает свои туфли. Она не осмеливается что-то сказать. Что ей говорить? Она знает, что я не выучил ни слова из роли Армана Дюваля. Я тоже это знаю. Я пропал. Я чувствую себя совершенно потеряннным.

Но когда необходимость действовать предстала передо мной, я решил покончить с этой нелепой ситуацией. Раз Р. Симон предупредил директора театра, что я там буду, невозможно пропустить это randevu. Это повлечет за собой последствия, о которых я даже не хочу думать. Раз уж я не могу поступить иначе, пошли в этот театр С. Бернар! Я и мадемуазель Ковач вслед за мной, мы прыгаем в автобус.

Пока мы едем, я ей объясняю, что, приехав, скажу мадам Фарель: у меня не было времени выучить сцены Армана Дюваля из-за конкурса и я пришел все-таки, чтобы не быть невежливым, и рассчитываю сразу же отправиться обратно, чтобы не опоздать и показать нашу сцену на конкурсе. Я не хочу загадывать дальше. В моей голове все должно произойти именно так, просто.

Мы приезжаем на площадь Шатле. Вот театр. Мы входим туда через служебный вход. Лестница, несколько ступенек, площадка, дверь, кулисы и, наконец, месье.

– Что вы хотите?

– Я от имени...

– Шш! Не говорите громко, идет прослушивание.

Действительно, я слышу наполовину приглушенные толстым занавесом, падающим сверху, два голоса, говорящие театральным тоном.

– Дело в том... мсье...

– Я режиссер. Как ваша фамилия? Он смотрит в список, который у него в руках.

– Э... Паскаль. Но я хотел...

Он меня прерывает, говоря:

– О! У вас еще есть время. Сейчас проходит буква Д. Вы пойдете через два часа, не раньше.

Холодный душ на голову не произвел бы большего эффекта. Уже почти половина четвертого. Через два часа прослушивание курса Симона закончится, жюри уйдет после оглашения вердикта. Они меня не увидят и не услышат.

Тогда я кидаюсь в воду и стараюсь объяснить режиссеру, в какой я ситуации: прослушивание на бульваре Инвалидов, Арман Дюваль, расписание, автобус, жюри... Задыхаясь, я мешаю все. Я говорю и не дышу, я путаюсь в словах. Режиссер ничего не понимает... понятно, почему. Он нервничает. Я его раздражаю. Я это понимаю, и это удваивает скорость моей речи, уже почти не воспринимаемой. Он прекращает это словоизвержение, ужасное еще и потому, что я говорю вполголоса.

– Послушайте... Мне все равно. Вы должны выйти на сцену в алфавитном порядке. Если вы хотите пройти раньше других, договоритесь сами с вашими товарищами, которые ждут своей очереди. Они здесь.

Сказав это, он мне указывает на противоположный угол, где в темноте, я их различаю, десяток мальчиков и девочек перешептываются. Не сомневаясь, я устремляюсь к группе и обращаюсь к первому мужскому взгляду, который я встречаю. Я ему объясняю ситуацию, но уже спокойно. Следуют несколько реплик, я кажусь убедительным, так как мой собеседник подходит ко мне и говорит:

– Хорошо, иди... Ты можешь пройти перед нами. Ты знаешь... нет никакой надежды. Известно, что она уже кого-то выбрала. Э. Фейер согласилась нас выслушать, но... она уже сделала свой выбор. Все, на что можно надеяться, это маленькая роль в пьесе, Гастон, может быть...

Я не слушаю, что мне рассказывает этот мальчик, мне это совершенно все равно. Что занимает мой ум в эту минуту, это как я объясню мадам Эдвиж Фейер, что я пришел сказать ей, что не знаю ни слова из роли, так как ...так как... Между тем, артист и та, что подавала ему реплики, покидают сцену. Режиссер объявляет: «Следующий!» Группа смотрит на меня, я смотрю на них. Режиссер смотрит на нас попеременно.

– Ну? – говорит он.

– Ну?

«Моя очередь играть», – надо было бы сказать. Я поворачиваюсь к сцене. Неверным шагом я направляюсь к середине площадки. Как это долго! Какая большая сцена!

Я в центре. Сердце выскакивает из груди. Мертвая тишина. Передо мной огромная черная дыра, бездна. Я

настолько напряжен, что вот-вот начнутся судороги в ногах. Я сжимаю и разжимаю кулаки спазматически. Тишина продолжается. Я ее уже не выношу. Тогда я набираю воздух, чтобы представить мой небольшой монолог на тему: «Извините, но я не могу, так как...» Вдруг я слышу из бездны великолепный голос Эдвиж Фейер:

– Начинайте со сцены II, пожалуйста.

Я получаю это, как удар в солнечное сплетение, нечто вроде нокаута. Я хочу исчезнуть, провалиться в люк. Голос продолжает:

– У вас есть та, кто подает вам реплики?

– Да, мадам.

Мне удалось сказать два слова. Что меня удивляет, они вышли из глотки четко и звонко. Снова тишина. Голос продолжает:

– Итак, сыграйте сцену из второго акта, пожалуйста.

Ситуация, невыносимая для меня, и мое молчание, моя неподвижность, которые продолжаются, непонятны Э. Фейер. Она ждет. Я больше не могу. Я ныряю. Я объясняюсь на этот раз ясно. Снова тишина. Что меня ждет? Чего я жду? Чего она ждет, чтобы сказать мне, чтобы я убирался? Я различаю где-то в центре черной бездны обрывки разговоров. Затем снова голос, слегка нервный:

– Вы знаете, конечно, что-то... поэму, тираду, монолог, сцену...

И я, оппортунист и грубиян, я ее прерываю.

– Да, конечно... Я пришел с мадемуазель Ковач. Я могу показать сцену из «Высшей меры» и...

И снова Фейер резко говорит:

– Хорошо... Давайте! Соорудите декорацию из скамеек, стульев на площадке.

– Да, мадам.

Я делаю знак мадемуазель Ковач, благо разумно оставшейся в кулисе, и очень быстро четыре стула и две скамейки превращаются в дверь и окно на сцене. Я готов.

– Тогда начинайте.

– Сцена происходит в момент, когда...

– Начинайте, я знаю пьесу.

Ее голос поднимается на тон выше. Я ее раздражаю. Я же чувствую себя совершенно раскованным, легким, как

пиренейская серна на скале. Следовательно, я кидаюсь в эту сцену, которую я знаю досконально. Первые реплики. Голос Ковач издает какой-то шорох – это мандраж, это пройдет.

Я же чувствую себя, как рыба в воде. Я двигаюсь без всякой напряженности, я это чувствую. Я говорю громко и отчетливо (на этот раз!). Я делаю паузы в нужный момент. Я слушаю, что говорит партнерша, и отвечаю «правильно». Все просто. Я играю по-настоящему в первый раз. Я это смутно понимаю. В конце концов, этот опыт лишь формальность, которую я выполнил по необходимости. Хотелось бы, чтобы это повторилось так же хорошо перед жюри на курсе Р. Симона! Боже, сделай так, чтобы я туда не опоздал... Вот о чем я думаю, пока продолжается эта сцена, так как я уверен, что «номер», который я исполняю сейчас, ни к чему не приведет.

Наконец сцена закончена. Я кланяюсь бездне и, ничего не ожидая, вывожу мадемуазель Ковач со сцены. Кулисы, дверь, площадка, лестница, выход! И вот мы на воле, на воздухе. Погода все еще прекрасная, но прохладно. Мы мчимся на остановку автобуса. Он стоит как раз и уже отъезжает перед нашим носом... Поедем на следующем. Сколько времени? 4 часа. Прекрасно. Мы будем вовремя на бульваре Инвалидов. Ковач и я, мы вытягиваем шеи в ожидании нашего автобуса. Наконец-то... Мне кажется, я его вижу среди остального движения.

В этот момент я слышу – задыхающийся женский голос кричит: «Мсье Паскаль! Мсье Паскаль!» Я не обращаю внимания, следя за приближающимся автобусом. Крики «мсье Паскаль» и задыхающаяся дама становятся все более четкими. Автобус приходит. Женщина «мсье Паскаль» совсем рядом. Я себя спрашиваю, кто это М. Паскаль, которого так громко зовут. Я не понимаю, что это я, до того момента, пока она не хватает меня за рукав, когда я прыгаю на площадку автобуса. Она успевает мне сказать:

– Я Ольга Хорциг, импресарио Эдвиж Фейер. Она вас ждет завтра в три часа в своей ложе театра Сары Бернар.

Я не успеваю ответить. Автобус нас увозит. Он нас доставляет вовремя, чтобы я мог наконец показать мою сцену перед жюри курса Р. Симона. Все остальное неважно.

Маленькая сцена не имеет ничего общего с большой

площадкой театра Сары Бернар. Мы начинаем обмениваться репликами. Голос Ковач уверенный, мой не очень. Я совершенно выбит из колеи. Я тщетно пытаюсь поймать тот градус, в котором я находился несколько часов назад. Я совершаю фатальную ошибку. Я стараюсь скопировать себя самого. Результат катастрофический. Спотыкаюсь, пропускаю фразы текста. Ковач трудно следовать за мной. Мои жесты неловки и неестественны. Я принимаю позы и делаю бессмысленные жесты. Я кричу, путаюсь в словах, бормочу и запинаясь. Я тону. Одним словом, Березина¹ – разгром.

Я ухожу, разбитый, избегая всякого контакта с моими товарищами и профессорами. Члены жюри и Р. Симон не удостоили меня и взглядом, когда я выходил из зала. Я расстаюсь с Ковач грубо, не сказав спасибо, не сказав ни слова, и возвращаюсь домой, как заяц в свое убежище, потрясенный фактом своего полного провала. В квартире никого нет в это время. Какое счастье! У меня нет никакого желания говорить. Есть не хочу. Я ложусь... но уснуть не могу. Я беру книгу, которую не читаю. Курю. Принимаю ванну. Снова ложусь. Одним словом, я не знаю, куда себя деть. А потом, спасибо усталости, я все-таки засыпаю.

Утром моя физиономия не блещет. Бледный и опухший, я вижу в зеркале кого-то на меня похожего, но я нахожу его отвратительным. Половину ночи я воображал, что мне собирается сказать Э. Фейер в своей ложе. Я прекрасно понимаю, что я достоин приговора из-за моего грубого поведения в театре, где она хотела меня услышать, а я ушел так невежливо.

Да, конечно, я заслуживал выговора. Так мне и надо. Но кто даст ей урок? Такая женщина, на вершине славы, теряет время, чтобы надрать уши какому-то ученику... Все это казалось мне невыносимым. Так или иначе у меня не было выбора. Как было сказано, мне нужно волей-неволей идти на это randevu в означенное время. На самом деле, не только встреча с Э. Фейер меня пугает. Что меня беспокоит еще

---

¹ Березина – бегство армии Наполеона. 24 ноября 1812 года он подошел к реке Березина. В сражении погибло 25 000 солдат и 30 000 гражданских. Армия Наполеона перестала существовать. Слово вошло во французский лексикон, как «полный разгром, провал, поражение».

больше, так это возвращение на курс Р. Симона. Там я жду худшего.

Прежде всего неминуемый «разнос» патрона, который был вынужден показать меня жюри. Их критика, резкая, скорей всего, и жесткая по поводу моего выступления. Я просто рискую быть отчисленным. Ужас! Я уже думаю об иронических взглядах моих товарищей, о коротких фразах, о суждениях, которыми меня наградят. Короче, я чувствую себя «не в своей тарелке». Я боюсь. А часы идут...

Каким-то чудом мне удалось избежать контакта с семьей. Не понадобилось ничего говорить, объяснять, рассказывать, врать. В кухне я быстро проглотил свой кофе с молоком. Уже давно полдень. Я должен подготовиться. Я стараюсь переделать свою «физиономию». Туалет медленный и тщательный, не для того, чтобы поправить неизгладимые дефекты (мне 22), а чтобы убрать черты бессонницы и беспокойства.

Пробило два часа. Я приезжаю на площадь Шатле довольно рано. Гуляю по набережной, погода прекрасная. Но мне все равно. Небо серое, небо голубое, какая разница. Я даже не знаю, что я чувствую... чувство пустоты, может быть, разочарование. Это точно. Я разочарован всем, в особенности собой. Какой у меня мерзкий характер! Какой я дурак! Время проходит, пока я смотрю на воды Сены, огибающие арки моста. Немного волнуясь и с долей фатализма и любопытства, я стучусь в дверь Эдвиж Фейер, которая раньше была ложей великой Сары Бернар.

– Войдите!

Бархатный голос. Я вхожу и тихо закрываю дверь. Декор белый с золотом, стиль ампир (если я не путаю). Против света стоит на фоне потока кремовых занавесок Эдвиж Фейер. Я взволнован, стеснен. Я смотрю на нее. Она улыбается. Я смотрю вбок и краснею. Я не хочу, но это происходит.

– Подойдите ближе... чтобы вас лучше рассмотреть!

Это приказ, но так мило сказано, так красиво. Я двигаюсь вперед.

– Ближе... я вас не съем!

И она смеется, конечно. Я делаю шаг. Нас отделяют два метра. Наши взгляды задерживаются надолго. Я

опускаю глаза несмотря на то, что мне этого не хочется. На лбу выступает пот.

– Да, конечно, неплохо внешне. У вас хороший рост, это замечательно... и красивый мальчик. Вам уже говорили? Не сомневаюсь!

Я не знаю, куда деваться. Вдруг я вспоминаю книгу Колетт «Молодо-зелено» и паникую. Значит, вот для чего Э. Фейер... У меня нет времени измышлять что-то еще. Голос вступает вновь слегка язвительно:

– Ну, скажите что-нибудь. Вы же не немой. Я вас слышала вчера.

Я что-то бормочу. Видя мое замешательство, Эдвиж продолжает:

– Садитесь и поговорим.

Она садится на диванчик и дает мне знак сесть рядом. Не успел я сесть, как она мне объявляет: «Как вам понравится роль Армана Дюваля со мной?»

Я снова вскочил, как на пружине, и разразился пламенной речью. Фразы насакаивают друг на друга, я поднимаю тональность, я критикую яростно ее отношение ко мне. Я вне себя. Я ей закатываю сцену. С той разницей, что слова мои собственные и я не играю комедию.

Я ей заявляю, что она, конечно, все может себе позволить, во всем может меня обвинить, но она не имеет права смеяться надо мной. Да, я плохо поступил вчера, я пришел, чтобы извиниться. Это правда. Но я не ожидал, что кто-то очень важный опустится до того, чтобы обращаться со мной так злобно. Со мной, таким незначительным, как я, и что... и что... Я мечу громы и молнии...

Если бы она не расхохоталась, я не знаю, чем бы я закончил свою речь. Этот горловой смех, такой знакомый, продолжался и нарастал. Я никогда не думал, что эта гранд-дама театра и кино может так смеяться, как все. Я был поражен, растерян, сконфужен. Эдвиж передохнула и, все еще продолжая смеяться, сказала мне:

– Со мной такое случается впервые. Я вам предлагаю роль, за которую все «первые любовники» Парижа готовы сражаться, а вы... вы мне закатываете сцену! Нет, такого еще не было!

Опьянение, вызванное гневом, рассеялось сразу, и я,

как пустышка, рухнул на диван. Как? Что? Это правда? Пока я приходил в себя, она показала на столик.

– Налейте нам немного шампанского. Давайте отпразднуем это событие. – И она добавила лукаво:

– Надеюсь, вы сумеете открыть бутылку шампанского.

Если я ничего не путаю, именно так разворачивались события. Затем Эдвиж Фейер говорила мне о пьесе и о роли, которую я буду исполнять. Она мне сказала, что это будет через несколько месяцев и у меня есть достаточно времени для подготовки текста. После чего мы проговорили еще целый час, где я отвечал на вопросы, лично меня касающиеся. Потом она очень мило проводила меня до двери ложи и сказала, улыбаясь: «Вы решительно тот самый персонаж».

В конце дня я вернулся к Рене Симону. И это было совсем не то, что я воображал. Едва я вошел, Марга, верный секретарь, встретила меня:

– Тебя ждет патрон.

– Это по поводу вчерашнего показа?

– Я не знаю.

Я иду в офис. Рене Симон один, пишет. Как только я вошел, он кладет перо и поворачивается в кресле ко мне лицом. Он внимательно смотрит на меня и говорит:

– Ну?

– Что?

Молчание.

– Ты был ужасен вчера... мне было стыдно.

– Я знаю.

– Члены жюри не поняли, почему я представлял ученика, настолько малоспособного. Большинство из них написали против твоей фамилии «не советовать». Ты знаешь, что это значит?

– Да, конечно.

– Это значит – они не уверены, что ты способен делать карьеру.

– Да... но...

– Нет, какое но... Никаких извинений. Ты поставил меня в невозможное положение перед таким-то и таким-то.

И он стал мне перечислять членов жюри, имена которых я умолчу, так как они составляют историю нашего

современного театра. Рене Симон меня ругал какое-то время. Я думаю, он забавлялся за мой счет. Я убедился в этом, когда, сменив тон, он бросил:

– Я не знаю, что ты там сделал у Э. Фейер, но...

– А, так вы знаете!

– Да, я знаю. Надин Фарель и Ольга Хорциг только что мне звонили. Я думаю, ты будешь великолепен в роли Армана Дюваля... ты настолько этот персонаж... особенно в сцене из четвертого акта. Ты видишь, как я хорошо сделал, что послал тебя туда. Только я не был уверен, что ты поправишься. Хорошо. Очень хорошо. Я счастлив и горд за тебя.

И я струсил, у меня не было мужества рассказать ему всю правду. Узнал ли он ее когда-нибудь?

Новость произвела эффект бомбы в маленьком мире учащихся курса Симон. Самым обалдевшим был ваш покорный слуга, который остерегался признаться, что сам был ошарашен этим выбором. Напротив, я не препятствовал легендам. «Просмотр Арман Дюваль» стал наглядным примером. Каждый рассказывал свою небылицу, прибавляя что-то от себя, так кстати, что в конце концов никто не узнал правды. Все было деформировано, преувеличено, изменено, согласно воображению рассказчика.

Я, в восторге и слегка подверженный глупому тщеславию, играл роль «простого парня», которому повезло и который... на самом деле этого заслуживал... может быть. Девочки смотрели на меня по-другому, больше улыбались. Ребята смотрели косо, особенно из-за девчонок и из-за предложения, которое я получил. Я всем сказал со всей простотой и искренностью, что я продолжаю посещать курс до каникул 14 июля...

Мои товарищи считали меня великодушным. Каждый искал моей компании... Девчонки просили советов и одобрений по поводу их выступлений. Я им что-то отвечал. Что я мог им сказать, я сам ничего не знал и был пришиблен тем, что со мной случилось.

Семья была немного удивлена, когда узнала новость. Радость была окрашена легким сомнением со стороны матери. И, как ни удивительно, окрашена беспокойством со стороны отцовской родни. Все это было неофициально, так как это происходит не быстро. Люди в театральных кругах

так легко и часто меняют мнения. Не так ли?

Глава четвертая

Лето подавало радостные надежды. Я сдержал свое обещание и продолжал пунктуально посещать курс Рене Симона, как будто ничего не произошло. Я играл в послушного и внимательного мальчика (притворное поведение). Моя голова была полна измышлений о «моей удаче». Неуместная гордость меня уже поддразнивала. Я «продавал шкуру неубитого медведя», но молчал о моих тайных мыслях. Наша усидчивость ослабевала к концу дня. Клан Пьер Монди, Филипп Нико, Руссель, Паскаль и некоторые другие охотно сообразились в нашем баре-пивной на углу у «Вилара».

Почти половина шестого. Парит весь день. Только что разразилась сильная гроза. Мы играем в карты. Филипп Нико вышел из игры. Он листает киножурнал. Он скучает и комментирует то, что читает. В какой-то момент он нам объявляет:

– Смотрите, Раймон Бернар (известный режиссер еще до войны) готовит свой новый фильм. Он еще не нашел актеров для двух главных мужских ролей.

Продолжая играть, мы хохочем.

– Ты думаешь, он тебя ждет, чтобы дать главную роль? Конечно, как только он тебя увидит, у него будет шок, – и так далее, и так далее...

Шутки, прибаутки, подковырки, смешные прозвища. Филипп к этому привык. Он не обижается, так как мы подшучиваем друг над другом по любому поводу. Он продолжает:

– Нет... я не дурак! Я ведь знаю ассистентку режиссера Люсиль Коста. Я поеду туда. Кто его знает? Наверняка есть маленькие роли. Это большая историческая эпопея. Действие происходит в Средние века. Фильм будет называться «Суд Божий»¹. Это немецкая легенда, история любви принца и пастушки. Там будут трубадуры, кавалеры... наконец, маленькие роли.

Мы, иронически посмеиваясь и мало веря в это, продолжаем нашу партию, пока Филипп рассуждает вслух.

---

¹ «Le Jugement de Dieu» – 1949–1950 de Raymond Bernard.

На улице дождь усиливается. Молнии и удары грома следуют друг за другом. Машины, проезжая близко к бордюру, заливают тротуар. Редкие прохожие пробегают вдоль стен под своими зонтами. А мы закончили свою игру. Пьер Монди всех победил. Уже почти шесть часов. Время распрощаться, чтобы вернуться кому домой к родителям, кому в кино или на свидание с девушкой.

Филипп Нико, упершись в свою безумную идею, решил проехать через офис студии, где готовится новый фильм Раймона Бернара. Он хочет встретиться с ассистенткой, которую знает. Он ей позвонил, она его ждет.

Дождь все сильнее. Филипп обращается ко мне:

– Если хочешь, я тебя подброшу. Офис находится на улице Берти-Альбрехт, это площадь Звезды. Я тебя потом отвезу на улицу Виктора Гюго.

Видя, что я в сомнении и в некотором недоумении, он добавляет:

– Я на тачке... которую мне одолжила подруга.

Филипп любил в те времена изображать из себя – правда или неправда, – Дон Жуана. Поняв, что дождь не утихает, я принимаю предложение. И вот мы едем. Говорим мало, внимательно следим за дорогой, чтобы не задеть другие машины. Видно плохо через ветровое стекло, хотя дворники работают исправно. Мы приезжаем. Филипп паркуется.

– Ну, ты идешь?

– Нет... Я не хочу, я тебя подожду. Я же не знаю твою ассистентку.

– Не будь идиотом, что ты будешь здесь делать один...

– Ну, нет...

– Ну, да. Давай, пошли.

Нехотя я вылезая из машины, считая этот демарш совершенно бесполезным для себя... И потом... будучи застенчивым по натуре, я опасаясь встречаться с незнакомыми людьми. Но я в этом не признаюсь.

Мы входим в здание, поднимаемся, звоним. Нам открывают. Длинный вход в буржуазные апартаменты, приспособленные под зал ожидания. Два потрепанных кресла, деревянная банкетка и как раз напротив двери на площадку

еще две закрытые двери.

Филипп просит меня подождать здесь. Он идет к ассистенту режиссера Люсиль Коста и исчезает за поворотом коридора. Я сажусь на банкетку. Неудобно. Время идет. Я листаю киножурнал. На улице дождь. Где-то хлопнула дверь. Проходит еще несколько минут, они мне кажутся бесконечными. Я меняю позу. Что я здесь делаю? Такое впечатление, что я в очереди к зубному врачу. В корпоративном журнале ничего интересного.

Шум шагов в коридоре. Это Филипп. Наконец-то! Я встаю. Он направляется ко мне, делая выразительную гримасу, прежде чем сказать:

– Ничего не вышло, слишком рано. Они начинают снимать в сентябре на натуре в Германии. Вернутся в конце октября. Люсиль мне сказала, что наверняка будет масса маленьких ролей. Они еще не выбрали главного героя. Жан Маре? Жорж Маршал? Она не знает.

Точно в этот момент происходит сразу несколько вещей. Филипп и я находимся перед дверью на площадку. Филипп ее открывает и делает мне знак пройти. Я совершаю карикатурный дворцовый реверанс с театральной элегантностью, наклонив корпус и описав полукруг правой рукой. Я возглашаю: «После вас, монсеньор». Филипп пожимает плечами и уже открывает дверь, а я готов следовать за ним. Вдруг голос за спиной останавливает меня.

– Эй! Пойдите!

Мы поворачиваемся и видим тонкий силуэт седовласого месье, который говорит:

– Подойдите сюда...

Филипп и я, мы реагируем одинаково: мы указываем пальцем на себя.

– Нет, не вы... Вы.

Месье нас рассматривает обоих. Филипп делает шаг.

– Нет! Другой!

– Я?

Я себя спрашиваю, что он от меня хочет. Я вроде ничего не сделал с тех пор, как оказался в этом месте. Я повторяю удивленно.

– Я?

– Да, вы... Пойдемте со мной.

Я кидаю панический взгляд на Филиппа, который разводит руками в знак беспомощности и непонимания. Я вхожу в большую комнату. Письменный стол завален рукописями, бумагами, брошюрами и фотографиями. На стенах афиши, которые я не успеваю рассмотреть. Что со мной? Что я сделал? Дверь закрывается. Месье с седыми волосами подходит ко мне. Он меня рассматривает. Я смотрю на него. Молчим. Смотрим друг на друга.

Он довольно высокий, скорее худой, чем тонкий. Удлиненное лицо, запавшие щеки, большой нос. Он мне напоминает Людовика XI. Умные глаза меня изучают. Я чувствую, что он меня оценивает, взвешивает, раздевает, судит. Взгляд пристальный, острый, взгляд заинтересованного гурмана. Ни слова, ни звука. Мне не страшно, но не по себе. И тут начинает строчить пулемет, то есть вопросы следуют один за другим очень быстро.

Не успею я ответить на один вопрос, уже задают следующий.

– Вы артист? Что вы делали? Сколько вам лет? Каков ваш рост? – И т. д.

Я стараюсь отвечать четко и быстро. Я ошеломлен. Мой собеседник возбужден, мне кажется. Вдруг он устремляется к столу, достает стопку бумаг, бросает на нее взгляд и протягивает мне.

– Держите, прочтите мне это.

Я смотрю на отпечатанный текст. Это диалог: принц и маркиз. Людовик XI приказывает:

– Читайте!

А что мне делать? Я читаю. Наконец я начинаю о чем-то догадываться! Я произношу слова, но не понимаю, в какой ситуации находятся оба персонажа. Не обращаю на это никакого внимания, читаю, не зная, о чем речь. Людовик XI меня прерывает. Мне кажется, он улыбается (смутное впечатление). Он просит меня сесть, что очень мило с его стороны. Он протягивает мне другие листочки. Я их быстро пробегаю. Новый диалог: принц и Аньес. Он мне объясняет уже спокойно:

– Это принц... а она пастушка. Он ее любит, а она не осмеливается в это поверить. Читайте, читайте.

Я читаю! Мне уже легче, я уже немного лучше понимаю. Я продолжаю. Он меня прерывает вновь.

– Попробуйте говорить помедленнее. Не бойтесь. Успокойтесь. Постарайтесь влезть в шкуру персонажей. Она не смеет... а он наоборот. Он ей говорит о своей любви... он не говорит с ней как солдат. Он хочет ей понравиться, ее завоевать. Читайте!

Я опять читаю. Через полчаса мы устали оба. Я монотонно читаю, а Людовик XI меня слушает. Людовик XI смотрит на меня, ходит нервно взад и вперед по комнате и говорит:

– Неплохо... совсем неплохо, вы знаете.

Мне хочется ему сказать, что как раз нет, я не знаю. Я не знаю, где я, куда я двигаюсь и чего от меня ждут. Мне кажется, что я даже не знаю, кто я. Людовик XI зовет некоего Жака Планше. Кого-то вроде адъютанта в штатском, впрочем, весьма симпатичного. Они обмениваются короткими фразами. Я чуть не подавился, когда услышал, как ассистент ответил:

– Да, конечно, месье Бернар.

Черт! Это же режиссер! Я не краснею, я становлюсь пунцового цвета, а затем чувствую, что резко бледнею. Я пытаюсь успокоиться. Я думаю о Филиппе, который наверняка спрашивает себя, что со мной случилось. Я бы тоже хотел это знать. Эти господа разговаривают между собой и со мной.

Называются даты, часы, места, дни недели... Они спорят. В результате я слышу примерно следующее:

– Рандеву послезавтра в 9:00 на студии Булонь. Будем делать пробы... Держите вот эти три сцены. Выучите их, особенно сцену признания в любви. Жак Планше возьмет ваш номер телефона и объяснит вам то, что я не успел вам сказать сегодня. Тогда до послезавтра. В девять, Булонь. Старайтесь!

Я протягиваю руку. Я выхожу с Планше через главный вход. Мы остаемся на несколько минут вместе в маленькой комнате, увешанной фотографиями и рисунками, планами работы. Обмен адресами, номерами телефонов, несколько объяснений и разъяснений, несколько советов тоже. Мы симпатизируем друг другу, Жак Планше и я.

Он мне любезно объясняет, в каком ключе я должен проработывать мои сцены. Он дает мне указания о персонаже принца. Конфиденциально он мне рисует образ принца таким, каким его видит Раймон Бернар. Он хочет видеть обыкновенного молодого человека – ни Маре, ни Маршала, – но который должен иметь... и так далее, и так далее... Драгоценные сведения со стороны первого ассистента.

Юноша явно с симптомами опьянения и в плачевном состоянии предстает перед Филиппом, ожидающим меня.

– Ну?

– Пойдем что-нибудь выпьем... Это невероятно!

Я, шатаясь, спускаюсь по лестнице. Дождь кончился.

Почти полночь, когда мы решаемся что-то съесть на кухне на улице Фэзандери. В квартире никого, семья в деревне. Мы репетировали весь вечер в моей комнате. Филипп подавал реплики, чтобы я легче мог запомнить текст. Теперь он все знает наизусть, так же хорошо, как и я. Мы обсуждаем с набитыми ртами, каким тоном надо давать ту или иную реплику. Согласен. Не согласен. Бесконечные поиски «почему», «потому». И все это со страстью.

Филипп уходит от меня в два часа утра. Он позвонил своей подруге (с тачкой) и предупредил ее, что запоздает! Я думаю про себя, что она или очень терпелива, или очень влюблена.

В 11:00 звонит телефон. Это Жак Планше. Длинный разговор: да, я выучил мои тексты, я думаю, я их знаю. Завтра я их буду знать еще лучше. Как? Да, я слушаю. Мой собеседник дает мне совет капитальной важности:

– Вы понимаете... Это роль принца Баварского. Вообще люди представляют немцев блондинами. Раймон Бернар тоже разделяет это мнение. На вашем месте я бы пошел быстро в салон и перекрасился. Я уверен, что это еще один козырь в вашей игре.

Раймон Бернар очень увлечен... нет, я не шучу. Он мне говорил. Нужно совсем немного усилий, чтобы получить эту роль. Да, конечно, роль принца!

С телефоном в руке я сажусь. Ног нет. Я слышу смутно голос Планше, который мне позвонит сегодня вечером узнать, как все прошло и как я себя чувствую

«блондином». Филипп высаживается у меня в два часа. Он на тачке? Да! (Определенно, женщина влюблена!)

– В чем дело? Мы репетируем?

– Да, репетируем. Но сначала едем к парикмахеру.

И я ему рассказываю.

Я смотрюсь в зеркало. Кто это? Я похож на кого-то, кого я никогда не видел. Это дальний кузен, чей отец – некто похожий на Лесли Ховарда¹, глаза светлые по крайней мере. Я не-уз-на-ва-ем! Моя мама меня бы не узнала. Филипп сидит напротив и созерцает тоже. Он явно не очень убежден результатом этой метаморфозы. Я слегка волнуюсь. Это ни к чему. Пошли работать. И мы снова активно обмениваемся репликами. Пара сомнений, несколько перестановок, но главная часть текста освоена. Около семи часов звонок Жака Планше:

– Как дела? Все хорошо?

– Да-а-а...

Нет, у него нет времени заехать и посмотреть на меня. Он увидит мою голову завтра утром. Знаю ли я дорогу на студию? Нет! Но Филипп знает.

Он меня привезет. Да, я буду в восемь часов... для макияжа. Мандраж? Э... нет... да... я не знаю. Все будет хорошо? Надеюсь... О да, я надеюсь!

Вдруг мне стало ужасно страшно. Я умоляю Филиппа не оставлять меня одного. Он ворчит немного. Женщина с автомобилем... она его ждет. Он не может сделать ей эту гадость два вечера подряд, в особенности если он хочет опять взять машину, чтобы ехать на студию завтра. Короче, он попробует.

Он ей звонит. Я слышу, хотя и не прислушиваюсь. Он ее очаровывает, смешит и рассказывает ей мою историю, как свою. Это он должен завтра ехать на пробы для важной роли в фильме.

Если... если... да... на студию Булонь и так далее. Убежденный в том, что он говорит, он ее уговаривает и добивается своего. Она прощает ему еще один вечер... и дает

---

¹ Лесли Ховард (1893–1943) – британский актер театра и кино. В 30-х годах снимался в Голливуде. Широкой публике известен по фильму «Унесенные ветром» (1939), где он сыграл роль Эшли Уилкса.

автомобиль. (Она его любит, нет сомнения.) Уф, я вздыхаю с облегчением. Я не рассчитывал провести этот вечер перед боем в одиночестве.

Около девяти часов утра, кто-то другой выходит из гримерной. Говорят, что это принц Баварский (почему бы нет?), но это не я. Нужно признаться, что тон на лице дает хороший эффект. Светлые волосы кажутся менее агрессивными при ярком свете. От туши блестят глаза. Результат может быть неплох, но взгляд, который я вижу в зеркале, принадлежит кому-то другому, кто мне не очень нравится.

Студия Булонь необъятных размеров. Мне, который здесь впервые, она кажется собором. Впрочем, прожектора, прикрепленные в воздухе, похожи (нужно обладать воображением!) на готических химер, сюрреалистичных, по правде говоря. Что меня сразу удивляет, – огромные пропорции этого ангара в сравнении с маленькой освещенной группой, которая ждет меня там... там... в конце.

Действительно, группа людей суетится между светом и тенью. Они ждут меня! Такое впечатление, что я иду к позорному столбу. При ярком освещении, мне мерещится костер впереди...

Несколько минут назад Жак Планше надел на меня нечто вроде кожаного камзола поверх рубашки с пышными рукавами. Неважно было, что надето внизу. Из этого я заключил, что режиссера интересует только мой бюст. (Какой же я дурак! Конечно, ты в кино, а не в театре!). Я иду вперед. Я почти пришел на место казни. Еще нет столбняка... но все впереди! Справа от меня Жак Планше, слева Филипп тоже в костюме. Он получил разрешение меня сопровождать и участвовать в пробах в роли оруженосца принца. Он знает роль. За нами шагает гример, и костюмерша замыкает шествие.

Стоп! Я на месте! Раймон Бернар жмет мне руку. Он спокоен. Он улыбается, затем быстро представляет меня различным людям, чьи имена я даже не слушаю, кроме трех: мсье Роже Юбер, главный оператор (один из самых знаменитых в то время во Франции), мсье Эжен Тушерер, продюсер, и мадемуазель Андре Дебар, актриса, которая будет исполнять главную женскую роль – Аньес.

Прожектора направлены на эскиз угла декорации.

Деревянная скамейка, поставленная на картонные плиты (имитирующие камень), стрельчатое окно из маленьких прозрачных квадратов в центре каменной стены цвета беж. Раймон Бернар подводит меня к свету. Я оборачиваюсь, ищу глазами Филиппа для поддержки. Я ничего не вижу, кроме темноты. Прожектора меня ослепляют. Режиссер терпеливо объясняет, чего он ждет от меня.

Он показывает мне движения и жесты, которые я должен сделать в тот или иной момент текста. Мадемуазель Андре Дебар будет находиться у камеры, подавая мне реплики в роли Аньес. Это на нее я должен смотреть, а не вдаль. Он решает:

– Мы начнем с любовной сцены. Вы знаете свой текст? Тогда давайте!

Вы готовы, мадемуазель Дебар? Хорошо. Тишина. Мотор! Она начинает сцену. Она говорит. Я отвечаю. Я думаю только о тексте. Я боюсь ошибиться. Я говорю слова, я их проговариваю механически. Сцена заканчивается. Я не ошибся, уф! Раймон Бернар подходит ко мне и очень мягко старается, чтобы я расслабился, пытается меня ободрить.

– Хорошо. Вы знаете свой текст, но сейчас надо играть. Попробуйте влезть в шкуру персонажа. Сыграйте ваш диалог. Немножко больше теплоты... больше искренности, больше любви... Вы поняли? Хорошо.

Тогда мы снимаем. Тишина! Мотор!

– Я снимаю! – отвечает оператор.

Другой голос бросает монотонно:

– Любовная сцена: принц и Аньес. Проба. Паскаль. Номер один. – Шум хлопушки заставляет меня вздрогнуть – этот звук я слышу в первый раз. Дыхание учащается, я немного нервничаю.

– Мотор! – приказывает режиссер.

Андре Дебар бросает первую реплику. Я отвечаю немного расслабленно, но я фиксирую лицо Андре Дебар, как если бы я был загнипнотизирован питоном. И правда, я чувствую себя кроликом в этот момент.

– Снято!

Раймон Бернар подходит ко мне и говорит осторожно:

– Уже лучше... намного лучше. Но все еще не то.

Расслабьтесь. Вы знаете текст. Играйте словами. Сделайте вид, что это вы их выдумали... и смотрите куда хотите. Хорошо? Начинаем.

Мы начинали восемь или девять раз; прерывались иногда для установки света или для того, чтобы гример вытер мне лоб.

– Давайте, последний раз эту сцену, – решает режиссер, обращаясь ко всей группе. Потом смотрит на меня и добавляет:

– На этот раз... забудьте все, что я вам говорил, и делайте то, что хотите, то, что вы чувствуете.

Сначала мне стало страшно. Ступор парализовал меня частично. Я не мог себя победить, восстановить то, что я хотел передать словами. Но постепенно я приобрел уверенность. Мне кажется, щелчок произошел в тот момент, когда я услышал слова режиссера: «Делайте то, что вы чувствуете...» И я сделал то, что я чувствовал. И мне удалось! Усилие или случай? Я не знаю. И то, и другое. Внезапно я влез в шкуру принца. Я смотрел на Аньес, когда она говорила, слушал ее внимательно, потом, опустив глаза и повернув голову, я делал вид, что ищу слова и отвечаю ей по-другому, стараясь ее убедить... Я был настолько «в роли» во время этой пробы, что у меня были слезы на глазах. (Это помогает в любовных сценах!)

– Снято! – Голос Раймона Бернара прозвучал ясно! – Готово! Это было хорошо! – добавил он. – А теперь еще раз, еще лучше!

Мы снимали много раз все три сцены. Одна из них нас объединила перед камерой, Филиппа и меня. А затем... все закончилось. Прожектора погасли один за другим. Шум голосов – перекрестные диалоги и наложенные одна на другую взаимные благодарности, заслуженные и оценивающие, брошенные одними и другими. Надо было прощаться.

Около двух Филипп и я были разгримированы и в штатском. Жак Планше только что с нами расстался. Он побыл с нами полчаса, уверил нас, что все прошло очень хорошо как для одного, так и для другого, добавив, что мы имеем право надеяться на лучшее. Мы только об этом и мечтали. Прежде чем уйти, Планше нас предупредил:

– Надо теперь немножко подождать. Я знаю, не

очень славно ждать результатов проб и принятия решения. Через два-три дня постановщик и продюсер все решат. У нас сегодня еще одна проба, я не скрою от вас. Как только я что-то узнаю, я вам позвоню.

И он добавил, глядя на меня:

– Вы были очень хороши при свете прожекторов... а сцена любви, особенно в конце... вы ее здорово сыграли.

Он был искренен, когда это говорил. А затем он исчез.

Филипп и я, мы остались на тротуаре, около машины, этим прекрасным летним днем. Мы были похожи на двух заблудившихся больших детей. Чувствуешь себя голым, когда ты разгримирован и расстался с кем-то, чтобы стать самим собой. Это я почувствовал в первый раз. Впереди будут и другие. Конец дня проходит вяло. Мы пришли ко мне, тщетно пытаюсь заинтересоваться картами. Напрасно. Мы думаем о другом. Филипп решает прогуляться в сторону курса Рене Симона. У меня нет аргументов, чтобы его задерживать, но я ему объясняю, что я не могу его сопровождать с моей светлой шевелюрой.

– Почему?

– Потому что... Если я покажусь в таком виде прежде, чем узнаю результат сегодняшнего демарша, меня съедят. Нужно будет рассказывать, объяснять... Если нас не возьмут, хорошенький вид будет у нас с тобой потом. Можешь себе представить выражение лица патрона? Если это отказ, я перекрашиваюсь и возвращаюсь, как ни в чем не бывало. Ты – другое дело, твоя голова все та же. Но ты ничего им не рассказывай, умоляю тебя.

Три дня дома у Филиппа и у меня состояние вынужденного косоглазия в сторону телефона, который упрямо не хочет звонить. Три часа дня. Мы опять рассказываем друг другу смешные истории, которые не слушаем оба. Мы что-то съели с Филиппом. Он привлек одну из своих подружек, чтобы наполнить холодильник, так как у меня в кармане пусто. Половина седьмого. Звонок! Я чуть не навернулся, чтобы ответить.

– Алло... да!

– Это вы? Это Жак Планше.

– Да, да.

– Слушайте...
– Минутку, я скажу Филиппу, чтобы он взял наушник.

– А, так вы не один?
– Нет, я с Филиппом Нико.
– Хорошо.
– Ну и...
– У меня хорошая новость для одного, и... менее хорошая для другого.

Пауза... Иисус или Варавва¹?

Ужасные секунды, их трудно выдержать обоим в ожидании ответа Планше, который упрямо молчит.

– Ну?
– Итак... самое простое... если вы приедете немедленно в офис. Я думаю, решение принято. Вас ждет шампанское. Поторопитесь!

И он вешает трубку.

Никогда еще Филипп не ехал на такой бешеной скорости. Мы преодолеваем лестницу на улице Берти-Альбрехт через четыре ступеньки и, задыхаясь, влетаем в офис Раймона Бернара, где он беседует с бокалом в руке с продюсером, Андре Дебар и основной технической группой. Мы оба белые как мел. Нам наливают шампанское, нам улыбаются, нас заставляют выпить несколько глотков, а потом, повернувшись ко мне, режиссер говорит почти торжественно: «Я думаю, мы нашли нашего принца!» Я не двигаюсь с места, так как не уверен, правильно ли я понял.

– И это ваша реакция? – удивляется он.

Я смотрю на Филиппа, он на меня. Наши взгляды о многом говорят. Раймон Бернар продолжает, смотря на Филиппа.

– Что касается роли оруженосца принца, я еще не принял решения... Это не означает, что это не будете вы.

Атмосфера сразу разряжается. К Филиппу возвращаются краски на лице, а я ищу, куда бы сесть, и взгляда Жака Планше. Адъютант в штатском улыбается и подмигивает мне, как сообщник. У меня же сердце прыгает от радости.

---

¹ Варавва – библейский персонаж, преступник, помилованный Понтием Пилатом вместо Иисуса. (*прим. пер.*)

Что-то сжимает грудь. Хочу заплакать, но всегда боюсь быть смешным. Филипп подходит и хлопает меня по спине. Я смотрю на него. Мы опять говорим глазами.

К нам приближается Раймон Бернар. Это больше не Людовик XI, это Аполлон. Он говорит со мной, я его не слышу. Андре Дебар подходит, чтобы меня обнять и сказать «браво». Продюсер наполняет стаканы. Филипп сразу выпивает свой, а я проливаю половину на ковер! Вечер заканчивается весело в соседнем ресторане, хотя Филипп нас оставляет первым, так как его ждет подруга. Он мне говорит:

– Позвоню завтра утром.

Я отвечаю:

– Нет, не звони, приезжай!

– Я буду в 10:00.

На этот раз меня сопровождал Жак Планше. Я слишком «увлекся» шампанским... Перед тем, как заснуть, я думал о Филиппе. Так ли настойчиво я бы вел себя на его месте? Честно говоря, не думаю.

Прежде чем распрощаться, продюсер назначил мне встречу на завтра в полдень.

– Нужно, чтобы вы подписали ваш контракт. У вас есть агент, импресарио?

– Э... нет, месье.

– Хорошо. Он вам и не нужен. Это простая формальность, просто необходимо, чтобы все было в порядке до начала съемок, – добавил он, улыбаясь.

Я должен был бы опасаться этого человека, его улыбки, довольно неприятной (плохие зубы), и его голоса, слишком сладкого, чтобы быть искренним. Но что вы хотите от мальчишки, которому еще нет и 22? Он размышляет о том, что его выбрала в партнерши самая знаменитая французская актриса и что он получил главную роль в большом фильме, который уже обсуждают в киношных кругах.

Означенный мальчишка не рассуждает. Он не способен на это. Опьяненный, возбужденный этим невероятным шансом, он ослеплен, покорен поворотом фортуны. Он уже воображает себя равным Жану Маре и Жоржу Маршалю, потому что выбрали его, незнакомца и неопита, а не их, признанных профессионалов. Этот юноша живет, как во сне. И когда ему говорят, что все это станет реальностью после

того, как он подпишет какую-то бумажку, как вы думаете, он действует? Он подписывает. Он может подписать все, что угодно, что он и делает.

Юноша, легкомысленный и счастливый, возвращается к себе домой, сжимая в кармане драгоценную бумажку, содержание которой он понимает смутно. Он знает только одно – что ему удалось проникнуть в мир кино через парадный вход. Главная роль в начале карьеры – это чудо. В каком-то смысле это так. Но есть оборотная сторона медали, об этом юноша даже не задумывается. Пройдет совсем немного времени, и этот листок бумаги обожжет ему пальцы, и нужно будет действовать быстро, чтобы избежать худшего. Но мы пока не об этом.

Сначала я иду встретиться с Рене Симоном. Я хочу сам все рассказать ему, чтобы он не услышал это от кого-то другого. Его реакция не совсем та, на которую я рассчитывал. Он меня предупреждает, впрочем, без излишнего пессимизма, о риске попасть в сети кинематографа. А потом он иронизирует, улыбаясь:

– А... молодежь! Вы все одинаковы. Вы думаете только о кино. Ка-ка-камера.

Затем, снова став серьезным, он продолжает:

– Однажды ты поймешь разницу между кино и театром. К счастью, ты будешь играть с Эдвиж Фейер в будущем году. Вот здесь и будет твой настоящий дебют. Давай, отправляйся на каникулы... Веселись, ты это заслужил! Думай о другом. Наслаждайся молодостью! Давай, иди... и, возвращаясь, навести меня, когда у тебя будет время.

Гораздо позже, много лет спустя, я познакомился с письмом, в котором Пьер Монди обращался к другу-журналисту – о нем я скоро расскажу, – где мой старый друг по курсу Симон, цитируя нашего общего учителя, говорил среди других теплых высказываний на мой счет: «Я слышу как сейчас пророчество патрона по его поводу: я даю ему шесть месяцев для рывка, чтобы начать, и год, чтобы стать известным»,

Никто мне не говорил об этом пророчестве в тот момент, когда оно было произнесено. Монди мне не сказал о нем. Он умел держать язык за зубами. Но удивительно, что Рене Симон видел так четко перспективу. Я абсолютно

уверен и могу поклясться, что все те, которым посчастливилось прислушаться к Рене Симону, получили несравненный шанс. Его уроки – не только драматического искусства, – его предупреждения остались в нас. Они у нас в крови. И те, кто не обратил на них внимания или не захотел это сделать, просто глупцы. Они не услышали Рене Симона. Новость об «открытии» меня Раймоном Бернардом и приглашении на «Суд Божий» была как удар грома в кругах кино. И все хотели со мной познакомиться. Что это за новая редкая птица?

Мне нужно было срочно предупредить моих родственников на отдыхе, прежде чем они узнают эту новость из газет. Я сообщил моим бабушке и бабушке, что приеду завтра. Моя детская комната меня всегда ждала в их красивом доме на берегу Сены, напротив Буживаля. Нас было трое, когда я им все рассказал. Обстановка в этот день была полна снисходительности. Они были растроганы, каждый по-своему. Моя бабушка вытирала глаза, смотрела на меня, будто в первый раз: «Бог мой... кино! Ты говоришь, ты будешь принцем Баварским, это замечательно!» В ее взгляде я читал всю мировую нежность с легким оттенком гордости. Для нее не было никакого удивления, что меня «назначили» принцем. В ее сознании, полном любви, я уже и так давно царил. Надо было, чтобы все узнали о моем существовании.

Мой дедушка хмурил брови (из принципа), прочищал горло (по привычке) и скрывал свои чувства (платком, он тоже). Он преувеличенно громко сморкался, трубным звуком, нам известным. Я хорошо сделал, что поспешил с признаниями. Два дня спустя новость появилась в газетах и некоторых журналах под рубрикой «Спектакли».

В Париже зазвонил телефон. Незнакомые мне люди, журналисты, просили о встрече. Прежде, чем я договорился хотя бы с одним, мне позвонила импресарио и доверенное лицо Эдвиж Фейер, мадам Ольга Хорциг. Она, узнав новость, попросила меня срочно приехать. Она спросила меня, не подписывал ли я какие-то бумаги. Услышав положительный ответ, она сказала, что ждет меня немедленно у себя. Она жила в двух шагах от меня. С признаками легкого фанфаронства вначале, мое состояние духа менялось по нарастающей во время разговора. Ольга открыла мне дверь сама, спешно поздоровалась и подтолкнула меня в салон. Сама

села за свой письменный стол, закурила сигарету, протянула руку и сказала:

– Контракт!

Даю контракт.

– Садитесь... пока я читаю.

Я смотрю на нее. Еще молодая женщина. Лицо круглое и бледное, волевой подбородок, зоркий взгляд, ухоженные каштановые волосы с рыжим оттенком, рукопожатие энергичное, как и речь. Я скоро в этом убедился... на собственной персоне! Чем больше она продвигалась в чтении, тем больше, так мне казалось, ее спина сгибалась. Она врасстала в свое кресло. Время от времени она выпрямлялась и качала головой. Короткие фразы, что-то звукоподражательное и неразличимое срывалось из ее тесно сомкнутого рта с зажатой наискось сигаретой.

Она закончила чтение, аккуратно вынула сигарету изо рта, потушила ее в пепельнице, прислонилась к спинке стула и посмотрела на меня внимательно. Я чувствовал, что она на грани отчаяния, натянутая, как струна музыкального инструмента. Но, против всякого ожидания, я слышу, горловой смех, мягкий, сдерживаемый и от этого угрожающий. Ее круглые, черные глаза – одновременно ироничные и грустные. Я не осмеливаюсь открыть рот. Атмосфера становится все тяжелее с каждой секундой.

Наконец, она говорит, задерживаясь на каждом слове.

– Вы знаете, что вы подписали?

– Да, контракт на «Суд Божий»!

– Вы прочли его до того?

– То есть...

– То есть вас обманули... так, как вы даже представить себе не можете.

– Я не понимаю.

– О! Вы сейчас поймете! Во-первых, вам будут платить гроши за главную роль, что не так страшно, но прискорбно. Затем, вас не будут упоминать в первых строках титров, что тоже прискорбно, но не так важно. Нет границ права на использование вас в этой роли. Если съемки будут прерваны, вы должны будете всегда быть в распоряжении съемочной группы. Не скрою, что это рискует серьезно

скомпрометировать ваше участие в «Даме с камелиями» с Эдвиж. Я не хочу, чтобы она рисковала. И, потом, вы согласились с продюсером на серию съемок по смешным ценам, которые он поднимет, если захочет. Он может вас перепродать – более того, кому угодно, даже за границу. Если вы будете успешны, он имеет право заставить вас сниматься в любом «дерьме» по своему выбору, и он сделает... Я не говорю о...

По мере того, как она перечисляет все мои оплошности и говорит все громче, я понимаю размеры катастрофы и чувствую, как все помутилось в моих глазах. Она продолжает говорить, но я ее уже не слышу. Я теряю сознание. Я и правда потерял сознание, так как когда оно ко мне вернулось, моя голова лежала на ее руке, а другой рукой она давала мне подышать чем-то очень сильным. Все хорошо, мне лучше. Рука уходит в сторону, я выпрямляю голову. Ольга смотрит на меня и мило улыбается.

– Ну, ну. Какой же вы чувствительный!

Мне трудно дышать. Я задыхаюсь. Она предлагает:

– Подойдите к окну... Хотите виски?

Я машинально киваю. Она приносит виски мне и себе, приносит лед, пьет, говорит мне, чтобы я выпил, я пью, кашляю, она наливает воду в мой стакан и сажает меня. Ольга совершенно сменила поведение и тон. Это другая женщина теперь. Она обращается ко мне почти по-матерински. Она говорит:

– Ну, ну. Не нужно так драматизировать. Вы сделали ужасную глупость, но мы постараемся возместить часть убытков... Если хотите, чтобы я этим занялась, я позволю завтра этому продюсеру и увижусь с ним. Посмотрим, что можно спасти.

Я мягкий, как пакет ваты. Теплый воздух и алкоголь кружат мне голову. Она на меня смотрит и спрашивает:

– Скажите... Скоро уже восемь часов. Что вы делаете сегодня вечером? Я жду моего друга к обеду. Он журналист, очень милый человек, он будет рад с вами познакомиться. Вы сможете дать ему свое первое эксклюзивное интервью. Он будет польщен этим. Если вы согласны, конечно.

Если бы я слушал только свой инстинкт, я бы бросился ей на шею. Я боялся опять сделать какую-нибудь

глупость.

– Хорошо, вам уже лучше, краски вернулись. Вы меня напугали, вы знаете. Я виновата! Я перегнула палку с вами. Простите меня, но я такая, как есть. Вы на меня не сердитесь?

Я спешу сказать:

– О, нет, мадам... Я не знаю, как вас благодарить.

Она меня прерывает:

– Ну, нет! Прошу вас, давайте не будем впадать в этот светский тон. Я это ненавижу! Будьте простым, естественным, и не думайте больше об этом. Мы все устроим. Но на будущее я буду знать, что вы так ранимы и уязвимы. Я не буду об этом забывать.

На этом месте позвонили в дверь. Ольга оставляет меня и возвращается с молодым человеком лет 30. Она нас знакомит: Жан В., корреспондент большого бельгийского журнала Сине-Ревю. Никто не сомневался в том, что моя карьера взлетит сразу после того, как мы собрались втроем в этот вечер.

Это точно, что Жан В. стал основным создателем моей популярности – одной из неоспоримых основ успеха. Если у меня была возможность показать иногда талант, он это знал и хотел во что бы то ни стало предъявить мои наилучшие качества. Он даже преувеличивал иногда. Я объясню это ниже в нужный момент и без всякого стеснения. Но сегодня я могу сказать, что я высоко ценил его работу и всегда отдавал себе отчет в том, что этот человек сделал для меня.

Может быть, вы думаете, что есть преувеличение в этой веренице сильных эмоций? Ничего подобного. События, которые отметили мою молодость и о которых я здесь рассказываю, не плод моего воображения. «Все так и было». Так быстро и так неистово. Но только я не отрицаю и того, что принадлежит случаю и удаче. И я настаиваю на том, что я не чувствую себя «ответственным» за успех моего дебюта. Со всей ясностью я должен признать, что все произошло почти без моего участия. У меня было, следовательно, мало достоинств (что не означает, что я этого не заслуживал). Может быть, небо, сжалившись надо мной, захотело поставить мою ногу в стремя и дать мне, таким образом, возможность

что-то доказать.

Продолжение следует.

Елена Бережковская

Все сказано до нас

Стихи о значении и смысле

Все сказано до нас. Мне ни к чему
искать слова для мысли и для чувства,
и образ безнадежно, как в тюрьму,
в строку садится, в метр и ритм прокрустов.

Мой пульс, мое дыхание, мой шаг
единственны среди сплошных повторов:
рисунок крыш, над ними облака,
помойка с тополями у забора...

С утра, проснувшись, сразу не найдешь
концы своих вчерашних огорчений.
А за окошком солнце или дождь
уже сигналият срочным сообщением,

что солнце снова, как и в прошлый раз,
как раньше и потом, коли случится,
достигнет граней склянки через час,
чтобы об стенку радугой разбиться,

проложит путь на глянцевом полу,
по монолитам сора и пылинок,
и зайчиков – десяток бледных лун
пойдет пускать на стебелечках длинных.

А дождь – прибой у моего окна.
Стекло – граница, линия прибоя.
Упруго бьется об него волна,
усиливаясь комнатным покоем.

Мне сладко жить на рубеже стихий,
в таинственном движении границы.
Сплетенье ритмов – выше, чем стихи,
слиянье смыслов по стеклу струится...

Мое окно – изменчивый экран,
прибежище частиц дождя и пыли,
лучей и капель чуткий барабан,
мембрана пульса, бьющегося в мире,

оно живет от века, вне времен,
средоточеньем сумерек и света,
в нем отразился весен миллион,
хоть вставили его лишь прошлым летом.

Я – как окно: недавно родилась
и разобьюсь уже, наверно, скоро.
На мне осела всех столетий грязь,
я вечная, как тополь у забора.

Я как окно. Во мне слились ручьи,
потоки грязи и потоки света,
средоточенье следствий и причин,
на все вопросы тайные ответы.

Бывает – пелена спадает с глаз,
как по весне, когда окно промыли.
За кончик мысли цепко ухватясь,
несешься лихо вдоль ее извилин,

и мнится, что среди весенних струй,
сквозь хаос грязи, прущей из-под снега,
как отмечающий фарватер буй –
блюстититель точности шального бега,

как рельсы для трамвая, для ведра –
отвесное движение к дну колодца,
отчетлива, прекрасна и мудра
тебе взаправду истина дается.

Новорожденная, сейчас и здесь,
она через тебя явилась свету,
и ты готов свою благую весть
примеривать к новейшему завету,

и ты в нее глядишься, как в ручей,
течением восхищаясь неслучайным,
но проступает в истине твоей
извечных истин смысл первоначальный.

Движение потоков и лучей,
ветров, и птиц, и звезд перемещение
переполняет узкий мой ручей,
в моей плоти находит воплощение,

и не понять уже, какой волной
был в душу занесен мотив чудесный.
Поется он, как сочиненный мной,
как личная, единственная песня,

но в нем звучит мой двор, и тополя,
дождь на стекле и солнце на паркете,
и души тех, кто прожил до меня,
и души тех, кто днесь живет на свете.

Калачик на газоне под дождем –
озябшая бездомная собака.

В промытом хрустале – тугой бутон.
Ритм прихотливый письменного знака.

1987

Год опять прошел, как сон

Скоро новые метели снег подымут от земли...

Улетают. Улетели, улетели журавли.

Е. Благинина

Год опять прошел, как сон. Скоро новые сирени
у подъезда отцветут, не успевши расцвести,
снова дождик будет мыть запыленные растенья,
а потом пойдет темнеть: к девяти, к семи, к пяти.

Круг за кругом, сон за сном, новый год за новым годом,
вербы, ландыш, георгин – и под елку прямым,
век поймал себя за хвост – новый куплен, старый продан,
и из вечности сквозит трансцендентным холодком.

Время петлями лежит, как распушенная пряжа.
К Пасхе – Пасха, к маю – май, стопка первых сентября,
ну, подумаешь, сирень, ну, подумаешь, пропажа,
старость, молодость, любовь, о весне не говоря...

Ливень, ночь, сирени ветвь – наяву ли или снятся?

Запах мокрых тополей – из окна ли нанесет?

Мне всю жизнь семнадцать лет.

Было семьдесят – в семнадцать,

в восемь – восемьдесят два, в два – как Ною, девятьсот.

Снова сходит ночь на нет. Скоро новые метели
у подъезда заметут грязь, растения, пути.

Черно-белой чередой лягут зимние недели,
а потом пойдет светать: к девяти, к семи, к пяти.

1998

У озера

Живу у озера в домишке,
четыре стенки и кровать.
Читаю глупенькие книжки,
смотрю, как местные мальчишки
к приезжим девочкам вприпрыжку
бегут под вечер флиртовать.

Смотрю, как солнышко садится,
смотрю, как солнышко встает.
Мне здесь все время что-то снится,
и детективная страница,
тасуя имена и лица,
ночную жизнь во мне ведет.

Смотрю на озеро с пригорка,
гоняю веткой комаров.
Пускай тесна моя каморка,
зато вокруг нее – просторно,
плыви себе, куда угодно,
бреди себе куда угодно,
дыши и двигайся свободно
среди лесов и островов.

Брожу, пугая трясогузок,
сухой тропинкой в сосняке,
мусолю яблока огрызок,
и вдруг – похожий на медузу,

большой коричневый подгрудок
на толстой сахарной ноге!

2009

Поездка на кладбище

Короткий зимний день скисает, как творог,
прокисший желтый снег чернеет у дороги,
с размаху бьет в глаза с базара у ворот
наивный анилин букетиков убогих.

Их праздничный раскрас вот-вот задрезжит
как нерв в больном дупле при встрече с жестким мясом.
В них заключен рассказ об истине и лжи.
Они просты, как снег, поддельны, как пластмасса.

Они из тех времен, когда кусался шарф,
и лыжные штаны ледышками звенели,
дорожка и сугроб – дворовый наш ландшафт
не таял с ноября до самого апреля.

Сосулечный колосс под низкой крышей рос,
мороз сгущал тепло под лампой золотою,
привычная рука нам утирала нос
проглаженным платком, пропахшим чистотою.

И в валенок валясь, горячий и сухой,
холодный снег сникал, не охлаждая ногу,
и медленно сочась, обсыпанный трухой,
он там существовал ледышкой убогой.

И холод шубный жар унять не в силах был,
когда за бабкой вслед влекло меня к базару.
Вспотевшая спина и щек румяный пыл

встречались белым днем с Даниловкою старой.

Роскошные ряды, где семечки в мешках,
шиповник и фасоль на узеньких прилавках,
в набухших от работы сморщенных руках
ромашки, васильки, тюльпаны и купавки.

О бабушки в платках! О феи прежних зим!
Ваш облик ослеплял, как золото нескромен.
Ваш плюшевый жакет сверкал, как новый ЗИМ,
ваш валяный сапог, с галошей, был огромен...

Непрочный ваш товар принадлежал зиме.
Он цвел в морозный день, во вьюжной сердцевине.
Запасливый январь всегда держал в уме
хрустальную сирень и снежные жасмины.

Бумажные цветы в себе носили знак,
что лето не во сне, а было въявь когда-то,
но их ультрамарин, и кадмий, и краплак
пожизненной зимой казались нам чреватые.

Бумажные цветы – пожизненность зимы,
и лето навсегда – в руке завял букетик,
и вечную весну знавали в детстве мы,
и осень до конца времен на целом свете...

Мы жили не всегда у времени в плену,
в начале всех времен мы сами им владели,
размерив по часам надежду и вину,
мы выбрали себе убогие уделы.

Часы и календарь – теперь наш фронт и тыл.
По ним бежим от зла, добра бесплодно ищем,
но продают, как встарь, бумажные цветы

по воскресеньям здесь, у входа на кладбище.

Сырой простор небес. Раскисший желтый снег.
Размокший вдрызг сапог, да свалок перламутры...
Автобус – одинокий. Его неспешен бег
сквозь сумерек творог, лишь только минет утро.

1997

Утро в поезде

Моя рука немолодая
протерла потное стекло,
и небо, краешком ступая,
в вагон предутренний вошло.

Игриво-резкое, как в детстве,
скольжение пальцев по стеклу
отозвалось ударом сердца
и светлым бликом на полу.

И, расстелив пространства карту,
заря наметила на ней
отсеки тряского плацкарта,
заборы спящих простыней,

людских закутанных личинок
мучительный и сладкий сон:
ребята, женщины, мужчины –
без каст, без дома, без имен...

Как будто паузою жизни
врасплох захвачена, одна,
полулежу на полке нижней
у запотевшего окна,

гляжу на детское движение
почти что старческой руки,
и вечной жизни приближение
рассудку чую вопреки.

Я, как и все, младенец тоже,
и моего рожденья срок
читается в морщинах кожи
ладони желтой, как песок.

Мы все застыли на пороге.
несемся с поездом сквозь сон,
и несущественны итоги,
пока ты в вечность не рожден.

2001

По грибы

*Плетемся по грибы... Леса, луга, канавы,
Дорожные столбы налево и направо...
Б. Пастернак*

О, смесь грибного леса с вернисажем,
Черкизовка!¹ Стремлюсь к тебе душой
не по нужде. Без ясной цели даже,
а чтоб устроить отдых небольшой.

Твои портреты, жанры, натюрморты,
поганки и съедобные грибы,
словечки, жесты, руки, плечи, морды,
грязь под ногами, запахи еды,

---

¹ Черкизовка, Черкизон – огромный вещевого рынок в Москве, в девяностые и нулевые годы.

твоя толпа, телеги и баулы,
и мусорной энергии волна,
как море, заливают нас по скулы
и не дает ногам нащупать дна.

Мотанье в волнах приторно-тошнотных,
то по течению, то наперерез,
поверх голов соблазнов жалких сотня:
исходит сердце жаждою чудес.

Влачась сквозь разностилье брюк и блузок,
бредя рядами модных пиджаков,
вообразишь, как жирный зад и пузо
в них втиснутся изящно и легко.

Вот из баула мятая кофтенка,
копеечный черкизовский прикид,
она, быть может, в сочетаньях тонких
волшебна гардероб преобразит.

Вот юбка очертаний благородных,
пожалуй, только чуточку длинна,
всю элегантность, данную природой
моей фигуре, выкажет она,

а с кофточкой – ну просто идеально!
Как раз такой оттенок на кайме!
Еще бы к ней плетеные сандали,
и заиграет это все на мне!

Где тут сандали? Новая задача,
взгляд-автомат сканирует ряды.
Сандалий нет. Обидно. Чуть не плачу.
Грязь под ногами, запахи еды...

Две кофточки с трудом засунув в сумку,
под мышкой разорвавшийся пакет,
бредешь домой, усталая безумно,
прикидывая, скольких денег нет.

Бредешь и гредишь, как преобразишься,
как стройным станет рыхлое бедро,
как дряблый жир тугою глянет мышцей
под рюшем, драпированным хитро...

Потом, в метро, мечтая отрешенно,
и шурясь на подземный блеклый свет,
увидишь в темном зеркале вагона
свой грушею оплывший силуэт.

2003

Возвращение

Закончена командировка.
Закрытая дверь за спиной.
Просторно и как-то неловко
в душе по дороге домой.

За дверью остались заботы,
обязанности и права,
там что-то решалось с налету,
а что-то сдвигалось едва,

там все от меня ожидали
уменья, ума, доброты,
а я то справлялась едва ли,
то пряталась зайцем в кусты.

Я будто бежала на лыжах

в цепочке других по лыжне,
стараясь держаться поближе
к тому, кто предшествовал мне,

и главное было на свете,
чтоб мне не отстать от других,
и чтобы никто не заметил
страдания стараний моих.

Стараться, стараться, справляться,
справляться опять и опять,
нельзя на лыжне расслабляться,
иначе других не догнать,

и в этих ритмичных усилиях
порой не заметишь сама,
что мчишься уже как на крыльях,
летишь, как с большого холма,

и чудится, что километры
дороги легли за спиной,
что скоро, свободнее ветра,
с победой ворвешься домой.

И в этом движенье привычном,
лыжня, свой напор сохранив,
продавленной койкой больничной
вперед понесет мои дни.

Запнется лыжня о простуду,
прольется лекарством в стакан,
завязнет в забитых сосудах,
проляжет по вялым кишкам,

пройдет по стене коридора

до двери слепой в туалет,
замкнется петлей, вдоль которой
подъем, и обход, и обед...

А после окно распахнется,
и вылетит в небо лыжня,
и все, что внизу остается,
наверно, умрет для меня.

Закончится командировка.
Закроется дверь за спиной.
И будет просторно, неловко,
душе по дороге домой.

2005

Марина Симкина

За что я отвечаю

* * *

Хочу жить медленно и делать мало.
Так медленно, чтоб мне не доставало
Ни времени на бесполезный взгляд,
Ни прав пустых – на слово невопад.

* * *

Среди друзей – один молчащий друг.
Встревожит ли меня твоё молчанье
Сейчас? Иль, просочась, воспоминанья
Вдруг озарят судьбы твоей игру?

Иным молчанье и судьбу иной,
Качни я маятник, могла бы сделать.
Не подтолкнула равнодушных стрелок –
Мой бедный друг, ты больше не со мной.

* * *

Я смела в буднях закрутиться,
Тебе ответить не спешить,
Когда ничтожною страницей
Могла тебя заставить жить.

А ты сама смогла подняться,
И, проглотив обиды муть,
Мне, опоздавшей испугаться,
Сумела руку протянуть.

* * *

На улицах Подъяческих
Резвилась я ребячески
И поддевала всячески
Того, кто был со мной.

А он шел злой, нахмуренный,
И голос был прокуренный,
И глаз косил прижмуренный,
Но все же шел со мной.

А я была уверенна:
Его хоть режь намеренно,
Ему навек отмерено
Повсюду быть со мной.

Еще словечко кинула,
А он ушел по Львиному –
И стронулся лавиною
Весь мир передо мной.

Так было век и до меня:
Обыденность – в оскомину,
А пустота – в хреновину,
На том замкнулся круг.

Теперь хожу понурая,
Одна по жизни, хмурая.
Как жаль, что, дуре-дурою,
Казался пресным друг.

Обновили мост Тучков

*«Жизнь, как старый Тучков мост, –
нить воспоминанья...»*

Из письма друга

Обновили мост Тучков,
Обновили Львиный –
Должен мостик быть готов
Склеить половины:

Половины площадей,
Жизней половинки.
Что с обломков прежних дней
Страхивать пылинки?

Ты как памятник себе,
Все уже – потомки!
Глянь! – Ведь мы еще в судьбе
Не дошли до кромки.

И не скучен вкус вина,
Вздоха, взгляда, слова,
Навещает нас весна –
Снова, снова, снова!

Держит мудрая рука
В небесах страховку –
Знать, не кончена пока
В жизнь командировка.

Мастерская художника

Это скачущее кочевье –
Я пристала к нему в пути.

Эдесь, как в ветхозаветном ковчеге,
Можно всякий типаж найти.
Здесь пристанище непривитых,
Непривычных к своим домам.
Здесь тоска и обиды прибиты
Грязной пеною к берегам.
Здесь и слезы, и смех – в галопе.
Перетрутся – труха, мука!
Пересыплются в пьяном сиропе
Дни, подобно струе песка.

Эту знали нежной, веселой,
Да нашлась веселей, нужней.
Здесь не водят детишек в школу –
Избавляются от детей.
Бесшабашная! Ищешь водку.
Тебе море, поди, мало!
Пьешь наотмашь – мол, вот как, вот как!
Пьешь не с радости, а назло.
А друзья разошлись по женам,
Стала дружба на якоря.
Обожженная, обожженная –
Не горишь, а дымишься зря.

Не допишет картин хозяин –
Бесконечен застолья круг,
В той дурной маете без края
Неприкаян мой старый друг.

Стой же, скачущее кочевье!
Проскакала с тобой сто миль –
Я стряхнула твое притяженье,
Как дорожную с тувель пыль.

* * *

Иди сюда, гляди сюда!
Чарует темная вода...
Да, я не скрою, я не плут, –
Там черти всякие живут.

Не бойся их – ты им подстать
Через мгновенье можешь стать.
Манит вода: шагни сюда –
Ты черной станешь навсегда,

Шажок всего – такая малость!..

Моргнула – и расколдовалась.

* * *

Хорошо! Одна в чужой квартире...
Как велели, выключила газ.
Мы когда уснули – в три, в четыре?
Ночью я заговорила вас.

И заспав ненужных слов оскому,
Проводив хозяев за порог,
Вдруг оставлена пустому дому
И самой себе на малый срок...

Гулкий дом – и я пуста до звона:
Ни росинки в сердце, ни глотка –
Иссушила, вылила с амвона,
Всю себя спустила с молотка.

Со щелчком закрылась дверь входная,

Суета – привычный мой мундир!
Ждут меня мои дела, трамваи,
Преданный сегодня ночью мир.

* * *

Оказался снова рядом
Человек с тоскливым взглядом...
– Не успеть тебе помочь:
Скоро ночь.

У самой проблем до крыши,
На душе скребутся мыши,
Да еще твоя тоска –
Ночь близка.

Посмотри, как солнце низко –
Просто вычеркну из списка,
Не по мне твоя беда!
Ты... куда?

Не спеши, я виновата...
Есть минута до заката!

Ты ушел – тоска во мне:
Здесь, на дне.

Небыль

Былое не было, Небыль отозвалась...

Л. Ефросина

Ты откуда взялась, Небыль?
Под каким ты выросла небом?
Как я мимо прошла, не приветив?

А ты – вот: и жива, и – дети!

За грудиною что-то сжало...
В жизни я тебе задолжала...
Не ждала, что придешь на помощь.
Спесь мою прости, если помнишь...

* * *

Е. А.

Жизнь расставит препинания знаки –
Как объехать их, обойти?
Не заметив знаки, споткнется всякий
Многажды на пути.

Бьют ли кого-то от тебя недалече,
Тебя ли – под чьим-то ленивым взглядом –
В общем, насилуют или калечат
Как правило, с кем-то спокойным рядом.

И если в лесок отвезут недальний –
И с машины сбросят лицом вниз,
То кто-то ведь знал, что везут специально,
Чтобы отнять жизнь.

Жизнь, что и этак, и так пинала,
Без счету пеняла на...
Не мила казалась. Оказалось – мало,
И жаль, что она одна.

* * *

На скамейке ль в саду, на вокзале,
Где последнее слово сказали –
Ждут нас там и глядят вослед
Те, кого уже с нами нет.

За что я отвечу?

Вернуться к себе – не простая наука.

Яков Соловейчик

За что я отвечу? – За то, что свершила?
Оно проросло или зарубцевалось.
А то, что добить помешала усталость –
Вон, сложено в стопку и жиром заплыло.

А что-то начать не позволит несмелость.
Подумаю вяло: «Ну, кто я такая?!»
И, лени уютной своей потакая,
Себя успокою: «Не стало, не спелось...»

Теряя мечты, начинанья, идеи,
Оставлю пространство любви не обжитым,
Забью его доверху скарбом и бытом.
Вернуться к себе! – Не смогла. Не сумею.

Андрей Круглов

Вглядываясь в себя

* * *

Убегают быстрые движенья,
улетают легкие касанья,
улетают бабочки и птицы,
уплывают женщины и рыбы...
Уплывает вечность в быстротечность
у того, кто прожил уже много.

Будем жить мы медленно и нежно,
без рывков, толчков, взрывных движений,
мира и себя едва касаясь:
ноги, руки, трости и скамейки.
Будем жить, в неспешность погружаясь,
будто мы уехали на воды.
Темп меняется, но неизменны ритмы.

Как вписаться в то, что изначально?
В то, в чем быстрота – его природа?
Бег, прыжок, защита и паденье,
это все уйдет от нас и канет?

Будем жить мы, приседая, группируясь,
ограничим все последствия падений,
ограничим все, что можно ограничить.

Смотрим мы налево и направо,
тихие, как группа экскурсантов,
поворачивая головы синхронно

на красу, что льется водопадом,
на ее фонтаны и прибои.

Старость набирает обороты

Старость набирает обороты,
можно не вписаться в повороты!
Много против, очень мало за,
но не хочется давить на тормоза,
хочется крутить свой старый руль,
как и прежде, множить нуль на нуль...
Два нуля, знак Бога, бесконечность,
Бабочки скользящая беспечность!

Рушат с крыши снег февральский

Рушат с крыши снег февральский
беспокойные вороны
за окошком вертикально.

Кошка, серенький дракошка,
взглядом следует за снегом,
она знает про ворону.

Взгляд ее легко взмывает,
взгляд ее кружит над крышей,
он сражается с вороной.

Хоть живет она, как пингвин,
но душой она, как Мцыри.

Палата раковых больных

Палата раковых больных,
Поляна битвы, поле боя.
Кто завтра выживет из них?
Здесь завтра – как забытый стих.

Здесь боль, надежда возвращенья,
отчаянье и раздраженье,
и устремление туда,
к тому, о чем помыслить странно,
вбежавшему на пять минут
в распахнутую боль сознания.

Отлетает счастье

Отлетает счастье в одночасье,
чтоб остаться бликом на воде,
поводом, чтоб больше не встречаться
ни за что, и никогда, нигде.

Диана Беребицкая

Осень

Ясно

Крошево крашенных крыш
В желтой занозистой раме,
Бесцеремонное – кыш! –
На голубиные драмы.

И синева сентября
И, без виньеток капризных,
Бесцеремонное – зря! –
О приبلудившейся жизни.

* * *

Сентябрь был синим,
А голуби – белыми.
И клен-проситель
Ладонями спелыми

Тревожил полдень,
Прибавку выклянчивал:
Хватал за полы,
Плевался проклятьями,

Твердил о пользе,
Расписывал качества,
Меня позы,
Ветвями раскачивал.

Но было время

Прозренья и ясности,
Но было время
Стремительней ястреба.

* * *

Яростным взвихренным кобальтом
Небо в изломе ночи.
Гномом, свихнувшимся кобольдом
Выпь на болотах кричит.

Осень торопит, но пальцами,
Их растопырив в обхват,
Клены за небо цепляются
Судорогой – удержать!

* * *

Стихи пришли. Ну, что же, здравствуйте!
Шумит разряженная рать.
Я постараюсь быть поласковой:
Пожалуйте на маскарад!

Не суетитесь, будьте сильными,
Не как пророчества сивилл,
А будто свежий подосиновик
Или крепчайший боровик

В лесу сосновом или лиственном.
Да, осень и в моих лесах:
И листья полыхают лисами,
И плодоносит старый сад.

С весны любимая, «унылая» –

Цветастым пледом – на диван –
Пора: из омутов выныривать,
Лицо на маску надевать.

* * *

Снова хлопает в ботинках,
И линуют небо вкось
Журавлиные косынки:
Вот и лето пронеслось.

Будет верная простуда,
Будет скверная пора,
Где надеяться на чудо –
Это взрослая игра.

Взрослых игр пустое бремя
(Исключение – для двух)
Мы несем, покуда в темя
Клюнет жареный петух.

Не печалься. Эти птицы –
Кулинарный звонкий хит –
Тоже могут пригодиться:
Чтоб оканчивать стихи.

Михаил Левин

Стань, слово, деревом

Совершенство

Стань, слово, деревом.
Стань камнем на дороге.
Чтоб выбравшись
Из хрупкого яйца,
Живой мураш
Смотрел бы не на ноги,
А мне в глаза –
На уровне лица.

Чтоб он ко мне
Пробрался из корней
По стеблю слов,
Искрящихся, как ртуть.
Я помогу,
Я встану на колени,
Чтобы в упор
В глаза его взглянуть.

* * *

Не услышать пения камней,
Не понять, не разобрать моления.
Может быть, мне не дано умения,
И стихи окажутся умней.

Мне бы только заглянуть нечаянно
В каменные души черных скал.
И расслышать тайное звучание –

Музыку, которую искал.

И тогда сложу строку нетленную,
Подобрав к камениям ключи.
И пойду проведу Вселенную:
Как ей там, не холодно в ночи?

А синь такая

В сиропе приторном Востока
Разнеженное море спит.
Но в горле ком не от восторга,
И воздух глотку рвет, как спирт.

А над заливом синь такая,
Как в веке юном, золотом,
Когда планета молодая
Не знала, в райских снах витая,
Еще Гоморру и Содом.

Там, среди гор, небес затея,
Была другая Иудея,
Где бело-голубой восход,
И лунный профиль, холодея,
Не предвещал еще исход.

О, где тот век!
Лишь тьмы короста.
И все длиннее тень с погоста.
Все отрешенней лик людей.
И черный пепел Холокоста,
Как кипу, носит иудей.

Январь в Иерусалиме

Промозглый ветер
Гонит туч рогожу
И крутит град.
Под зонтиком
Окуклился прохожий,
Как шелкопряд.

И я как он.
Газетный взрыв
Из окон,
Известий бред.
И в нонпарель
Завернутый, как в кокон,
Я мчусь вослед.

Но с ног сшибает
Новостей взрывчатка,
И не унять.
Сползла с руки
Набухшая перчатка,
И лень поднять.

Шрапнелью град,
И ливень бьет стеною,
Бросает в дрожь.
Скелеты зонтиков
Гоняются за мною
По *стрит*
Кинг Джордж.

* * *

С тех пор, как с Евой жил в Раю,
В те годы молодые,
Прикосновенными храню
Запасы золотые.

Ты постарела, не грусти,
В заначке есть монета.
Коснись и унеси в горсти
Искрящий звон рассвета.

И луч ударит по глазам –
Свет музыки нетленной,
А я ударю по басам
На скрипочке Вселенной.

Ты вспомнишь нашу жизнь в Раю,
Когда в весеннем платье
Встречала райскую Зарю
Наперекор проклятью.

Морской пейзаж

Пишу закат.
Хохочут кисти, краски.
Их веселит вечерний свет в лесах.
Натура опасается огласки
И льнет к волне, и тает на глазах.

От хохота, –
Но это видеть надо, –
Мольберт меня ударил по плечу.
Такое все выкидывают сальто-
Мортале, что и я захохочу.

Уже смешно...
Как мартовские кошки,
Волна к волне прижалась на бегу.
Ко мне бегут барашки по дорожке,
Чтобы меня боднуть на берегу.

Довольно мне игры за эту цену,
Веселье разрушает весь пейзаж.
Такую эротическую сцену
Изобразить не хочет карандаш.

Графичен он, и очень древних правил,
Но я с ним в дружбе нежной и большой.
Уговорил! Я кое-что поправил,
Волна к волне приникла всей душой.

– Какая прелесть, – вдруг услышал сзади.
И рук волна мне шею оплела.
– Тону! – кричу. – Спасите, Бога ради! –
Как Сальвадор в объятиях Гала...

Нищий дождь

Шел нищий дождь –
В прозрачной рубашонке –
По парку, где еще не рассвело.
Как будто продавался по дешевке, –
По капельке прозрачной за кило.

Наверно, я не вовремя проснулся,
Застав ночные тени на бегу,
Когда еще восходом не прогнулся
От сонных волн прилив на берегу.

Шел нищий дождь...
Заглядывая в окна –
Казалось, что он выбился из сил.
Моя рубашка за окном промокла,
Но нищий дождь ее не попросил.

Не попросил, в окно не постучался,
Лишь намекнул прозрачно, свысока:
– Ты обо мне, дружище, не печалься,
Будь счастлив друг, как счастлив я,
Пока.

Маме

Памяти Сарры Левиной

Так шутит память-сводня
Сквозь сон, тревожа нас...
Как мне найти сегодня
Тебя в полночный час?

Не плачь, что день вчерашний
Из рук скользнул, как ртуть.
Сейчас тебе не страшно
На завтрашний взглянуть.

К плечам твоим обнова,
Прильнула, словно шаль.
И с губ слетело слово,
Но не вернулось. Жаль!

Там тень у ног ложится,
И звездный отблеск в ней,
Там лунная волчица
Клубочком у дверей.

Ночь звезды жжет, как спички,
А ты сидишь одна.
Луна снесла яичко
На коврик у окна.

Вечер

Когда забуду на мгновение
Себя, врагов и с кем дружу,
Услышу пульс стихотворения
И узелочек завяжу.

Но если вдруг я к морю вышел
И в восхищении умолк,
Я разгляжу, кто, звезды вышив,
Мое внимание привлек...

Я знал, искусством вышивания
Владели мама и Господь.
Лишь Он и мама к выживанию
Мою натаскивали плоть –

Когда мне чертик рожи корчил,
А я поверил в мир иной,
Когда с улыбкой чьи-то очи
Следили пристально за мной.

Но день настал – я все приемлю:
И мир, и боль – все, что храню.
И грусть, впитавшуюся в землю,
Обетованную мою.

Инна Гендель

Голубые слезы

*И все мои раны – оконные рамы, но душу не видно
сквозь них.*

Арсен Мирзоян

1

Стелла бежала по усеянной гравием дорожке навстречу восходящему галилейскому солнцу, и стекавшие по ее лицу слезы смешивались с ручейками пота. Плакала она не оттого, что бежать было тяжело – наоборот, в свои сорок с хвостиком она была в лучшей форме, чем когда-либо прежде. И не от распирающей радости, что наконец-то ей, бывшей «хрустальной девочке» со странными голубыми глазами, разрешается заниматься каким угодно спортом. Нет, причина крылась в другом – бегая, Стелла неизменно вспоминала об утраченном Дори.

Дори, правда, так никогда и не видел ее слез. Все шутил: «Они наверняка тоже голубые, как и твои удивительные глаза».

Явился он, по предсказанию детской фантазии, на паровозе – всамделишном, времен Британского мандата, выставленном на старой турецкой железнодорожной станции в Беер-Шеве. Фотографируясь на подножке, Дори смотрел не в направленный на него телефон друга, а на стоящую неподалеку Стеллу и улыбался ей, как давней знакомой. Затем, пружинисто соскочив, он подбежал к ней и в один миг покорила приветливостью и наивно-детским взглядом из-под густых ресниц. Пару минут спустя Стелла, приобщившись к радушной компании его товарищей, пила свежесваренный травяной чай и ощущала себя необыкновенно легкой и молодой.

Веселый и неунывающий Дори не просто снес, а вдребезги разбил хрустальную крышу Стеллы, которую она после череды неудачных отношений считала

пуленепробиваемой. Он так естественно впустил ее в свою жизнь, так закрутил стремительным водоворотом праздников, походов и развлечений, что через какой-то месяц Стелла уже не представляла существования без него.

В основе неистового жизнелюбия Дори оказалась печальная история. В юности он чуть не утонул во время дайвинга в Эйлате, неделю провалялся в коме и с тех пор брал от жизни все, что подворачивалось под руку – от курсов фотостопа до марафонных забегов. Не сумев поступить на медфак, Дори стал торговым представителем в фармацевтической фирме и считал это главным своим промахом. Тем не менее он не отчаивался. Беспреданно занимался саморазвитием и что ни неделя загорался очередной чудовищно непрактичной коммерческой идеей.

Его заразительная энергия ошеломила Стеллу. «Только бы на этот раз получилось», – молилась она про себя перед второй, третьей, седьмой встречей на всех известных ей языках. Затем перестала. С Дори к ней впервые пришла уверенность. Опьяненная ею, Стелла забыла о прошлом невезении и, оставив на борту спасательный круг бдительности, бросилась в эти отношения с головой. В считанные дни она искоренила былой и неоправданный страх перед спортом. Снизойдя до чтения «женских» статей в соцсетях, научилась пользоваться макияжем и стильно одеваться. Ее посещали даже такие непозволительные ранее мечты, как «замужество» и «дети».

Дори деликатно и решительно вел Стеллу новыми дорогами, обучая самым разнообразным премудростям – бытовым, походным, кулинарным, интимным. Он показывал, как удобнее складывать в шкафу одежду – компактными ровными стопочками, как выбирать в лесу место для палатки – не слишком сырое, без корешков и камней. Объяснял, чем отличается хороший кухонный нож от нукудышного. А иногда открывал такое, от чего щеки внезапно заливались румянцем и хотелось, чтобы ночь подольше не кончалась.

Но главным совместным времяпрепровождением стал бег. Дори радовался, что она разделяет с ним его самое важное хобби, гордился ее успехами. И Стелла, вдохновленная, переступала очередной трудный порог.

И вот она вновь одна. Умудрилась потерять лучшего

мужчину своей жизни. Что с ней не так? Почему она не в состоянии выстроить прочные отношения? От этих мыслей слезы сильнее покатались из глаз, а мандариновый диск солнца расплылся и помутнел. Или, может, виновата была утренняя дымка – предвестник хамсина¹?

Наконец дыхание выровнялось, и Стелла вошла в тот этап бега, который называла «круиз-контроль», когда ноги несут тебя с постоянной скоростью, а подсознание работает наподобие стиральной машины: прополаскивает воспоминания, смывает с них пятна неприятностей, очищает липкий налет неудовлетворенности. Затем наугад выбрасывает наружу картинку, уже отстиранную от того, что когда-то не устраивало и раздражало.

Правда, не все отстирывалось идеально. Взять хотя бы ту историю в первом классе.

2

Глаза Стеллы с рождения были голубыми, но не так, как это обычно представляют. Карие радужки окаймляли белки темно-голубого оттенка.

Врачи запугали родителей Стеллы, сказав, что, вероятно, у нее «болезнь хрупких костей», вызванная генетической мутацией коллагена – белка, который находится во многих тканях, в том числе в глазных склерах и в костях. Кости при такой болезни ломаются от малейшей нагрузки или травмы. А потому – категорически никакого спорта.

Так Стелла и росла – непохожая на всех. С завистью глядела на сверстников, бегающих, кувыркающихся и лазящих по деревьям на манер стайки резвых обезьянок. Она нисколько не ощущала себя хрупкой, однако диагноз не оспаривался.

На ежегодных обследованиях и рентгенах доктора твердили одно и то же, только именовали недуг немного по-разному. Лично ей больше всего понравилось – «болезнь хрустального человека».

---

¹ Хамсин – сухой, изнуряюще жаркий южный ветер, несущий песок и пыль из пустынь Северной Африки.

Впечатлительная и мечтательная Стелла вообразила себя эдакой голубоглазой принцессой вроде Золушки. Но у той хрустальными были одни туфельки, а Стелла вся искрилась и мерцала – и пышное длинное платье, и лицо, и черные с алмазным отливом кудри. Плевать, что нельзя бегать! Однажды ей встретится принц на вороном коне... Нет, на коне неинтересно, лучше на волшебном паровозе! И они укатят в далекую страну, где кости укрепляются при помощи вкусной малиновой микстуры или кисленьких желтых шариков, вроде аскорбинок, которые ей щедро скармливали каждую зиму.

Как-то раз Стелла по секрету поделилась фантазией со школьной подружкой, и та, не задумываясь, разболтала всему классу.

– Стеллка – треснувшая тарелка! – дразнили ее хором на следующее утро. – Эй, хрустальная принцесса, готовься, паровоз идет!

Стелла разревелась и до третьего урока пряталась в раздевалке. Тогда она впервые осознала, насколько опасна ее болезнь. Отнюдь не из-за ломких костей, а потому что кристальная прозрачность позволяла заглянуть внутрь и нагадить в душу.

С тех пор никто никогда не видел ее слез. Насмешки одноклассников полностью отбили желание иметь дело с этими злобными волчатами. Скрываясь в вымышленных мирах книг, Стелла приучалась к одиночеству и уговаривала себя, что это к лучшему. Нечего лелеять глупые надежды. Она никогда не сможет быть как все. Никогда. От чарующего образа Золушки остался лишь никчемный хрустальный орешек – ни поиграть им, ни запустить в обидчиков. Так просто – неподвижное украшение на полке, медленно покрывавшееся книжной пылью. Вот и хорошо – через мутную скорлупу труднее различить мягкую беззащитную сердцевину.

Переезд в Израиль в конце шестого класса только усилил чувство отчужденности и непохожести. Угодив в общество шумных израильских ровесников, с дикими воплями гоняющих мяч на переменах, робкая молчаливая Стелла не на шутку опасалась, что те того и гляди подомнут ее под себя – останутся лишь рожки да ножки. Ну их совсем. Гораздо занимательнее было постигать иврит – странный на слух, но

довольно логичный язык. А тут еще привалило счастье – в новой школе преподавали французский, который Стелла давно мечтала выучить – язык романов Дюма и песен Джо Дассена.

3

Добежав до фонтанчика питьевой воды, Стелла развернулась и, не останавливаясь, побежала обратно, оставив позади дымчатую голубизну озера Кинерет¹ и смутные очертания Тверии на побережье.

Слезы давно высохли. Барабан воспоминаний закрутился опять, и из бесцветной еле различимой массы выделилось подвижное худощавое лицо из далекого прошлого. Костик. Стелла улыбнулась на бегу.

1991 год. Первая зима в Израиле. Через пару недель после начала войны в Персидском заливе ее, тринадцатилетнюю, «эвакуировали» из центра в Тверию – унылый пыльный городок. Попросту отослали к тете. Стелла не хотела ехать. Меньше чем за год она сменила страну, две квартиры и три школы. Хватит с нее. Сколько ей придется пробыть в Тверии? Сколько продлится эта нелепая война с воздушными тревогами, противогАЗами и окнами, заклеенными целлофаном на случай химического оружия? Ответов не было ни у кого.

Телевизор в тетиной квартире почти не выключался. Каждый день после обеда Стелла, очумевшая от детских передач и ежечасных сводок новостей, выходила посидеть с книгой на скамейке под домом. Она бы с радостью проводила там больше времени, но по утрам и вечерам скамейку оккупировали старички. Те, кому было под силу добежать до герметично заклеенной комнаты в случае тревоги, и те, кто, пережив порядочное количество войн, не пугался саддамовских «Скадов»² и не принимал всерьез всю эту

---

¹ Тивериадское озеро.

² «Скад» – баллистическая ракета, которая использовалась Ираком во время войны в Персидском заливе против Израиля и Саудовской Аравии.

Саддам – Саддам Хуссейн, президент Ирака с 1979 по 2003 год.

истерику с противогазами.

Впервые Стелла увидела Костика, когда тот проходил мимо скамейки с пакетом мусора. Он еле взглянул на нее, однако спустя полминуты, возвращаясь в подъезд, слегка замедлил шаг. Стелле почудилось, что он пытается прочесть название ее книги. Это ей понравилось. Она сама тоже никогда не могла сдержаться любопытства при виде чужих книг, на остановке ли, в автобусе, и вечно пыталась рассмотреть заглавие и имя автора.

Она так никогда и не узнала его возраст – восемнадцать, девятнадцать? Обычно неопределенность Стеллу раздражала, но в случае Костика, наоборот, интриговала. Взять, к примеру, глаза. Большие и внимательные, они постоянно меняли цвет и выглядели то карими, то зеленоватыми, то все серыми.

Костик был выше ее на три головы и, казалось, чувствовал себя неловко в своем недавно возмужавшем теле – поводил загорелыми плечами, хрустел пальцами, встряхивал коротким светло-русый ежиком. Стелле всегда жутко хотелось потрогать эту колючую на вид макушку. Отважившись однажды смахнуть с нее сухой листик, Стелла удивилась, до чего та оказалась мягкой. Впрочем, как и сам Костик.

Одним словом, привлекательность его была неоспорима, невзирая на мелкие внешние несовершенства в виде следов от перенесенной в детстве ветрянки. Из случайно услышанного разговора тети с его мамой Стелла узнала, что Костик сильно из-за них переживал. Ну, скажите, ради Бога, кому есть дело до оспинок на щеках, если их обладатель – без пяти минут студент, увлекательный рассказчик и умеет так шутить, что приходится бежать в туалет? Если рядом с ним напрочь забываешь о том, что ты «хрустальная девочка»?

На следующий день он опять явился с мусорным мешком, на сей раз полупустым. Мимолетно оторвав глаза от книги, Стелла улыбнулась ему. Костик лишь хмыкнул, но на обратном пути озорно подмигнул и бросил на ходу:

– Смотри, не прозевай сирену, книгоед...

Стелла усмехнулась и похлопала ладонью стоящую рядом картонную коробку с противогазом, с которой была

неразлучна.

С тех пор они встречались на скамейке почти каждый день. Костик приносил учебник английского и шепотом зубрил грамматику и бесконечные списки слов. Утверждал, что сбегает сюда от русскоязычной радиостанции «РЭКА», которую глуховатый сосед за стеной слушал на полную мощность почти круглосуточно. Да и на свежем воздухе мозги лучше работают, так ведь?

Вообще-то, сначала Костик был не очень разговорчив, но Стелла знала по себе – это просто стеснительность. И действительно, невзначай брошенные им реплики становились многословнее день ото дня. Возвращаясь из супермаркета, где он подрабатывал по утрам грузчиком, Костик обязательно чем-нибудь ее угощал – апельсином, жвачкой. Наблюдая за его постепенным смягчением, Стелла думала – странно, что такой классный парень может тоже испытывать неловкость в общении. Есть ли у него друзья? Стелла ни разу их не видела. Хоть оно и ясно – откуда время на новые знакомства, если он всего несколько месяцев в стране? Имеются дела поважнее – работа, изучение иврита, подготовка к поступлению в вуз.

Надо отдать ему должное, Костик никогда не сквернословил и не высокомерничал. Ни одна из его шуток и колкостей не была направлена против Стеллы. Уж она-то в этом разбиралась. Пожалуй, поэтому ей, привыкшей чуждаться всех и вся, его присутствие не мешало. Наоборот, оно приносило какой-то правильный, почти необходимый уют в ее, цитируя тетю, «уличное проветривание». А размеренный густой шепот Костика превратился в ненавязчивое сопровождение чтению.

Один раз Стелла спустилась с учебником французского языка – единственной школьной книгой, захваченной в «эвакуацию». Увидев, что она учит французский, Костик присвистнул.

– Везет тебе, склонность к языкам... а я с английским не в ладах. Кстати, не хочешь меня поспрашивать немножко? Вступительный на носу...

Взяв из рук Костика листок, исписанный убористым аккуратным почерком, Стелла впервые в жизни ощутила незнакомый ток, пробивший изнутри все ее застенчивое

существо. Даже заложенный из-за хронического гайморита нос внезапно распухнул.

К новой должности она отнеслась серьезно. Проверяла Костика строго – и подряд, и вразброс. Требовала переводить английские слова на русский, затем наоборот. Два часа пролетели так быстро, что, заметив первого завсегда-тая-старичка, заступившего на вечернюю скамеечную смену, искренне удивилась.

Той ночью Стелла не могла заснуть. Переворачиваясь с боку на бок, перебирала в уме их импровизированный урок. «Хватит – приказывала она себе, – спи уже давай». Но сон не шел. Она, Стелла, до сих пор ни к чему не пригодный черствый орех, принесла Костика пользу! Пускай совсем малую, и все же... Пьянящее чувство гордости учащало пульс, холодило ступни и ладони, горячило воображение. В ушах неотступно звучала похвала: «Далеко пойдешь», – сказал Костик на прощание, будто это она учила слова. И хоть от фразы отдавало чрезмерной зрелостью, лучшей благодарности нельзя было и пожелать.

Когда же она наконец задремала, радиоприемник, настроенный ночью на тихую волну, задал ненавистное «нахаш цѣфа, нахаш цѣфа¹...» А через секунду воздух наполнился протяжным звуком сирены. Стелла вскочила. Чертыхаясь и на ходу напяливая на ходу противогаз, она перекочевала в обклеенную комнату.

* * *

Однажды воздушная тревога застала их с Костиком на улице. В тот день он как раз узнал, что сдал экзамен по английскому. Правда, не на «отлично», но полученного балла хватило, чтобы быть зачисленным в Технион² на подготовительный семестр для новых репатриантов. Костика не сиделось на месте, он все вскакивал со скамейки, ходил во-круг и ни с того ни с сего предложил:

---

¹ «Гадюка» (*ивр.*). Словосочетание использовалось как предупреждение о воздушной тревоге. Передавалось по радио и телевидению непосредственно перед включением сирены.

² Израильский технологический институт в Хайфе.

– Идем немного прогуляемся, а?

Его приподнятость была настолько заразной, что Стелла, не раздумывая, согласилась. С Костиком она ничегошеньки не боялась. В ее сознании он давно уже переместился из разряда «чужой» в разряд «свой». К тому же тревоги звучали в основном по ночам, а здесь, на «далеком» севере, и вообще редко.

Двинулись по пустынной улице. Пересказывая в лицах смешную сценку, происшедшую утром в супермаркете, Костик размашисто шагал, и Стелла еле за ним попевала. Удивительно, что и в тревожные, полные неизвестности времена можно быть такой счастливой! Ведь он мог ее с собой и не позвать. Стеллу опять захлестнула волна гордости. Продлились бы подольше эти неподвижные каникулы. Беседы со взрослым и мудрым Костиком не шли ни в какое сравнение с ее тщетными попытками наладить общение с насмешливыми одноклассниками, чьи реакции Стелла зачастую просто не понимала.

Вдруг, когда они отделились от дома квартала на два, раздалась сирена – особо резкая и пронзительная вне стен помещения. Стелла остановилась в замешательстве и инстинктивно потянулась к висевшему на плече противогазу, но Костик схватил ее за руку и потянул за собой.

– Бежим!

И Стелла побежала – что еще ей оставалось? Задышавшись с непривычки, она неслась за ним, придерживая одной рукой громоздкую, шлепающую о бок картонную коробку. Другая рука была крепко зажата в теплой Костиковой ладони. «Только б не упасть, только б не упасть...» – повторяла про себя Стелла, хотя, скорее, следовало бояться не собственного падения, а падения «Скада».

Руки они расцепили, лишь добежав до дома. Взлетели по ступеням – она на второй, он на третий этаж. Не попрощались даже. Не страшно, завтра встретятся. Сейчас дома тетя, наверное, сходит с ума от волнения.

Но назавтра они не встретились. Стелле запретили выходить на улицу до конца недели. А потом война неожиданно завершилась – международная коалиция и Ирак подписали перемирие. Учеба в школе возобновилась, и Стелла вернулась домой в Рамат-Ган.

Больше она Костика не видела. Некоторое время он продолжал ей сниться, но сны почему-то постоянно оказывались кошмарами. Грезилось, например, что он едет в Хайфу на экзамен, и в его автобус попадает ракета. Стелла, оказавшаяся каким-то образом на месте происшествия, бежит к обугленному лежащему на боку автобусу.

– Костик! Костик! – неистово зовет она.

Кто-то хватается за плечи, пытается удержать, оттащить назад.

– Это не «Скад», а зенитка «Патриот»¹, – объясняет незнакомец, будто от этого опасность исчезнет.

Вдруг автобус чудом поднимается на колеса и уезжает, увозя машущего рукой из окна Костика, целого и невредимого. А она остается в недоумении – что за глупая шутка?!

* * *

Год спустя, на тетином дне рождения, Стелла осмелилась после долгих терзаний спросить о Костике. В ту пору он с матерью уже здесь не жил.

– А... Поступил в Технион на какой-то престижный факультет – кажется, архитектуры, – поведала тетя мимоходом, – толковый парнишка...

Еще бы! Стелла неслышно вздохнула. Молодец Костик, поступил! Осуществил свою мечту.

– Погоди-ка, чуть не забыла. Перед отъездом он прислал тебе кое-что передать. Сейчас... куда я это засунула?

Уединившись в бывшей «герметизированной» комнате, Стелла, дрожа от нетерпения, распечатала почтовый конверт и извлекла советскую открытку с букетом мимозы. Обратная сторона была разделена на четыре аккуратных прямоугольника.

Зрение Стеллы затуманилось. Задрав голову к потолку и поморгав несколько секунд, она взяла себя в руки и принялась рассматривать миниатюрный комикс. Мастерски нарисованный конспект их короткого знакомства от первого

---

¹ Американский зенитный ракетный комплекс. Использовался Израилем во время войны в Персидском заливе для перехвата иракских ракет.

до последнего штриха был пропитан характерным Костиковым юмором. Стелла и не знала, что он так классно рисует. Да и вообще, она много чего не успела о нем узнать. Сожаление об упущенной дружбе больно кольнуло где-то под диафрагмой.

На первой картинке Стелла сидела на скамейке рядом с елкообразной грудой книг, чью верхушку вместо новогодней звезды увенчивал противогаз. Вокруг порхали снежинками иностранные слова, написанные знакомым мелким почерком. На другой она была в образе строгой учительницы у доски с указкой и длиннющим рукописным свитком. А Костик с мученическим выражением лица сидел за партой, обхватив голову руками. На третьей иллюстрации он запечатлел их бегущих по улице, дразнящих летящий в небе «Скад» высунутыми языками.

Заключительная картинка заставила Стеллу содрогнуться. На нее глядела та самая детская фантазия – хрустальная принцесса в изящной короне-диадеме и туфельках на каблучках. Именно такой она себя когда-то представляла. Хрупкой, улыбчивой, счастливой. Сквозь переливающиеся блики хрусталя (как, как можно было нарисовать это обычной шариковой ручкой?!) изнутри просвечивало в виде полуоткрытой дверцы красное сердечко.

Что-то капнуло на бумагу, превратив туфельки в расплывчатую голубую лужицу. Как Костик догадался? Ведь Стелла ни словом ему не обмолвилась о своей болезни, и уж тем более о той дурацкой выдумке! И что он пытался сказать напоследок этим приоткрытым сердцем?

4

Вернувшись в поселок, Стелла перешла на шаг. Вот уже три месяца, как она переехала из Рамат-Гана в Галилею. Когда началась пандемия коронавируса, театры закрылись одними из первых, и весь штат, включая ее, переводчицу, отправили в бессрочный отпуск за свой счет. Заметно сократилась и подработка частными уроками иностранных языков. И тогда Стелла поняла, что в принципе ничто не держит ее в центре, где каждый закуток, ресторанчик, магазин

напоминали о полутора годах, проведенных с Дори.

Жизнь на периферии ей нравилась. Тишина, природа, регулярный бег. Да и жилье было несравнимо дешевле. Стелла не привыкла сидеть сложа руки в ожидании работы и устроилась официанткой в небольшое кафе, расположенное на одной из центральных дорог севера. Едва в начале мая закончился карантин, люди ринулись в заново открывшиеся заповедники и гостиницы, и поток посетителей в кафе заметно увеличился.

До начала смены оставалась еще уйма времени. Стелла сняла с запястья электронные часы, измеряющие пульс, – подарок Дори – и пошла в душ. Неплохой результат. Десять километров за пятьдесят пять минут. То-то бы он удивился, увидев ее сейчас. До знакомства с ним она не умела бегать и никогда не плакала. Теперь же физически стала в разы выносливее, зато гораздо ранимее. С детства готовила себя к одиночеству, а толку? Из года в год переносит его все болезненнее. Даже работа в кафе не спасает.

«Забавно, как порой жизнь опрокидывает все с ног на голову», – думала Стелла, направляя на себя прохладную освежающую струю. Когда израильский врач, к которому она пришла с обострившимся вновь гайморитом, обратил внимание на голубые склеры, он сразу направил Стеллу в генетическую клинику. Простой анализ крови опровергнул диагноз, скомкавший все ее детство. Никакая она оказалась не хрустальная. Да, белки глаз были голубыми – вероятно, из-за тонкого слоя коллагена, но кости были в полном порядке. Для пущей уверенности Стелле в очередной раз сделали рентген и направили на обследование к ортопеду и ревматологу в детскую больницу Шнайдер. «Ты здорова, – заключили они, – ноль ограничений».

Замотавшись в полотенце, Стелла достала из холодильника баночку тунца и творог. «Белки – завтрак спортсмена», – зазвучал в голове голос Дори. И опять, будто по команде, подступили слезы. Когда же прекратятся эти ручьи? От немногих оставшихся после него вещей – зубной щетки, дезодоранта – она избавилась легко, а вот от любимых фраз и словечек...

Одевшись и позавтракав, Стелла заглянула в интернет, надеясь обнаружить новый заказ, но, увы... Доход

переводчика-фрилансера – дело непостоянное. Она взялась за электронную книгу – еще один подарок Дори, но не могла сосредоточиться. Взгляд блуждал по строчкам и то и дело перемещался на пейзаж за окном, туда, где туман растушевывал резкость медно-коричневого силуэта гор.

Не все полтора года отношений с Дори были безоблачными, чего скрывать. Он имел четкое непоколебимое мнение обо всем на свете и ужасно любил спорить, до хрипоты, доказывая свою точку зрения. К тому же Дори никогда не стеснялся говорить вслух, если что-то ему не нравилось. Стелла так не умела. День ото дня бурная личность Дори затмевала ее собственную, а она мирилась. Лишь бы они продолжали быть вместе. Когда Дори приходил к ней домой, Стелла переключала музыку на ту, что предпочитал он. И встречались они в основном с его друзьями. Не раз Стелла отменяла частных учеников ради похода на стендап, который Дори обожал, а ей казался глупым и пошлым. Однажды даже пожертвовала важным собеседованием в крупном агентстве новостей, чтоб болеть за него в полумарафоне. Сама Стелла тогда не бегала – подвернула ногу.

С наступлением карантина Дори впервые заскучал, погасла вечная задоринка в глазах. Стелла отнесла его пережившееся настроение к внезапной отмене забегов, походов и вынужденному «домашнему аресту».

Одним прекрасным утром, по обычаю подав Стелле стакан холодной воды с долькой лимона и ложечкой меда, Дори неожиданно сказал:

– Хотел с тобой поговорить...

Ничего не подозревающая Стелла ласково запустила пальцы в его курчавую, отросшую за несколько недель закрытых парикмахерских шевелюру и потянулась за поцелуем. Аренда жилья Дори заканчивалась через полтора месяца. Неужели он предложит ей снять квартиру вдвоем? Дори отстранился.

– Я больше не могу, – начал он, – ты стала моей половинкой. Я смотрю на тебя и вижу собственное отражение. Ты как ребенок, который, не умея играть в шахматы, зеркально повторяет ходы противника. У такой игры нет шансов, Стелла... У нас нет шансов...

Невидимая граната взорвалась между ними

кислотными лимонными брызгами. Вонзилась ледяными осколками в каждую клеточку ее тела. Но Стелла не проронила ни слезинки.

Оглушенная, она долго не признавала справедливость укоров. А ведь Дори был прав. И насчет себя, и насчет прежних ее отношений. Всю жизнь Стелла так нуждалась в постоянной мужской близости, что готова была отказаться от любых своих привычек и убеждений. После каждого расставания слегала на неделю. И хоть эта эмоциональная зависимость несла ей один вред – отпугивала мужчин, безвозвратно отбирала еще частичку ее «я», – Стелла ничего не могла с собой поделать.

Хватит! Не думать, отвлечься. Прикрыв глаза, Стелла мысленным усилием вытолкнула Дори из головы. И тут же воображением овладел вспоминаящийся недавно образ. Широкие плечи, теплая уверенная ладонь, шелковистый ежик. С Костиком она была самой собой. Но то давно кануло в прошлое, да и можно ли сравнивать? Впрочем, не тогда ли появился этот настигающий ее во всех последующих отношениях страх? Страх покинутого влюбленного подростка...

5

Когда Стелла подъехала к «Social Distance Café»¹, мутно-оранжевое солнце еле просвечивало сквозь расплзающиеся по небу пыльные тучи. Кинерет походил на тусклое хрустальное блюдо, которое давно следовало надраить.

Она привязала велосипед у входа и нацепила осточертевшую одноразовую маску. Находчивый хозяин заведения подстроился под новую действительность, переименовав и переделав кафе в соответствии с указаниями Минздрава.

Десять одноместных столиков располагались в трех метрах друг от друга. Хоть прозрачные загородки по бокам и придавали им схожесть с рабочими кабинками в фирмах хай-тек, с любого из них через огромное панорамное окно

---

¹ «Кафе социальной дистанции». (англ.)

великолепно просматривался Кинерет, компенсируя этот недостаток.

По большей части люди здесь брали кофе навынос. Однако имелись и постоянные клиенты – в основном программисты, которые, приехав с семьями в отпуск, сбегали сюда поработать несколько часов в тишине. Все до одного они соблюдали негласный дресс-код – пляжные шорты и футболки из солнцезащитной ткани, будто и впрямь едва вырвались из кишасящего детворой бассейна.

Ронен, молодой смешливый бариста, указал на дальний столик и подмигнул:

– Лови шанс, Стелла, новенький пришел!

Он часто по-доброму подшучивал над ней, утверждая, что именно здесь в кафе она встретит свою любовь. Стелла не спорила, но знала, что пока не готова. Рана по имени Дори до сих пор сочилась оскорбленным самолюбием, а засевшие в глубине ядовитые осколки продолжали разъедать нутро кисло-желтыми язвами.

Со спины новый посетитель не слишком выделялся среди других – как и все, с распахнутой черной пастью ноутбука на столике и с белым беспроводным наушником, торчащим в ухе согнутой папиросой. Разве что одет он был гораздо приличнее – над спинкой стула виднелась светло-серая рубашка с темной полоской галстука под воротничком.

Машинально пригладив туго затянутые в хвост волосы, Стелла подошла к нему и так и окаменела с меню в протянутой руке.

6

Я, конечно, узнал ее сразу, несмотря на скрывавшую пол-лица хирургическую маску. Узнал по этим необыкновенным глазам и блестящим черным волосам. И словно нажатием секретной кнопочки включились забытые картинки. Как она помогала мне учить английский. Как я сходил с ума от нехватки общения в новой стране и за неимением друзей вываливал перед этой книжной тихоней старые шуточки и байки – отводил душу. Я тогда еще комиксами начал увлекаться. Много ее рисовал, но боялся показывать,

чтоб не вообразила лишнего. Девчонки ее возраста запросто влюбляются, тем более в старших. А такая, как она, начитавшаяся романов, и подавно... Когда собирался переезжать в Технион, попался один особо удачный комикс. Жалко было выбросить. Дай, думаю, передам ей через тетю. На память.

Она как подошла к моему столику, так и застыла. Пытается вспомнить. Шутка ли, тридцать лет прошло. Я сильно изменился – очки, седина, бороду отрастил. Удобная штука – борода. Скрывает и шрам, и оспинки. Смешно, что когда-то их стеснялся.

Узнала... Меню уронила, слова вымолвить не может. Ирония судьбы, да и только! Я тоже, разумеется, удивился, что она официанткой работает. Очень смышленная была девчонка. Наконец выдавила: «Костик?» Я киваю, оттягиваю время. Знаю, что разоблачение неизбежно наступит. «Что ты тут делаешь?» Глупый вопрос. Видно, волнуется не меньше моего. Развожу руками, улыбаюсь. А она прямо впиивается в меня глазами. Ух... Давно никто на меня *так* не смотрел.

Придвинула стул, села напротив. Крикнула парню за стойкой, чтоб ее заменил. Затем, мимолетно оглянувшись по сторонам, стянула маску и засунула в карман. Похорошела, конечно, нет слов! Ни за что бы ей не дал больше тридцати. Особенно в этих узеньких джинсах и темно-бордовой водолазке. Тогда была всего лишь подростком, теперь – женщина. Нет, не просто женщина – изящный хрустальный графин, полный до краев свежим гранатовым нектаром, готовым вот-вот выплеснуться наружу.

Как бы еще немного продлить ее неведение? Ну, подтянул к себе салфетку, делаю набросок. И все чувствую пристальный взгляд, будто сканер – обжигает волосы, лицо, руки. Аж карандаш дрогнул.

Дорисовал наскоро две дымящиеся чашки, смотрю вопросительно. Она, естественно, вскочила, хлопнула себя по лбу. «Сейчас!» – побежала за кофе. А я пялюсь ей вслед и пытаюсь отдышаться. Сердце бьется, точно сумасшедшее. Говорю себе: спокойно, Костик. Что на тебя нашло? Я уже много лет стараюсь воспринимать женское внимание равнодушно. Так или иначе, шансы нулевые, даже с наиболее понимающими и тактичными. Не сложилась личная жизнь,

бывает. Но этот ее взгляд...

Вижу, она уже возвращается с двумя капучино. Говорит: «Voilà!»

Тут у меня появилась идея. Конечно! Ведь она увлекалась языками. А ну как попросить ее? Интересный мог бы получиться виток...

Если честно, я давно привык делать все самостоятельно. И ничего, неплохо справлялся до сих пор. Несмотря ни на что, создал архитектурное бюро, выстроил карьеру. Всегда все сам – переговоры, презентации, интервью. Теперь из-за проклятой пандемии и сплошного онлайн-общения настал суший ад. Но я легко не сдаюсь. Что я, хуже других? Подал заявку на участие в экстренном международном тендере по переустройству аэропортов и вокзалов. Вероятно, до сильных мира сего дошло, что коронавирус нескоро исчезнет. Весь карантин работал как проклятый. И таки выиграл! На радостях позволил себе двухдневный отпуск – съездил на Кинерет, маму проведать. Она-то меня и опустила с небес на землю. «Костя, – говорит, – не упрямясь, найди ассистента». Я прикинул: и правда, проект колоссальный – график такой, что самому никак не управиться. К тому же нужны языки. Одним английским на этот раз не обойтись. Где ж отыскать человека, на которого можно целиком положиться? Знаю, со мной нелегко – слишком циничный, требовательный. Когда-то давно я пытался нанять секретаря. Больше недели никто не задерживался. А иногда сам увольнял – не выношу эти сочувственные взгляды, шаблонные соболезнования...

Может, и впрямь попросить Стеллу? Работа в кафе – не для нее, слепому ясно. Вот только как? Для кого-то легче легкого. А мне... Не люблю я просить о помощи. Не могу. Откажет – плохо. Согласится – еще хуже. Наверняка из жалости. Замкнутый круг.

7

Что-то было не так. Стелла сразу это ощутила. Но что именно? Да, глаза за тонкой оправой очков не изменились – такие же внимательные. В щедро освещенном кафе

их цвет переключался с серым маревом озера и зеленью пальм за окном. И до того знакомым теплом от них веяло, словно ее с Костиком разделяли не десятилетия, а лишь старенькая скамейка. И все же что-то было не так. Внезапно опущенный взгляд, быстрые штрихи в блокноте. К кофе даже не прикоснулся. Неужели опять стеснительность?

Стелла утопила в чашке два кусочка сахара и размешала. Легкий всплеск и стук ложечки зазвучали почему-то чересчур громко.

– Не поверишь, я только сегодня утром вспоминала тебя...

Слова повисли в воздухе, будто нацепленные на крючки безжизненные марионетки. Костик лишь взглянул на нее и, не отрываясь от рисунка, широко улыбнулся. Не ответил, не отшутился, не хмыкнул. Может, смутился из-за ее слишком откровенной реплики? Стелла отхлебнула кофе, но глоток дался ей с трудом.

В течение двух минут она мучилась догадками и неожиданным спазмом гортани, не позволяющим напитку свободно литься внутрь. Затем Костик придвинул к ней блокнот. Очередной мини-комикс! Однако при первом же взгляде волнительное дежавю испарилось. Пришли на ум те давние кошмары с различными приключавшимися с ним несчастьями. Но в снах он был цел и невредим – вопреки картинке комикса.

В верхнем левом углу листка был изображен Костик-солдат на носилках, с зияющей рваной дырой в горле. Несмотря на жуткую рану, он задорно подмигивал и оттопыривал над кулаком большой палец, показывая, что все будет окей. Далее – хирург, копошащийся внутри Костика под слепящими операционными лампами. В следующем эпизоде – крупным планом забинтованная шея и немного поодаль тот самый хирург, растерянно разводящий руками. Последняя картинка являлась копией известных трех обезьянок, одна из которых закрывает глаза, другая – уши, а третья – рот. Именно на нее указывала жирная стрелка.

Стелла в ужасе прижала ладонь к губам, интуитивно повторяя рисунок. Сознание отказывалось воспринимать... Костик – нем?!

Нарастающий шум в голове грозил вылиться наружу

потоком бесполезных вопросов. Как это случилось? Почему с ним? Неужели продвинутая израильская медицина бес- сильна?

– Боже мой, Костик! Мне так жа... – Стелла умолкла на полуслове, заметив, как вдруг потемнели, будто Кинерет в грозу, его глаза.

В самом деле, уж лучше вообще ничего не говорить. Никакие слова и близко не отразили бы того, что клокотало в глубине. Отодвинув чашку, она просто взяла Костика за руку.

8

После аварии мое осязание невероятно обострилось. Ведь я общаюсь руками – пишу или рисую. И язык жестов, естественно...

Ее прикосновение застало меня врасплох. Словно по коже заискрилась теплая многоцветная радуга забытых ощущений, и я опять стал *целым*. Так вышедшее из-за туч солнце внезапно освещает серый остов здания и, рассыпаясь по нему лучами, замыкает воображаемые линии недостроенных стен, придает идеальную окончательную форму. Трудно объяснить, но ненадолго я почувствовал себя прежним, каким был до ранения, до кошмаров, до скоропостижно испарившихся друзей.

Назовите это как угодно, хоть энергетическим полем. А только ее гибкие выразительные пальцы поведали гораздо больше, чем она сама. Запрятанные в каждой из пяти подушечек невидимые датчики отбивали шифром: «Я тебя понимаю». Без единого намека догадалась, что мне требуется поддержка, а не жалость. Всегда была умницей.

Да, много б я сейчас отдал, чтоб просто с ней *поболтать*, как раньше. Честно, очень не хотелось ее отпускать. Непривычно, когда, узнав о немоте, от тебя не шарахаются, не повышают голоса, будто ты глухой, не прячут глаз. Когда красивая женщина видит в тебе не калеку, а мужчину. Когда под ее взглядом замираешь. Ради одного этого стоило рискнуть...

И я решился. «Ну, Костик, – сказал я себе, – лучшего

предлога не найти. Ни пуха, ни пера!»

9

Пока они сидели, сцепив руки, Стелла боялась шелохнуться. Лишь бы не нарушить волшебный бессловесный разговор. Перед ней был прежний улыбчивый Костик. Даже еще более привлекательный. Его ладонь ввухала уверенность, как в тот незабываемый день, когда они бежали под звук завывающей сирены.

Но вот, осторожно высвободив пальцы, он достал бумажник. (Нет, не уходи!) Помедлив, точно в нем шла внутренняя борьба, выудил визитку и протянул Стелле. На черной карточке серебристым чертежным шрифтом значилось: «УРБАНО – проектирование и ландшафтный дизайн городских объектов» и строкой ниже «Константин Кац, архитектор».

Стелла ахнула. Несмотря на потерю голоса, Костик не поддавался унынию, преуспел в жизни. Потрясающая сила воли! А она? Из-за чего она убивается уже столько времени? Скучает по Дори? Подумаешь, беда!

Костик между тем заполнял своим мелким почерком очередную страничку. Какое, однако, невероятное совпадение – их встреча! И опять благодаря катаклизму. Тогда – война, теперь – пандемия. Недавнее прикосновение его руки напоминало о себе приятным покалыванием. Неумолимо тянуло вспомнить мягкость этого склоненного перед ней русского с проседью ежика. Сердце Стеллы понеслось галопом, а за ним, как всегда безудержно – воображение. Интересно, что он там так долго строчит?

Наконец Костик подал блокнот. Одновременно боясь и предвкушая, Стелла начала читать. Он предлагал ей стать координатором крупного проекта в своей фирме. Требуется знание языков. Кстати, не владеет ли она случайно арабским? Владеет, конечно, и арабским, и греческим, и французским, но... Ей почудилось, что... Неужели ошиблась? Как неловко.

Стелла вновь и вновь пробегала по строчкам невидящими глазами, сиюсь вникнуть в подробности –

международное сотрудничество, коронавирус, свежеепеченные стандарты, общественные пространства...

Перед ней было чисто деловое предложение, а она уже выдумала целый романтический сюжет... Глупые девичьи фантазии! Виновато, разумеется, ее одиночество, тяжесть разлуки с Дори. Какая она все же дуручка. Нет, незачем ей в это ввязываться. Она ведь ни капли не разбирается в архитектурных проектах. К тому же столько лет прошло. Люди меняются, черствеют. Что она, в сущности, о нем знает?

Костик сидел перед ней с выражением подсудимого в ожидании приговора.

– Послушай, мне кажется, я... – слова наподобие вязких комков каши слипались друг с дружкой, толкаясь и отказываясь выходить наружу, но Стелла пересилила холодную клейкую массу и вытолкнула ее из горла: – Я не тот человек, который тебе нужен...

Лицо Костика исказила судорожная гримаса, и на мгновение Стелла готова была поклясться, что услышала его голос:

– Нет!

Какое там... Галлюцинация, игра памяти. Однако кое-что все-таки произошло. Не сводя глаз со Стеллы, Костик разомкнул губы и молча вывел ими:

– «Про-шу те-бя...»

Внезапно как когда-то запах цветущих апельсиновых садов в апреле моментально воскресал в Стелле предвкушение дня рождения, так эта немая просьба вернула ощущения той «эвакуационной» зимы: ожидание и интригующую радость каждой их встречи; легкость общения, когда она была просто собой; испытанное чувство гордости. Вернула в то счастливое время, когда Стелла еще ничего не знала о предстоящих разлуках и переменах. Неужто она сможет ему отказать?

Вдруг вся прежняя жизнь показалась Стелле бегом с препятствиями, сводящимся к этому конечному отрезку. Отважится ли она перемахнуть через неожиданный барьер?

По ту его сторону, откуда ни возьмись, явился призрак Дори. Но вместо того, чтобы ободрить ее, как прежде на пробежках, он затянул старую волынку:

– Опомнись! Став чужим голосом, ты опять потеряешь себя!

Кровь бросилась Стелле в лицо. Грудь сдавило, будто кто-то в один миг выжал из нее весь воздух. И в этом безмолвном вакууме раздался жуткий режущий скрип. Скрип захлопывающегося сердца.

Костик глядел вдаль, поверх ее головы. Плечи его поникли, уголок рта нервно подрагивал. Несколько секунд он, слегка сдвинув вверх оправу, растерянно массировал переносицу. Затем со вздохом закрыл блокнот и посмотрел на Стеллу так, как ребенок смотрит через стеклянную витрину на недоступное шоколадное лакомство – вожаденно и разочарованно.

И тут случилось невероятное. На виду у всех по щекам Стеллы покатались слезы. Рука машинально потянулась смахнуть их, но зависла на полпути. Ах, без разницы, пусть видят! Пусть все видят – Костик, Ронен, клиенты... Девочка с голубыми глазами больше не боится плакать перед вами. Да, она до сих пор уязвима, но она такая же, как вы. Даже слезы ее никакие не голубые, а простые, бесцветные.

Тем не менее *эти* слезы оказались отнюдь не простыми. Впервые за долгое время вместо горечи они несли очищение – растворяли толстые защитные слои, годами покрывавшие сердце Стеллы. Вымывали саднящие осколки разочарования и сомнений. И чем обильнее они текли, тем легче становилось на душе. С каждой слезинкой мутный хрусталь делался прозрачнее и – невероятное открытие! – пропускал свет как внутрь, так и наружу.

Внезапно Стелла увидела Костика насквозь.

Увидела, что за оболочкой успешного архитектора скрывается одинокий человек, не желающий обременять других своими трудностями. Человек, которого трагедия лишила семьи и заслуженного счастья. Человек в поиске опоры – преданного помощника, единомышленника, «голоса». Но в первую очередь она увидела того чуткого и отзывчивого парня, давным-давно пробудившего в ней, неопытной и юной, настоящее чувство. Чувство столь робкое и неосознанное, что по сей день она не решалась дать ему название.

Да, предложение Костика оказалось сугубо деловым. Но, возможно, это лишь начало. И если только она

осмелится, не захлопнет перед ним свое до сих пор приоткрытое сердце, она сумеет... Она сумеет стать ему опорой – недаром ведь ее зовут Стелла? А дальше... нет, лучше не загадывать наперед.

Костик встал, с грохотом отодвинул стул.

«Уходит!» – нахлынул прежний страх, но Стелла не поддалась. Нет, вот же он, Костик, обогнув перегородку, приближается к ней. Склоняясь, обнимает за плечи, нежно утирает слезы, гладит по волосам.

Ликующий взгляд Ронена из-за стойки бара красноречивее любых слов подтверждал, что это не сон.

10

Офис архитектурного бюро «Урбано» находился на семнадцатом этаже небоскреба, расположенного в правительственном квартале Хайфы. Некоторым это приметное здание напоминало своей обтекаемой формой устремленную в небо ракету. Другим – надутый ветром парус из-за обращенной к морю выпуклой передней части с заостренным шпилем. Костик, верный своему юмористическому стилю, вручая Стелле накануне бумажку с адресом, изобразил гигантский кукурузный початок с блестящими зернышками окон.

И теперь, внутри одного из этих зеркальных проемов-зерен, Стелла дожидалась его – вновь обретенного друга и возлюбленного, преодолевшего немислимый лабиринт времени. Опираясь на оконную раму, она глядела на синеющий внизу Хайфский залив с белоснежным круизным лайнером, на пестрый торговый порт, на четко выступающую на горизонте крепость Акко. Видимость была замечательной. От пыльного марева вчерашнего дня не осталось и следа, как не осталось сомнений в ее душе. Рядом с Костином она научится быть собой. Не растворяясь, не сливаясь с ним, не утрачивая своего собственного голоса. Вместе они отправятся в непростое, но удивительное плавание по жизни.

На плечи Стеллы опустились ласковые ладони, и по всему телу покатились волны тепла. Отвернувшись от окна,

она прильнула к Костику. Как неистово колотится его сердце! «Спасибо тебе, моя хрустальная девочка», – доверительно выстукивало оно. А может, это опять разыгралось ее неумное воображение...

Элен Стэп

Рассказы

Синим взмахом ее крыла

Славик сидел перед телевизором в труселях. В холодильнике томились в ожидании встречи со Славиком бутылка светлого и пачка прессованных вяленых рыбешек (в народе именуемая братской могилой). Очередной выходной. Душный, июльский, бесконечный... Вчера еще были мысли проснуться пораньше и выйти на пробежку. Но с утра, в процессе надевания спортивных штанов, Славик присел на диван и завис. А через два часа, успокоив совесть аргументом, что уже очень жарко и бежать куда-либо бессмысленно, он извлек из холодильника желанную золотисто-пенную поллитровую радость. И как это нередко происходит в такой ситуации, в дверь позвонили. Интересно, кому он понадобился? Звонок повторился, уходить явно не собирались. Скорей всего, это либо свидетели Иеговы, либо неумолимые распространители «Гербалайфа». И снова звонок. Вздохнув, Славик поставил на стол открытую бутылку и поплелся открывать.

На пороге стояла тетка. Не женщина средних лет, а именно тетка. Пухлая, в полосатой майке и синих рейтузах. Судя по кипяточному оттенку щек, ей было очень жарко, а строго осуждающее выражение лица сходу давало понять, что ни о каком «Гербалайфе» речи нет.

– Послушайте, это просто свинство! Заставлять меня в эту жару подниматься на пятый этаж пешком! У меня гипертония, я вам не девочка! Что значит лифт не работает?!

– П-п-ростите... – оторопело промямлил Славик, пропуская гостью. – Лифт уже три дня так...

От неожиданности он стал оправдываться, напрочь забыв о том, что, собственно, тетка вломилась к нему без приглашения.

– Ну да, вечно у вас так... Дайте воды хотя бы. Ой, да у вас тут пиво! Холодненькое! Обожаю! – тетка проворно налила полный стакан и с удовольствием выпила на глазах у

остолбеневшего Славика.

– Холодное пиво в жару это самое то, – потеплевшим тоном сообщила она, как будто это что-то объясняло. Славик наконец то вышел из комы.

– Послушайте, вы кто?! Вам что нужно? По какому праву? И вообще?.. – слов было много, а дышалки мало. Незванная гостья внимательно посмотрела на Славика.

– А вы меня не узнаете? – она нахмурилась, и тут ее озарило, – Ну да, конечно... Вы же меня знаете с другого ракурса. А теперь узнали?

С этими словами она встала, повернулась спиной и наклонилась, предъявив Славiku корму, обтянутую рейтузами, из которых торчали какие-то синие ошметки. Он к такому явно не был готов (да и кто на его месте был бы?), шархнул на другой конец комнаты...

– Послушайте, женщина, м-м-м, как вас там... у... у вас там... в смысле сзади... пух синий...

– Что значит пух? – возмутилась визитерша. – Там хвост! Мой хвост, мне по званию полагается... – Она подошла к зеркалу, посмотрела. Убедилась в том, что хвоста как раз нет, а есть только пух, и расстроилась еще больше:

– Ну да, ну да... пух... Потому что все дергают, всем надо урвать вне очереди! А мне потом отвечать. Раньше молодая была, уворачивалась. Мало кто мог ухватить... А сейчас тяжело стало – возраст, гипертония... И главное, народ наглый пошел, оборотистый, выдирают перья на ходу! Вот и получается, что те, кто в очереди записан, либо вообще ничего не получают, либо ждут бесконечно.

Славик понял, что у него начались слуховые галлюцинации, и, как всегда, когда он не знал, как действовать, решил отпустить ситуацию и продолжить этот невозможный диалог. Принес второй бокал, налил себе и наконец-то выпил.

– Простите, а как к вам обращаться?

– Ну, скажем, для тебя я Фортуна Вячеславовна. А ты молодец, я думала, истерить начнешь. Кстати, думаю, можно перейти на ты.

– Ага, спасибо... А вы, то есть ты, надолго?

– Не знаю пока, как пойдет, – улыбнулась она.

– М-м-м, понял... А... скажи, мы правда раньше

встречались?

– Правда. Только исключительно с того ракурса, что я продемонстрировала раньше. А так, чтобы лицом, нет, это впервые.

– Ясно. И что, я теперь могу желания загадывать – и все сбудется?

– Ты меня, похоже, с золотой рыбкой перепутал. Это в сказках: загадал – и сбывается. А я из другого учреждения. У меня квота, план, квартальный отчет. Бюрократия обыкновенная. Понимаешь, любому человеку в этой жизни полагается определенное количество удачи, так сказать базовый пакет. Кто-то его расходует сразу полностью, кто-то растягивает на всю жизнь. Но по факту, это тот минимум, который позволяет любому человеку сказать, что в его жизни хорошего было больше, чем плохого. За любую добавку сверх этого однажды придется платить. Поэтому меня и раздражают все эти шустрые ребята, которые норовят лишить меня хвоста. Мало того, что они нарушают мне отчетность. Они не понимают главного – придется платить. И неизвестно, как и когда. Что касается тебя, тут произошла досадная ошибка. Так сказать, мой косяк. Наша встреча была запланирована на 31-ое декабря 1995-го года. Понимаешь, к чему я?

Славик задумался. Нет, он не понял, о чем шла речь. В тот год он был студентом на третьем курсе, проживал в общежитии. Судя по дате, это был Новый год, значит, было весело. Отмечали шумно, пили много, Игорек в ту ночь выгнал его из комнаты и выклячил ключи, так как у них со Светой намечалась любовь. Он тоже вроде кого-то нашел и даже начал строить планы на очень близкие и очень короткие отношения, но девочка, которая радостно просила «долить шампусику», в ответственный момент отключилась, и остаток ночи он догуливал у соседей. Обычная новогодняя ночь, не лучше и не хуже других. А Игорек со Светой в том году поженились.

Тетка молча наблюдала, как Славик копается в своей памяти. Потом вздохнула и просто произнесла:

– В ту ночь я пришла к тебе, а застала Игоря. Он, видимо, решил сначала, что я из администрации, и выдал себя за тебя. И я все ему сказала. Кто я, зачем пришла. И он понял, и сделал свои выводы. Если бы я была повнимательней, я бы

заметила, что что-то не так. Но сам понимаешь, Новый Год, я торопилась. Было много адресов, а мне еще надо было домой успеть. И поэтому Света, которая нравилась тебе, в ту ночь ушла с ним. Не могла не уйти. Он говорил ей то, что нужно было сказать, и смотрел так, как нужно было смотреть. Мужик он неглупый, быстро сообразил, что подлог вскрыется и все прекратится, поэтому в ту неделю он не жил – он летел. Сделал предложение Свете, первый и последний раз в жизни купил лотерейный билет, записался на университетский турнир по боксу, получил фантастический банковский кредит и купил участок земли, который тогда был частью городской свалки. И все получилось. Он женился, сорвал многомиллионный джекпот, стал звездой университета и открыл свой земельный бизнес, начав его на том самом пятчке свалки, который через пять лет превратился в один из самых престижных районов города. Вот, собственно, и все. Мне на работе устроили полный разнос, понизили в должности, из областного куратора меня перевели на уличную оперативную работу в городе, лишили крыльев. Хорошо хоть хвост оставили. А про Игоря ты сам все знаешь.

Славик знал. Умница и красавец Игорек погиб два года назад в автокатастрофе. Во время тяжелого и изнурительно долгого развода он много и упорно пил. Долги тоже росли. Поговаривали, что авария была не случайной. Где-то за год до этого они увиделись на встрече выпускников. Игорь уже приехал в кондиции и домой ехать самостоятельно не мог. Вез его Славик. Всю дорогу Игорь нес пьяный бред, и чтоб хоть как-то его заглушить, Славик включил радио. «Мы охотники за удачей», – бодро сообщили кумиры отечественного рока. И тут Игорек взвыл и кинулся на радио с кулаками. Пришлось остановиться, унять, обнять. Чего он так вдруг? Тогда было совершенно непонятно, почему затихший пьяный Игорек сказал:

– Она сама пришла, понимаешь? Сама! А я живой человек! Не мог я ее отпустить!

– Кого ее? Свету?

– Да причем тут Света! Хотя и Свету тоже не мог...

А ты, ты всю жизнь по течению... Никого не обидеть, никого не попросить,.. ничего не добился – и вдруг бац! Ты у нас принц, весь в белом! И тебе теперь все положено.

– Какой принц? Что положено? Что ты несешь?

– Да так... Неважно... Главное, помни, что платят все. Усек? – Игореk откинулся на сидение и уснул. Славик довез его домой, сдал на руки усталой и замученной Свете и больше они не виделись. Теперь все встало на свои места.

Тетка допила пиво.

– Ну вот, как-то так. Теперь надо исправлять ситуацию. Только бюджет у меня теперь не тот, что раньше, так что особо губу не раскатывай... Но по мелочи помочь могу. С работой там... или познакомить с кем? На предмет романтических отношений... Жарко у тебя тут, кошмар! А поесть не найдется? А то я тут с тобой перенервничала, а мне нельзя. У меня сахар!

– Для представителя высшей канцелярии не слишком ли много болячек? – осведомился Славик, одновременно соображая для гостыи бутерброд.

– И не говори! Все от нервов. Короче, к делу. Закончишь сегодня статью – и сразу отсылай в три редакции. Успех гарантирую. На корпоративе через неделю будут разыгрывать автомобиль. Считай, он твой. Соседка на твоём этаже новая. Советую приглядеться: очень перспективная девушка и маме понравится. Далее... – тетка наткнулась взглядом на молча улыбающегося Славика и запнулась.

– Не надо. Все у меня хорошо. Правда. И это... Ты умница, что зашла. Я о тебе напишу. Обязательно. У меня только одна просьба. Я сейчас одному человеку позвоню... Ты меня, пожалуйста, за руку поддержи.

Тетка вытерла губы салфеткой:

– У меня идея получше, – И повернулась к Славiku уже знакомым ракурсом. Вместо пуха там колыхался роскошный синий хвост, который искрился и переливался. – Тяни! Только не все сразу.

Глядя на растерявшегося Славика, она вытащила пучок перьев и вручила их ему как букет.

– Мне пора. Как раз к обеду успею домой.

Славик кинулся открывать дверь, но тетка снисходительно усмехнулась.

– Ну уж нет. Ваш подъезд – это не для моих нервов. Пять этажей без лифта в эту жару! У меня же гипертония!

С этими словами она расправила пушистые синие

крылья (когда появились?!) и вылетела в окно.

Славик, все еще с букетом, одним глотком допил пиво. Рванул на кухню, выпил залпом стакан воды и умыл лицо. Букет оставался на месте. И тогда он набрал номер и выдохнул:

– Света? Это я!

Бокалы

Они и сейчас стоят у меня в баре, – угловатые, узкие, с дымчатой короткой ножкой, – совсем не похожие на те бокалы для шампанского, которые продаются в магазинах. Как очень старая черно-белая фотография с резной окантовкой, с которой серьезно смотрят твои прадедушка и прабабушка. Фотография, которая случайно выпала из альбома, и ее небрежно затолкали обратно, только не в тот альбом, а, скажем, в твой с какой-нибудь поездки за границу. И находишь потом это фото, и вроде не к месту, и качество хуже, и все-таки цепляет, и хочется еще раз рассмотреть. Так же и эти два бокала стоят рядом с другими: для вина, для мартини, для коньяка. Стоят лишние, неправильные, из другой, чужой жизни. Из них никто ничего не пьет. Откуда они у меня? И зачем они мне? Мне, которая раз в год устраивает домашний шмон и избавляется от всего, что нефункционально?

Лет восемь назад порадовали меня неожиданной командировкой в Германию. Воображение сразу стало рисовать картинки Берлина, Мюнхена, Бремена. В действительности, как оказалось, речь шла о малюсеньком городке недалеко от чешской границы. В книжках встречалось мне выражение: «где-то на задворках Европы». Оценить смысл этого выражения я смогла по приезде.

Три с половиной часа езды от Мюнхена, из которых последние два пейзаж за окном не менялся. Два часа навстречу машине с двух сторон летел бесконечный лес. Причем деревья были одинаковой высоты, с одинаковым наклоном. Когда я высказала это свое наблюдение вслух, мой напарник с характерной фамилией Кляйн пожал плечами и ответил:

– А как ты хотела? Немцы. Во всем должен быть

порядок.

И вот наконец маленький, почти незаметный указатель и съезд. Хвала навигатору, под вечер гусары въехали в город. Осмотр местности решено было отложить на завтра, так как обоим хотелось одного: быстро поесть и спать, спать, спать...

В городке было две гостиницы. Мы получили лучшую. Ее преимущество заключалось в том, что она находилась посреди центральной площади, строго напротив церкви. И номера нам выдали – по словам хозяйки – лучшие. Оценить нашу «удачу» мы смогли, как только легли спать. Через десять минут после встречи с подушкой мне в голову ударил колокол. Прямо в висок, двенадцать раз. Чтобы я точно знала, что наступила полночь. Пытка повторилась в час ночи, потом в два. Как оказалось, лучшие номера выходили на колокольню. Поняв, что спать, видимо, не получится, я вышла на веранду покурить. На веранде сидел маленький злой Кляйн в полосатой пижаме. Посмотрел на меня замученным взглядом и опять лаконично высказался:

– А как ты хотела? Немцы. Антисемиты.

Я никак не хотела. Я хотела спать. Закрыв окно и ставни и накрывшись с головой одеялом, я наконец заснула. Проснулась через четыре часа от звонка. Звонил мой начальник – удостовериться, что мы удачно доехали. Бодро пожелал мне успеха. Рабочий день начался. Эффектная расписная фрау хозяйка сама подавала завтрак. Постояльцев на всю гостиницу оказалось три человека. Наливая кофе, она осветомилась, все ли нас устраивает. И тогда Кляйн, мешая родной иврит, неродной английский, отдаленно знакомый немецкий и уж совсем непонятно откуда взявшийся арабский, выдал:

– Гуд морнинг, фрау имах шмах. Битте, из ит посибл ту мув ас ту мор кувает румс? И наал абук дис бел ис вери нойзи!

Фрау слегка изменилась в лице, но, не переставая улыбаться, объяснила, что заплачено было за лучшие номера, и она не может перевести нас в другие, так как они хуже. Третий постоялец пил кофе, сидя к нам спиной, но судя по тому, как тряслась его лысина, он тихо ржал. А Кляйн остался верен себе. Строго посмотрел на меня:

– А как ты хотела? Немцы.

К восьми нас ждали на фирме, которая находилась в десяти минутах ходьбы. Погода была хорошая, и мы решили пройтись. Пока мы шли, нас останавливали местные, уточняли, не те ли мы израильтяне, которые вчера приехали. Рассказали, что завтра базарный день, а послезавтра будет весело, потому что открывается новый магазин мороженого, будет музыка, танцы, и можно бесплатно получить порцию любого вкуса. Короче, жизнь бьет ключом. Вспомнились фразы из любимого советского фильма: «Дамы и Господа, дизель-электропоезд Бухарест-Синая проследует по второму пути» и «Дизель-электропоезд никогда не останавливается на нашей станции».

На фирме нас встретили очень приветливо. Ребята, которых к нам прикрепили, были молодые, энергичные, толковые, с хорошим английским. Они-то нам и объяснили, что в городе четыре ресторана, в трех из которых мы обязательно поужинаем. В четвертый не пойдем – это шуарменная, которую держат два брата из Ливана, деликатно объяснили они. Потом указали, где находятся местные аутлеты¹ (целых два!), и как-то вскользь упомянули, что они открыты до пяти. Как оказалось, подлянка заключалась в том, что мы работали ровно до шести тридцати, а рестораны закрывались ровно в восемь. Так что, закончив работать, мы легким аллюром неслись, чтобы успеть поужинать, а после оставались одни, и из развлечений оставалось гулять по пустым улицам и читать вывески. Бедный Кляйн проклинал все и вся. В кои-то веки выпало ему поехать в командировку в приличную страну, и в своих мечтах он гулял по европейским проспектам, пил кофе и коньяк в маленьких кафешках, закупался сувенирами и одеждой и иногда немного работал. Действительность его подкосила. Каждое утро я выслушивала его «А как ты хотела? Немцы! Антисемиты!» В какой-то момент он мне надоел.

– Что ты заладил? Причем тут немцы или не немцы? Обычные люди. Живут, работают. И при чем тут

---

¹ Аутлеты (Outlets) – магазины-склады, в которых по большим скидкам продаются вещи дорогих брендов, как правило, прошлогодней коллекции. Излюбленное место, где израильтяне любят закупаться вещами за границей.

антисемиты? Я думаю, в этих краях и евреи-то не особо живут.

– Конечно, не живут. С сороковых.

Я очень надеялась избежать этой темы, слишком она для меня болезненная. Более того, это была моя первая поездка в Германию, и я переживала и от души надеялась не столкнуться в этой поездке со свидетельствами той страшной страницы истории. Поэтому, сославшись на то, что надо срочно позвонить домой, я ретировалась. Кляйн понял и больше этого аспекта местных реалий не касался. И надо сказать, что в отличие от других европейских городов, в которых мне доводилось бывать, здесь не было никаких памятников Холокосту или других элементов, отсылающих к той эпохе. Так что я успокоилась. Почти.

На четвертый день вечерних прогулок, которые были просто необходимы после огромных и вкусных обедов и ужинов, мы наконец разглядели, что городок-то игрушечный и очень красиво построен. Каждый дом был выкрашен в другой цвет, мощеные улочки сходились лучами к миниатюрным фонтанчикам, фонари на карнизах были сказочными. И никого. Все спят.

Командировка подходила к концу, и оказалось, что работу мы успели закончить раньше, чем думали, – и в нашем распоряжении оказался почти полный свободный день. Кляйн ликовал. Всем улыбался, жал руки, хлопал по плечам и приглашал в Израиль. Душа-человек. Сердечно распрощавшись на фирме, мы рванули по магазинам. Глядя на то, как закупался Кляйн, у меня возникло три вопроса:

Первый: возможно, у нас грядет война, про которую знает Кляйн и не знаю я?

Второй: а точно ли Кляйн живет в своем доме в престижном районе Тель-Авива, или он молдавский гастарбайтер?

И наконец третий: а точно ли я хорошая мать, если так мало накупила своим?

По дороге к гостинице Кляйн останавливался каждые сто метров и демонстрировал очередной трофей. Он был счастлив. Уже на подходе я вдруг заметила маленький магазинчик с закопченными стеклами. На витрине красовались чашки, рюмки, канделябры, картины. Короче, самая

настоящая антикварная лавка. Причем не для туристов за неимением таковых. Кляйн благодушно сказал:

– Давай пакеты, я занесу. И пока ты будешь копать в этом мусоре, я наконец схожу вон в ту красивую кафешку и наконец-то выпью нормального кофе, с эклером и коньяком.

Я зашла. В магазинчике негде было ступить. Все было заставлено. Какие-то фарфоровые куклы, золоченые рамы, целая армия разнокалиберных остатков разных сервизов, гобелены, вышитые подушечки, вазочки всех мастей. И все такое тонкое, хрупкое, изящное и бесконечно старое. Обычно продавцы в подобных местах под стать товару – экстравагантные, утонченные. Но тут продавщицей оказалась плотно сбитая очень серьезная и очень конкретная баба. Белобрысая, с ямочками и нарисованными бровками. Само собой, что английский она не понимала. Говорила по-немецки, спокойно, размеренно, предлагая ту или иную вещь, видимо убеждая в ее неотразимости. Я купила у нее вазочку, набор хрустальных рюмок и замечательную фарфоровую чашку с блюдцем, датированную 1948-м годом. Поблагодарив, я уже пробиралась к выходу, когда она вдруг неожиданно резко окрикнула:

– Фройляйн! Момент! – и куда-то нырнула. Ну ладно, момент – так момент. Ее не было минут десять, я уже начала нервничать. И тут она появилась, запыхавшаяся в запачканной пылью блузке, с торжествующим взглядом. В руках у нее было два бокала. Узкие, длинные, с короткой зачерненной ножкой. Старые и некрасивые. Штамп сообщал, что сделаны они на фабрике Розенталь в 1934-м. Я улыбнулась и покачала головой, показывая, что, мол, не подходит. И пошла на выход.

– Фройляйн! Das sind jüdisch!¹ – прозвучало выстрелом мне в спину. Даже моего знания немецкого хватило, чтоб понять, что я отсюда без них уже не уйду. Я полезла за кошельком. И тут она улыбнулась своими ямочками и бровками, и жестом показала, что денег не надо. А я поблагодарила бога за то, что эти бокалы нашли меня в последний день нахождения здесь.

---

¹Fräulein! Das sind jüdisch! (нем.) – Барышня! Они еврейские!

Так они оказались у меня. Старые, неудобные, из чужой жизни, чужой семьи... Но такие родные.

Фишка

Сегодня она будет петь Тóску. В десятый раз за этот месяц. Рейс задержали, и она, замерзшая и уставшая, ввалилась в гримерку за полчаса до начала. Пока верная Ирочка ругалась с администрацией театра, она замерзшими пальцами пыталась расстегнуть свой старый замордованный чемоданчик, который опять заклинило. Черт бы его побрал, давно надо было купить новый. Но нет, как можно... Твоя вечная идиотская сентиментальность и привязанность к старому барахлу... Наконец замок сжалился и открылся. Теперь быстро, почти не глядя в зеркало, наносим базу и рисуем неотразимую итальянку. Гримировалась всегда сама, не любила чужих прикосновений к своему лицу. Ну вот и готово. Зеркало предъявило Тоску. Почти. Не могло у Тоски быть этого взгляда загнанной лошади.

Соберись! Пара глотков коньяка из фляжки обычно приводили в тонус, прогревали горло и окрашивали мир в более приятные тона. Но сейчас не помогло. Ей не хотелось быть Тоской. Ей хотелось чаю, а лучше – какао, плед, ковер с оленями на стене и продавленное вельветовое кресло-кровать, которое она за немислимые деньги перевезла в свою элитную московскую квартиру из Кишинева после смерти бабули. Только этот затертый бордовый вельвет ассоциировался у нее с домом. По молодости, перед особо важными выступлениями, ее трясло, и единственный способ расслабиться был – забиться в эту бордовую мохнатость и закрыть глаза. И сон приходил мгновенно. Но кресло осталось в Москве. А это Вена. И тысяча семьсот человек, заполнивших зал, ждут Тоску в ее исполнении. Заплатили дикие деньги и ждут. И поэтому, Алиса Александровна, будьте добры, осчастливьте талантом своим волшебным. А страдания свои климаксические держите при себе. Она почувствовала легкое дуновение воздуха в затылок. Ну, слава богу, наконец-то. Она быстро повернулась к зеркалу. Это давняя привычка, еще с тех пор, когда Раиса Витальевна ездила с

ней на областные конкурсы. В примерке она всегда становилась за спиной у маленькой Алисы и разговаривала с ней через зеркало.

Раиса Витальевна была, как всегда, в своем темно-сером брючном костюме и бордовой водолазке. Темно-каштановое каре волосок к волоску, неброский, но идеально подобранный макияж, цепочка из черного серебра. Словом, такая, какая она была всегда. Даже на собственных похоронах.

И, как всегда, она появилась точно вовремя, за десять минут до выхода. Раиса Витальевна была пунктуальной, и никакие препятствия, включая переход в мир иной, не могли ее остановить. В день выступления она должна быть рядом с любимой ученицей. А ведь ей в этом году исполнилось 94.

– Как хорошо, что вы пришли, – выдохнула Алиса.

– Куда ж я денусь, – кокетливо прожурчал родной с детства голос. – Ну что, опять психуешь?

Алисе был знаком этот тон. С первого дня их знакомства, когда бабушка привела ее на занятия. Хотя стоп! Все началось гораздо раньше.

С раннего детства Алиса, тщедушный еврейский ребенок, не вылезала из бесконечных простуд, ларингитов и прочих радостей. Алисина мама была знакома со всеми мало-мальски стоящими детскими врачами в городе. На Алисиной дыхательной системе были опробованы все варианты лечения, начиная от настойки из сосновых почек (брр) и заканчивая вызвавшими аллергический приступ ампулами антибиотиков, купленными по блату за безумные деньги.

Врачи разводили руками и надеялись, что с возрастом все пройдет. В качестве профилактики советовали петь. Петь – так петь. Еврейский ребенок не может петь просто так, поэтому решено было записать Алису в музыкальную школу. Однако в школе обучение вокалу не было основным направлением, требовалось выбрать инструмент. Алисе нравилось фортепиано, но группа там и так была переполнена, и Алису определили на виолончель.

И началось хождение по мукам. Алиса ненавидела инструмент, который был с нее ростом и который они с бабулей таскали на занятия и домой, в любую погоду. Ненавидела смычок и канифоль, которая воняла. Ненавидела

классы с ковровыми покрытиями, в которых она задыхалась и кашляла. Уроки пения обычно были последними, так что на них Алиса приходила замученная, надышавшись пылью, и ее бляение, перемежаемое кашлем, не вызывало у учителей ничего, кроме раздражения. Бабуля искренне не понимала, за что мучают ребенка, но свою роль оруженосца исполняла самоотверженно. Наконец маму вызвали в школу. Завуч, мамина знакомая, деликатно объяснила, что девочка очень старательная, но, к сожалению, одних стараний мало, а способностей за ней не замечено. Стоит ли мучать ребенка? Зачем ей музыка, может, она художник?

Пока мама с напряженным лицом тащила ее к выходу, у Алисы в голове боролись и толкались две мысли. Первая – что кошмар окончен, прощай виолончель – орудие пыток. И вторая – что она опять налажала, и непонятно, как это исправить. Маму окликнула очередная знакомая и предложила отойти покурить. Алиса осталась ждать у входа. Слезы текли легко и быстро, затекая под нос и за шиворот.

Рядом простучали каблуки. Мелькнул серый брючный силуэт в облаке бордового шарфика. И насмешливый глубокий голос:

– И чего психуем?

Алисе почему-то захотелось ответить.

– Мама хотела, чтоб я пела. И я хотела. Чтоб дыхалку тренировать. А сказали, что не получится. Что я художник.

– Ну художник – это как бы тоже неплохо. И если хочешь петь – пой. Для этого школа не нужна. Тоску ты, может, и не споешь, но дыхалку выровняешь. И не реви!

Сказала и ушла. Через минуту вернулась мама, и они уехали домой.

И Алиса стала петь. Везде. Во время ингаляции над картошкой, в ванной, на улице. Так и неясно, помогло ли пение, или она переросла свои болячки, но со временем они пропали. И обнаружился голосок. А точнее, Голос. Любую песню, услышанную по радио или по телевидению, Алиса воспроизводила с удивительной точностью, полностью повторяя модуляции и самые сложные обороты. Родители задумчиво переглядывались, но помня неудачный эксперимент с музыкальной школой, побаивались повторить попытку обучения. Однако после школьного похода в оперу,

когда возбужденная Алиса, пытаясь описать увиденное, пропела выходящую арию Кармен, мама не выдержала. Позвонила знакомой учительнице из той же музыкальной школы и попросила порекомендовать частного учителя по вокалу. Как оказалось, выбор был невелик. На весь город таких было три, с двумя из которых Алиса успела познакомиться в прошлый раз и возобновлять общение не хотела, а третья брала за уроки немислимые деньги, которые инженер и учительница русского языка просто не могли себе позволить.

– Правда, есть еще Раиса Витальевна Розеберг, – задумчиво сказала знакомая. – Но, она вряд ли согласится. Во-первых, она на пенсии, во-вторых, она работала только с оперными, а в-третьих, у нее абсолютно невыносимый характер.

Но мама, уцепившись за «оперных», решила рискнуть. Позвонила, договорилась о встрече.

Для первого знакомства Алису нарядили в «приличное» шерстяное платье гольф с карманом на животе. Платье противно чесалось в подмышках и давило на шею. На встречу она пошла с верной бабулей, мама пропадала в школе допоздна. Добравшись с двумя пересадками на другой конец города, они очутились в однокомнатной квартире, половину которой занимало старое, но все еще потрясающе красивое фортепиано. Остальное пространство занимали стеллажи с книгами. И никаких тебе стенок-сервантов, обоев в цветочек, и фарфоровых слоников. Словом, ничего того, что было у всех вокруг. Две стены были темно-бордовыми, две – светло-серыми. Небольшой раскладной диван в тон стенам, столик-куб и пара стульев. А посреди всего этого нового – уже знакомый брючный силуэт, на сей раз гораздо более четкий. Раиса Витальевна.

Пока бабуля пыталась в двух словах рассказать предысторию их взаимоотношений с музыкальным образованием, Раиса Витальевна молча внимательно смотрела на Алису, которая не знала куда деться. Неожиданно посреди бабулиного монолога она встала, подошла к инструменту и, набрав несколько нот, кивнула Алисе: повтори. Алиса повторила.

- У тебя есть любимая песня?
- Есть. Песня Золушки.

– Пой.

Алиса начала петь. Еехватило ровно на то, чтобы спеть первые три фразы. На момент, когда «принц ко мне примчался», голос осел почти до шепота. Под умоляющим взглядом бабули она начала заново и снова задохнулась. Раиса Витальевна все это время молчала. После третьей попытки растерянная бабуля начала извиняться. И тут Раиса Витальевна встала, вышла на кухню и через минуту вернулась с ножницами. Подошла к Алисе и одним движением разрешила воротник платья, освобождая шею.

– Пой!

И словно кран открыли. Полилась серебряная музыка. Нежный, хрустальный чистый голос. Так они нашли друг друга.

Они виделись ежедневно. Даже в выходные. Раиса Витальевна была беспощадна и неутомима. Алиса старалась соответствовать. Так что выбора не осталось, и полноценное музыкальное образование пришлось получить. Началось время первых серьезных конкурсов и концертов. Про Алису заговорили. Раиса Витальевна стала практически членом семьи. Родители соглашались на любую Алисину поездку, поскольку знали, что Раечка рядом.

Алиса росла. Превращения из гадкого утенка в белого лебедя так и не случилось. Она оставалась тщедушной, угловатой, сутулой. Нос с характерной горбинкой сильно выдавался вперед на узком лице. Как-то, сидя в примерке, Раиса Витальевна постановила:

– Голос у тебя, конечно, от бога, но этого мало. Тебе не хватает стиля. Какой-то фишки. Элемента, по которому тебя будут узнавать. И если городская филармония не предел твоих мечтаний, то надо собой заняться. Осанка, прическа. И гардероб, конечно. На носу международный конкурс в Болгарии. Надо соответствовать.

– Раиса Витальевна, вы же не на сцене монолог толкаете, – разозлилась Алиса, – какой к черту гардероб? На какие шиши?

Раиса Витальевна молча вышла. Обиделась, наверное, решила Алиса.

Однако на следующий день та вернулась и вела себя так, как будто не было этого разговора. А через неделю

принесла чемодан, в котором было несколько платьев, два костюма, три пары туфель и целая армия шарфиков.

– Решила подкинуть тебе барахлишка. На меня они давно малы, да и одевала я эти вещи раз или два, а тебе, думаю, в самый раз.

Вещи были немислимой по советским меркам элгантности и сидели как влитые. А о том, что Раиса продала свой инструмент, чтобы их купить, Алиса узнала только когда они вернулись из Болгарии. Скандалила страшно. Но Раиса Витальевна была счастлива.

А потом был театр. Роли. Успех. И по иронии судьбы ей предложили роль Тоски. Но, как это всегда бывает, мечты сбываются не вовремя. Не до Тоски ей было. За пару месяцев до этого она влюбилась вусмерть. И залетела. А очнувшись, когда ей внятно объяснили, что двухнедельное приключение это не повод жениться. Раиса Витальевна нашла тогда хорошего врача, который сделал все быстро и аккуратно. И не его вина, что на этом аборте ее детородная функция закончилась.

Вся ее боль и злость вылилась на железную Раису Витальевну. Алиса уехала в Москву и прекратила всякое общение ней. Да и вообще со всеми. Детство кончилось. Оставалось работать. До изнеможения и психоза. Тоска – вот ее цель. И через год ее Тоску узнал весь мир.

Как-то, будучи на гастролях в Бухаресте, сидя в гримерной перед выходом, она почувствовала ветерок со спины. Обернулась – дверь была закрыта. Развернувшись к зеркалу, она чуть не вскрикнула. В зеркале так знакомо за спиной стояла Раиса Витальевна. Она умерла за месяц до этого, так и не встретившись, не поговорив со своей девочкой, по которой безумно скучала. А теперь, когда ни время, ни расстояние ее больше не останавливали, приходила поддерживать. И на каждое выступление приходила сквозь стекло, ровно за десять минут до выхода.

Алиса смотрела в зеркало.

– Раиса Витальевна, я все спросить вас хочу... Оно того стоило? Любая продавщица счастливее меня. Ей есть куда возвращаться. Ее ждут дома.

– Ну так иди и продавай помидоры.

– При чем здесь помидоры?

– А при том. За кулисами полный зал людей, которые решили этот вечер отдать тебе. А ты сопли размазываешь. Выпрямись. И иди! Иди, девочка.

Слепящий свет. На сцену выходит Тоска. Вокруг шеи у нее облако бордового шарфика. Фишка такая.

Качели

Пять с половиной часов перелета в таком обычном и знакомом Боинге, и я приземлилась на том, что сегодня зовется постсоветским пространством. То есть элементами пазла той страны, из которой двадцать девять лет назад я уехала навсегда. Той страны, которая и сама навсегда исчезла с мировой карты. Хотя по факту я прилетела в Европу. А точнее, в Литву.

Бюджетный отдых на две семьи с маленькими детьми, распланированный до мелочей за месяц до прилета, дабы у мелких спиногрызов не было ни одной свободной минуты, чтобы вынести мозг отдыхающим родителям. Выезд данным составом уже был успешно опробован за год до этого в поездке в Венгрию.

Ответственным за планирование отдыха и заказ билетов назначили того, кто не успел отвертеться – меня. Первые четыре дня заполнились легко и быстро – с утра зоопарк/луна-парк/аквапарк/музей, во второй половине дня купание в озере, ресторан, прогулка и спокойной ночи. Однако на пятый день стандартные развлечения закончились. Необходимо было как-то заполнить день. В списке Trip Advisor, значился «*Парк Грутас*», в котором, судя по описанию, под открытым небом собрали музей советской жизни.

Лет десять назад довелось мне посмотреть фильм «Парк советского периода», где хорошие актеры под замечательные треки Тимура Шаова играли абсолютно неудобоваримую хрень. Если кратко, то герой из современной российской действительности попадает в аттракцион, имитирующий все прекрасное, чем гордились и чему радовались в СССР. И конечно, в финале надо было показать, что в аттракционе, как и в самом СССР, все было гадко и ужасно, и что все хорошее было фальшивым. Главный герой все

осознал и спас Лизу Боярскую. Ощущение после просмотра было как после отравления несвежими продуктами.

Так что разрекламированный *трипадвайзером* аттракцион вызывал определенные сомнения. Но на всякий случай билеты были заказаны.

И вот наступил день, когда мы шумной цыганской толпой приземлились в Вильнюсе. Кто мы и откуда приехали, было понятно сразу, когда спокойную, чуть ли не больничную, тишину маленького аэропорта взорвал ор трех детских голосов. Разумеется, они успели передрались, помириться и опять передрались еще в самолете. И к моменту посадки были голодные и злые. А главное, не понимали, почему нельзя прямо сейчас ехать на озеро купаться. Но в конечном счете все успокоились и через пару часов мы оказались в Друскининкае.

Городок ничем не отличался от любого другого европейского бюджетного курорта. Разве что русская речь звучала чаще. Красивые, хорошо оборудованные отели, спа-центры, кафе и рестораны. Ухоженные аллеи и красивая набережная. И только на отшибе, в полной темноте, стояла мертвая монументальная блочная громадина с выбитыми окнами – бывший всесоюзный дом отдыха, о путевке в который мечтали советские граждане. Дом стоял как заброшенный памятник, обкаканый голубями, как последнее воспоминание о том времени, которое так не любят вспоминать литовцы.

Вечером за ужином Артем, задумчиво затягиваясь сигаретой, произнес:

– Первый день отдыха, а нервы уже ни к черту. Надо что-то делать.

И мы делали. Дни были заполнены до упора, так что дети засыпали уже в процессе ужина. Правда, и взрослые были недалеко от этого.

На пятый день за завтраком общество требовательно смотрело на меня, ожидая оглашения развлечений на сегодня.

– А сегодня просто купаемся и загораем, – натужно бодрым тоном сообщила я.

Народ замер с сырниками в руках. Дети приготовились рыдать.

– Здесь что, больше совсем нечем заняться? – поинтересовался мой муж Сережа.

– Ну-у, в целом, да, – промямлила я, – есть, правда, еще Грутас-парк, но вряд ли это нам подойдет.

– А это что?

– Это заповедник, бывший пионерлагерь, в который свезли все уцелевшие памятники советского прошлого. А помимо этого, пишут, что там есть какие-то качели-карусели, ну и типа – это как экскурсия в прошлое.

– Да ну его, это прошлое, – сказал Сережа, и все собрались с ним согласиться, но не успели. Пока мы думали, дети успели опять подраться и теперь ревели в голос, распугивая местных.

– Ну нет, я их таких купаться не поведу, – задумчиво, как бы в легком трансе, произнес Артем. – А то утоплю ненароком. Черт с ним, поехали – покажем им дедушку Ленина и рабочего с колхозницей. Погуляют, устанут, потом можно и поплавать.

Через полчаса мы были на месте. Действительно, красивейший лес. Посреди леса избушка с ведьмой-билетершей, которая сама могла выступать экспонатом. Прямо на входе всех осчастливили пломбиром, так что стартовали весело. А дальше стало как-то не по себе. Среди вековых сосен и дубов вставали монументальные памятники членов ЦК. И рядом с каждым была табличка, которая на трех языках рассказывала, кто он и сколько человек погибло по его вине. Жутковатое зрелище. Прямо булгаковский бал у сатаны, застывший в мраморе. Через полчаса прогулки я хотела только одного: уйти поскорее.

И тут Олеся, которая тоже не вдохновилась этой прогулкой, но все равно собиралась отбить стоимость билета по полной, вспомнила, что в буклете упоминали качели и зоопарк. Пришлось идти. И спасибо ей за это.

Минут десять мы волочились под солнцем вдоль ручья. Дети убежали вперед, и в какой-то момент мы в очередной раз услышали их визг. Правда на этот раз это был восторг. Мы пробежали за поворот и оказались на детской площадке. Вот он, поворот в прошлое.

– Гелька, смотри! – тихо произнес Артем.

И как когда-то в десятикопеечном калейдоскопе,

завертелись в хаотичном порядке осколки моего детского счастья. Вот он, домик-теремок. Сейчас таких уже не делают. А в Кишиневе в каждом парке был такой. И всегда казалось, что зайди в него – и ждут тебя чудеса. Хотя кроме кучи в углу, других чудес не было. Но ожидание оставалось. Качели-лодочки. Вверх-вниз. На подъеме приседаешь и толкаешь коленками. И не надо больше ничего. Вверх-вниз. И жизнь до неба. Барабан для бега, автомат со сладкой газировкой, пломбир по 15 копеек, квас из бочки. Да, все постановочное, чистенькое, нарядное, но ведь память-то фиксирует это именно таким, а не настоящим. А медведь с бассейном в клетке был тем же – несчастным, грязным и совсем не постановочным.

Мы прокатились на этой площадке до закрытия. Купаться мы так и не пошли. Но дети и не требовали. Тихо игрались сами. Будто почувствовали другое настроение этого дня. Будто поняли, что нет сегодня взрослых рядом. Да разве можно оставаться взрослым, когда ты на качелях-лодочке? Вверх-вниз. И жизнь до неба.

Жена

Я смотрю на эту женщину, жившую за тысячи лет до меня. Чем же она заслужила зайти в Книгу книг без имени? Ведь оно у нее было. Но в истории человечества она всего лишь его жена. Безликое некто, превратившееся в нечто. А ведь она была личностью. И ей наверняка было что рассказать.

Я назову ее Мириам. И ей двадцать пять лет. По тем временам она уже очень взрослая мать семейства. А еще я подарю ей любовь. Имя и любовь. Те две составляющие, которые нужны живому человеку. И больше я ничего не могу ей дать.

Вот уже три часа они шли в густой и молчаливой темноте Иудейской пустыни, в сопровождении конвоя. Муж называл их спасителями. Шли молча, не зажигая огня, не останавливаясь и не оглядываясь. Сухой восточный ветер с песком дул им в спины, как будто подталкивая. Они бежали, как воры, хотя ничего не украли.

Муж вернулся домой предыдущим вечером и сказал быстро сложить самое необходимое, собрать детей и к полуночи быть готовыми. Сначала она решила, что у него опять начались видения. Напоила молоком с медом и собралась ложиться спать. Но когда он вместо того, чтобы успокоиться, как обычно, начал кричать и топтать ногами, она испугалась и на всякий случай сделала вид, что складывает вещи в мешок. А в полночь явились эти. Спасители. Провели инструктаж: идти за ними и не оглядываться. Почему? Куда? Ответ был лаконичным. Не важно куда. Важно, что отсюда. Потому что завтра здесь не наступит. И спасти надо только семью племянника. Она замерла, мешок вывалился из рук. Как не наступит? Да как же так можно?

Она родилась в этом шумном многолюдном городе, который находил в себе силы веселиться вопреки всему. Город, построенный в когда-то цветущей долине, которая по иронии высших сил вымерла, уступив место песку и соленой земле, на которой ничего не росло. Как будто сама природа восставала против людей. Восемь месяцев в году солнце беспощадно сжигало все вокруг, так что даже скорпионы и змеи отказывались двигаться. В зимнее время дул сухой пронизывающий ветер с песком и солью, от которого слезились глаза, трескалась кожа и болели суставы. До ближайшей деревни было два дня ходу. Была вечная нехватка питьевой воды. И все-таки город жил. И веселился. Были ярмарки, были гуляния и маскарады. Люди собирались и пировали вскладчину. У кого-то нашелся кувшинчик вина и маслины, у кого-то – лепешки и мед, у кого-то – вяленый ягненок. И начинался пир. И пляски. И песни. И любовь. До одури и забытья. И не было никаких табу. Они были одни посреди пустыни и радовались, как умели, чтобы не сойти с ума от тоски.

И вот в город пришел племянник большого человека. Молодой, стеснительный, зажатый, не привыкший к местному укладу. После скандала с именитым дядей, который не пожелал жить с ним под одной крышей, он пытался построить себе новую жизнь подальше от всех, кого знал. Город в пустыне для этой цели подходил идеально. И он решил поселиться здесь. Атмосфера вечного праздника притягивала магнитом обиженного и закомплексованного парня.

Все запреты и уставы, которые были в его прежней жизни, не имели больше смысла. Но разгульная жизнь закончилась, не успев начаться. Вместо развеселых и бесконечных попок и нетребовательных подружек он в первый же день встретил Мириам на городском рынке. И растворился в ее темно-серых глазах. И женился на ней через неделю после приезда вопреки здравому смыслу и вопреки ее желанию.

Она-то с детства любила Саара, соседского мальчика, с которым вместе росла. Были они одноклассники, понимали друг друга без слов, и жизнь свою видели общей. Так что, когда долговязый нескладный приезжий явился к ее отцу и сообщил о том, что пришел жениться, ни Мириам, ни Саар, не придали этому значения (мало ли сумасшедших в городе...). А зря.

Поженили их быстро. Как оказалось, и семья, и городские власти видели в этом замужестве большие перспективы в надежде на связи жениха. Имя дяди было известно даже здесь, в пустыне, а про ссору никто не знал. Так что новоиспеченный муж незамедлительно стал почетным гражданином, получил землю и зажил взрослой жизнью. А мнения и желания Мириам никого не интересовали.

И она смирилась и была хорошей женой. Их дом был одним из самых больших в городе. Жили богато. И поначалу даже весело. Уж очень хотелось ее мужу стать здесь своим. Он закатывал пиры, которые длились до глубокой ночи, и звал бесконечное количество гостей. Как водится, у этого веселья была и обратная сторона: к моменту, когда супруги оставались вдвоем, у уставшей жены и пьяного мужа только и оставалось сил на краткий интим без слов и фантазий. Так на свет появились их дочери. Так они и жили. Правда, полюбить она его так и не смогла. Но кому до этого было дело?

А потом все разом оборвалось. Однажды в дом явились двое (те самые Спасители). А после их ухода с ним стало твориться неладное. Он прекратил всякое общение с соседями. Их большой и шумный дом затих. Он стал методично бить ее и дочерей. А после плакал и требовал покаяться в каких-то грехах. Периодически устраивал пост и оставлял их без еды и питья на два дня. И не к кому ей было обратиться за помощью. И никто не знал, как страшно ей

было, когда муж вставал посреди ночи, уходил во двор, становился на колени и плакал, с кем-то разговаривая.

А потом стало совсем плохо. Стыдно признаться... Он стал следить за соседями. Он ходил по вечерам, заглядывал в окна и записывал что-то в пергамент, который прятал от всех. А вечером доставал его, что-то считал, плевал на пол и сжигал пергамент. И снова плакал, шепча:

– Не хватает... Трех не хватает.

Она жила с больным фанатиком, который на фоне своих видений просто не мог быть нормальным мужем. И ничего не могла сделать.

Иногда она замечала Саара, который подолгу стоял у ее дома. Он так и не женился. Не смирился с тем, что случилось, и, кажется, был единственный, кто догадывался, насколько в ее семье не все ладно.

Последней каплей было, когда два дня назад муж, стоя во дворе, начал выть в голос, требуя кого-то пощадить, и биться головой о землю. Она выбежала и обняла его, пытаясь успокоить. Он вырвался, посмотрел на нее оловянным диким взглядом и прошептал:

– Все вы шлюхи. Так вам и надо.

И выбежал вон. И исчез на несколько дней.

Тогда она и решила:

– Все!

Договорилась с Сааром. В конце месяца будет городской праздник. Там они и сбегут. Не успела. Опять не успела. За два дня до праздника муж вернулся и велел собирать вещи.

Они шли в темноте. Ветер и песок резали лицо, глаза опухли и почти закрылись. Хотелось пить. Муж шел впереди, Спасители несли девочек, а она плелась позади, таща мешки с едой и одеждой. Мыслей не было. Наступило спокойное безнадежное отупение. И тут она ощутила сильный запах серы. Услышала грохот и увидела, как небо разрезали огненные ленты. И она все поняла. В голове прояснилось и прозвучали вопросы: «Куда я иду? И за кем? За чужим человеком, который по недоразумению стал моим мужем? Все то, что приносило мне радость, ради чего стоит жить и дышать, осталось здесь. Дети большие, они справятся. А я

возвращаюсь». Яркая молния осветила маленькую согнутую под тяжестью мешков фигурку, которая вдруг выпрямилась и замерла в последнем своем развороте в вечность.

Я смотрю на эту женщину, застывшую в мраморной фантазии английского скульптора. И смотрю на нее же, стоящую на побережье мертвого водоема, навеки застывшую в своем последнем вздохе, когда кристаллизующийся минерал уже перекрыл доступ воздуха в легкие, но сердце еще жило, и глаза смотрели. Смотрели и видели, вопреки высочайшему запрету.

Смотрю и не нахожу слов утешения.

Борис Финкельштейн

Хроники Агасфера¹

«Не бойся, ибо с тобой Я; от Востока приведу семя твоё, и от Запада соберу тебя. Скажу Северу: «Отдай» и Югу: «Не удерживай!» Приведи сынов моих издалека и дочерей Моих – от конца земли.»

Из пророчества Исаяи

Часть I. Исход

1.

Сегодня он приехал на работу раньше обычного. Раньше – это, собственно, для других как раз вовремя: в девять часов утра. Будучи стопроцентной «совой», Борис ложился спать обычно поздно, а точнее рано – к трем часам ночи. Вставал, как правило, около восьми утра, пару часов собирался, одновременно окончательно просыпаясь, и где-то около десяти отбывал на работу. Зато потом весь день – как стеклышко. Иногда приходилось, конечно, и пораньше приезжать, когда планерка, совещание или деловая встреча назначены. Но обычно именно так. Правда, уезжал домой тоже поздно – не раньше девяти часов вечера, отработывал упущенное. Конечно, на сотрудников эти правила не распространялись, у них твердый рабочий день. За этим следил бдительный кадровик, каждый день представлявший ему список нарушителей. Тем не менее, покурить, посплетничать или даже выскочить на пару минут в ближайший магазин им утром было несравненно проще, чем позже под бдительным взором начальства. Нет, занудой он не был. Просто

---

¹ Впервые опубликовано в сборнике: ФИНКЕЛЬШТЕЙН Борис Григорьевич, «по limits Рассказы с продолжением», Киев, ООО «Журнал «Радуга», 2016 г.

Агасфер, или Вечный жид – легендарный персонаж, по преданию обреченный на вечные странствия по земле до Второго пришествия Христа. Из диалога Агасфера и Христа (литературное): «И ты будешь вечно идти, и не будет тебе ни покоя, ни смерти».

езде, где появлялся, время как бы меняло размерность и начинало идти быстрее. Примерно так высказался однажды его старый товарищ, проработавший с ним бок о бок более сорока лет. Что ж, со стороны виднее.

Но сейчас видимых поводов для спешки вроде бы не было. Просто обстановка создалась какая-то странная, и в воздухе ощущалось нечто новое, ранее незнакомое.

На последних президентских выборах в стране победил кандидат с уголовным прошлым. Возможно, и с настоящим – также, но об этом как-то помалкивали. Как из дырявого мешка, в их регион посыпались назначенцы с «малой родины» нового Гаранта Конституции – большого и некогда многолюдного шахтерского района. Первоначально новички «переваривались» местным истеблишментом, но вскоре критическая масса была превышена, и привычный мир, ранее относительно спокойный, в чем-то даже уютный, слегка захолустный, – стал ощутимо изменяться и размываться. Менялась и внешняя обстановка. В столице кипело возмущение. Сначала в этом участвовала только радикально настроенная молодежь, но затем волнения охватили огромные массы. Это была уже революция, приведшая пару недель назад к бегству президента и наиболее коррумпированной верхушки его администрации, устроивших напоследок кровавую бойню в центре столицы.

У них в провинции тоже не «дремали». Неделю назад две группы вооруженных людей без боя захватили здания местного парламента и правительства. Наступали смутные времена, ощутимо запахло насилием.

Так что, поводов для беспокойства хватало. Поднявшись по широкой лестнице, Борис прошел через приемную в кабинет. Это было большое помещение, но и организация ведь немаленькая – четыреста банковских отделений. Внешняя стена почти сплошь стеклянная, и в ней дверь на балкон, выходящий прямо на площадь. Справа театр, слева стандартная пятиэтажка, а прямо впереди белое многоугольное здание местного парламента, сверкавшее в лучах утреннего, еще зимнего солнца. В центре площади большой, круглый, сейчас закрытый до весны фонтан с бассейном. Борис всегда любил фонтаны и устраивал их везде, где только мог. Струящаяся вода была для него символом жизни и вечного

движения. Сказывалась будто некая историческая память о пустынях Междуречья и Египта, где вода являлась самой жизнью, а ангелом смерти «работал» по совместительству демон безводной пустыни Азazelь.

Вот и этот фонтан он построил сверх сметы на строительство помпезного офисного здания и вроде как подарил городу, хотя за электричество до сих пор платил самостоятельно.

Выйдя на балкон, Борис оглянулся по сторонам. Что-то не так – слишком тихо. Еще несколько дней назад на площади перед парламентом шумел митинг, кипели страсти. Было о чем говорить и спорить: через две недели назначен референдум, где основными вопросами вынесены: «С кем быть?» и «Что делать?» «Вечные проблемы, – подумалось ему. – И вот сейчас тишина?»

Он пригляделся: на другой стороне площади, прямо по краю темнели какие-то фигурки в маскировочных одеяниях. «Да это солдаты!» В зеленой униформе, касках защитного цвета и с автоматами Калашникова наперевес. «Войска, чьи?» Дверь приоткрылась, и на балкон вышел начальник службы безопасности.

– Без опознавательных знаков, – сказал он. – И на вопросы не отвечают.

Это были те, кого через некоторое время разные стороны конфликта будут называть «зелеными человечками», или «вежливыми людьми». А как впоследствии оказалось – военнослужащие соседнего, ранее дружественного государства, выполнявшие приказ. В общем-то, такие же люди, говорившие на одном с нами языке, но одновременно и другие, надолго проложившие рубеж между тем и этим, прошлым и настоящим, настоящим и будущим. «Вестники Апокалипсиса», – подумал он. Острое чувство внезапно наступившего излома кольнуло душу. Он почувствовал: «Да, это время пришло, по крайней мере для него. Наступило время странствий.» Нельзя сказать, что Борис был внутренне к этому не готов. Генетически ему было присуще ожидание катастрофических перемен. За последние пятьсот с лишним лет ни одно поколение его предков не могло прожить всю свою жизнь на одном месте, в одной стране. Так складывались обстоятельства. Наверное, сейчас тоже не исключение. Он

хорошо знал историю, поэтому не строил иллюзий на свой счет. Не зря в его народе существовал даже национальный день траура – Девятое Ава. В этот день года во все времена происходили катастрофические события, приводившие в итоге к массовому переселению людей: разрушение Первого и Второго Иерусалимских Храмов, подавление восстания против римлян под руководством Шимона Бар-Кохбы, изгнание евреев из Англии, Франции, Испании. «В этом году это 5 августа, – вспомнил он, – время еще есть».

Однако внутренний голос не умолкал, а значит, следовало уже сейчас отнестись к событиям со всей серьезностью. Он привык доверять своим предчувствиям. Три месяца назад, катаясь на горных лыжах в заснеженных Альпах, Борис как-то совершенно спонтанно сказал приятелям, что живет в ожидании радикальных изменений уже много лет, и кажется, это время наступает. Тогда окружающие не обратили на его заявление серьезного внимания, но это было то самое – глас Судьбы.

2.

Дождь шел уже два дня. Потоки воды стекали с черепичной крыши; ветер бился в окна, сотрясал большие раздвижные стеклянные двери первого этажа, завывал в дымоходах и вентиляционных каналах. Дома, машины, деревья и кусты, одежда людей – все было в каких-то странных красноватых потеках, которые превращались в мелкий песочек и осыпались, когда вода высыхала. Мощный циклон прихватил это с собой на пустынном африканском побережье, перенес через Средиземное море и высыпал здесь, в обычно солнечной Каталонии. Хотя сейчас такое определение несколько не соответствовало моменту. «Но чего же ты хочешь? – сказал он себе. – Все-таки не лето – декабрь месяц.»

Уже полгода он жил тут, в маленьком старинном городке совсем рядом с Барселоной. Городок возник более тысячи лет назад, первоначально как центр виноделия, и сохранил это качество до настоящих времен. Еще в 975 году ему было присвоено современное название, но он явно существовал и в римские, и в карфагенские времена. Тогда местным жителям нужно было довольно долго добираться до Барселоны. Пешком – целый день, а на лошади – часа три-

четыре. Сейчас же ему стоило нажать на педаль газа своей машины, и через двадцать минут, если не было пробок, она уже въезжала на площадь Каталонии, за которой начинался район Старого города, называемый местными жителями Готическим кварталом. Борис взглянул в окно. Дом стоял на пригорке, до побережья километра три, но видимость была прекрасная, и море расстилалось перед ним во всем своем, сейчас сероватом, великолепии вправо и влево, сливаясь с таким же серым горизонтом. Великое срединное море – колыбель человечества. Конечно, такое ненастье было нехарактерно для здешних мест, где температура даже ночью зимой не опускается ниже 6-8 градусов. Мягкий климат, прекрасная природа, теплое море – потому здесь всегда с удовольствием селились люди. Местное население приветливо, общительно и дружелюбно – чего еще желать?

Первые поселенцы появились тут около трех тысяч лет назад. Вероятнее всего, это были иберы. Их сменили греки, основавшие на побережье многочисленные города. Затем карфагеняне, потом римляне, готы, франки, арабы, которых здесь называли маврами, и прочая и прочая... Собственно, по имени Гамилькара Барки, отца Ганнибала, Барселона и получила свое современное название. Отсюда Ганнибал начал поход в Италию во время второй Пунической войны, перевалив по дороге с армией и слонами через Пиренеи и Альпы. Из этих мест отправился в свое первое плавание Колумб (Колон на местном наречии) на поиски то ли обходных путей в Индию, то ли новой Земли Обетованной. Здесь селились евреи после разрушения римлянами Второго Храма. Барселонское графство, Арагонское королевство, Испанское королевство – могучий мир с необычайно богатой историей, развитой культурой, великолепными памятниками старины...

Он задумался. Конечно, нынешнее его состояние далеко не случайно. Воля рока, судьба, может быть проклятие, или провидение – как ни назови, но реальные жизненные обстоятельства гнали его соплеменников из страны в страну. Однако здесь, в Испании, они прожили дольше всего, более 14-ти столетий. Это как минимум не меньше, чем в Ханаане, Земле Обетованной, которую евреи завоевали в середине XIV века до н. э. после ряда известных, изложенных в

Библии событий. Непростой путь: исход из Египта, сорокалетнее блуждание по пустыне, обретение родины, войны и конфликты, изгнания и возвращения. Многочисленные восстания против власти Великого Рима, опять изгнание и наконец Испания – цветущая страна.

Но оказалось, и здесь не навсегда. Его предки, покинувшие этот край в конце XV века, жили совсем недалеко, примерно в 100 километрах от того места, где он сейчас находился – в Жироне. Он знал, что главу семьи звали Барух. Это была традиция, живущая до сих пор: все старшие сыновья рода носили это имя, как и он сейчас, как все до него. Была и другая ветвь – от младшего брата Ицхака. Она произрастала в Гранадском эмирате до его завоевания христианами. Глава этой семьи ушел из родного города в свите последнего эмира Гранады Боабдила и, по семейным преданиям, некоторое время сопровождал его в странствиях. В то далекое время все они носили родовую фамилию Халеви, поскольку являлись прямыми потомками Левия, третьего сына Иакова и соратника Моисея.

Обстановка стремительно менялась к худшему, и Барух покинул страну, как и вся жиронская община евреев в количестве 1500 человек. Следует отметить, что в этом богатом средневековом городе в то время все население составляло около восьми тысяч человек. Можно было остаться, изменив вере отцов, но Барух не смог переступить через свое естество. Ицхак же пошел другим путем. Он принял католичество, стал марраном, принимал активное участие в подготовке и финансировании экспедиции Кристофа Колона, возможно даже ушел с ним в первое плавание. Во всяком случае после отплытия трех каравелл первой экспедиции он исчез навсегда.

Как считают некоторые исследователи, великий мореплаватель происходил из семьи крещеных евреев, женился на женщине из семьи марранов и даже вел судовой журнал на иврите, отмечая в нем основные иудейские праздники. Немаловажно и то, что Колумб на один день задержал выход экспедиции в море, чтобы не попасть на День 9-го Ава, который в 1492 году выпал на 2 августа.

Современники отмечали, что адмирал неоднократно говорил им о своей особой миссии по исполнению

ветхозаветного пророчества Исаяи. Вполне возможно, что искал он новую Землю Обетованную, куда можно было бы переселить отовсюду изгоняемый еврейский народ. Марраны помогли обеспечить финансирование экспедиции, участвовали в ней численно процентов на 30-50, и может быть, в конечном историческом итоге нашли то, что искали... Правда, из первого плавания вернулись только две каравеллы, и Ицхака в числе возвратившихся не было. Но такова судьба всех великих открытий, они не даются легко. А может быть, и не погиб Ицхак, а растворился, оставив след в языках и обычаях индейцев Северной Америки и Мексики, тот самый след, о котором пишут современные этнографы и лингвисты Нового Света.

Дождь прекратился. Низкие гроззовые тучи еще клубились над морем, но уже не проливались на город и горы. Ветер тоже утих, начало темнеть.

Борис оделся, спустился в гараж, завел машину и через несколько минут был уже в центре городка. Оставив машину на стоянке, он направился в сторону темневшего на центральной площади древнего, но действующего католического собора, помня, что там располагался небольшой ресторанчик с отличным кофе. После дождя воздух стал свеж и чист, тучи разошлись, появились яркие звезды.

3.

Был теплый летний вечер. 17 июля 1492 года – вторник. Воздух настолько прогрелся за день, что ночная прохлада совсем не ощущалась. Барух наклонился в седле и потрепал лошадь по шее. Негромко звякнул короткий меч на широком кожаном поясе. Несмотря на жаркую погоду, Барух был в темном плаще, под которым стальная кираса. Сзади ехали небольшой возок, запряженный спокойной гнедой лошастью, и три всадника наемной охраны. Меры предосторожности были необходимы – он вез ценный груз. Впереди уже слабо светились огни над главными воротами городской стены Барселоны. «Уже поздно, – подумал он. – Ворота наверняка закрыты. Придется заночевать на постоялом дворе вне городских стен.» В городе ему принадлежал небольшой дом, куда он сможет теперь попасть только рано утром, но перед этим ему предстояла важная встреча.

Крупный церковный чин, член Доминиканского ордена и Трибунала святой инквизиции, член правительства Каталонии – дон Луис. Их связывало многолетнее знакомство и общие дела. Такому вельможе некогда и незачем самому заниматься финансовыми вопросами. Это уже много лет поручалось купцу из Жироны Баруху Халеви. Международная торговля, финансовые операции с Западом и Востоком, караваны с товарами и морские путешествия – все это требовало ясного ума и отменного здоровья. Да, Барух уже не молод – ему под пятьдесят, но крепок духом и телом, как и прежде. «Если бы не это несчастье, – вздохнул он. – Две недели осталось до назначенного срока. 31 июля в Испании не должно остаться иудеев. Таков смысл Альгамбрского эдикта. Что же делать? Наверное, придется уехать.» Но прежде всего следовало разобраться с делами, и он отложил печальные мысли на следующий день. Перед столь важным разговором следовало хорошенько выспаться...

Рано утром со скрежетом распахнулись огромные городские ворота из толстых дубовых балок, окованных металлическими полосами, пластинами и шипами. Возок с охраной с трудом протискивался в узкие улицы между высокими домами с зарешеченными окнами первых этажей. Но вот и нужный дом – большой, мрачный, почти крепость, недалеко от Кафедрального собора. Они встретились в большом зале на первом этаже.

Дон Луис сидел за огромным столом в большом черном деревянном кресле с высокой резной спинкой. «Тоже немолод», – автоматически отметил Барух и почтительно склонил голову.

– Господин, – сказал он, – я привез полный отчет по моей деятельности, которую осуществлял по вашему поручению, и все деньги, переданные мне для использования в торговых делах вместе с причитающейся за них прибылью. Обстановка складывается таким образом, что вам по всей видимости скоро придется подыскивать нового поверенного в делах.

– Барух, – ответил вельможа, немного промолчав, – я знаю тебя много лет. Ты всегда был честен в делах. Удача сопутствовала тебе, ты успешно приумножал наши деньги. Мне будет сложно найти тебе замену. Я предлагаю

разумный выход. Прими католичество. Ты сохранишь родину и имущество, мы будем продолжать сотрудничество. Я обещаю тебе свое покровительство, – он сделал паузу и продолжил: – Ты получил хорошее образование, знаешь иврит, французский и итальянский языки, изучал философию. Подумай сам: Б-г един, это основной постулат иудаизма, этого ведь никто и не отрицает. Святая католическая церковь, существующая со времен апостолов, которые, кстати, все были евреями, как и первые последователи Христа, учит нас, что Б-г един по существу и представлен в виде Святой Троицы. Смысл тот же, ты просто пойдешь немного дальше соплеменников, приняв обряды и символы веры истинно Христовой церкви.

Дон Луис замолчал и выразительно посмотрел на Баруха, ожидая ответа.

– Спасибо за предложение, господин, я подумаю, – вежливо ответил Барух. – Мне почему-то кажется, что мы обязательно встретимся еще раз, когда-нибудь. А теперь позволь мне закончить свой отчет.

Он сделал знак рукой, охранники занесли и поставили на пол рядом со столом тяжелый деревянный, окованный металлическими полосами сундук, запертый на висячий замок. Барух положил на стол перед доном Луисом переплетенную в кожу довольно толстую тетрадь, сверху железный ключ с затейливой бородкой, поклонился, попрощался и покинул помещение, оставив вельможу наедине со своими мыслями.

4.

Барух вышел из огромного здания, и теперь перед ним возвышалась боковая стена Кафедрального собора. Длинная узкая прямая улица с двух сторон была зажата между высокими каменными строениями, и несмотря на солнечное утро, ни один луч света не достигал здесь земли. «Может быть, в полдень? – подумал он. – Когда солнце будет стоять прямо над головой.» Справа улицу пересекал закрытый каменный мостик с резными ажурными стенами. Похожий он видел в Венеции во Дворце дождей. Кажется, там его называли «Мостик вздохов», ведь через него вели из тюрьмы приговоренных к месту казни. Можно было

последний раз посмотреть на прекрасный мир и... вздохнуть, что покидаешь его преждевременно.

Барух незаметно для себя тоже вздохнул. «Какая мрачная аналогия, – подумал он. – Мы тоже приговорены. Другими, но и собой тоже. Невозможно изменить Завету. Это все равно, как умереть, возможно даже хуже, потому что, изменив, ты исчезнешь навсегда. А так, кто знает?» Он заглушил в себе голос сомнения и осмотрелся по сторонам. Улицу перед ним мостили большими тяжелыми камнями пиленого известняка. Камни были толщиной около тридцати сантиметров. Часть камней были уложены, остальные ждали своей очереди в штабелях рядом. Здесь же находились большая деревянная бадья с загустевшим раствором и пара деревянных лопат. Рабочих поблизости видно не было. «Завтра церковные праздники в честь местной святой, – вспомнил Барух. – И они, наверное, уже начали готовиться к этому событию.» Он вспомнил предложение дона Луиса. Да, такое покровительство многого стоит. Барух был вполне светским человеком и никогда не придавал слишком большого значения внешней атрибутике своей древней религии – иудаизму. Сейчас он как бы посмотрел на себя со стороны. Его вполне можно было принять за испанского идалго. Изрядно поседевшая длинная густая шевелюра, усы и борода клинышком – эспаньолка. Кожаная куртка – хубон, штаны в обтяжку, сапоги, темный плащ, шляпа, меч на поясе. Внешность воина или купца. Он знал, что многие принимали католичество притворно, тайно справляя обряды своей прежней религии. Что же мешало ему поступить так же? Мешало что-то внутри. Мешал Договор, заключенный с Б-гом его предками в далекой Синайской пустыне. Мешало внутреннее понимание того, как должен жить достойный человек. Ему всегда претило предательство, и сложно было представить даже возможность такой двойной, лживой, несправедливой жизни. Он опять тяжело вздохнул. Неожиданная мысль пришла ему в голову: «Здесь нужно что-то оставить. Что-то ценное, чтобы когда-нибудь вернуться за ним.» Барух посмотрел налево, потом направо. Улица была совершенно пустынна в этот ранний час. Тогда он сдернул кожаную перчатку с левой руки, снял с безымянного пальца тяжелый золотой перстень с печаткой и, став на колено, глубоко засунул его в

песчаную подложку под крайний камень покрытия. Затем положил рядом другой камень из ближайшего штабеля и засыпал пространство между ними несколькими лопатами раствора. Теперь кольцо было надежно спрячено от людских глаз. «Надо каким-то образом отметить место», – решил Барух. Камень имел скол, поэтому на поверхности тротуара образовалось небольшое пространство, которое он заполнил раствором на всю глубину и разровнял деревянной лопатой. Затем наступил на свежий раствор кованой подошвой своего сапога и сильно нажал. На гладкой поверхности остался явственный отпечаток шипастой подошвы на низком каблуке с характерным иудейским знаком шестиконечной звезды, вырезанной на толстой обработанной коже «на счастье».

– Лежи здесь, – сказал Барух. – Я вернусь за тобой.

Для верности он посчитал ряды камней до ближайшего перекрестка. Кольцо лежало под семнадцатым рядом камней.

В этот день рабочие по какой-то причине уже не пришли. Да и на следующий день, в праздник, их тоже не было. А к третьему дню раствор затвердел настолько, что никто не обратил внимания на какой-то там отпечаток сапога между камнями. Так он и сохранился под ногами у всех, кто проходил по этой улице за последние 524 года.

5.

«Вот он, я гляжу на него. Я вернулся... Родовое предание: семнадцатый ряд и отпечаток с шестиконечной звездой, передавалось с тех пор из поколения в поколение, и в конце концов дошло до меня, – подумал Борис. – Не ради кольца, ради того, чтобы вернуться, ради памяти о потерянной родине. А кольцо? Что ж, пусть лежит. Теперь там его место.»

Опустившись на одно колено, как когда-то его далекий предок, Борис сфотографировал отпечаток на камеру айфона, поднялся и собрался уходить с улицы Bisbe (Епископской). Проходившая мимо группа англоязычных туристов, заинтересовавшись его действиями, тоже принялись фотографировать все вокруг.

Борис поднял голову. Впереди между домами висела ажурная Арка вздохов, далее улица выходила на площадь

Сант-Жауме, где напротив друг друга располагаются Дворец правительства Каталонии и мэрия Барселоны. Сзади остался Кафедральный собор Святого Креста и Святой Евлалии, построенный в готическом стиле.

– What is it?¹ – спросил один из англичан, указывая на теперь уже почти вечный отпечаток сапога на отполированной миллионами туристов мостовой.

– It is very long story², – ответил Борис, улыбнулся туристу и двинулся дальше.

Вокруг кипела и шумела многоязычная, разноцветная, многоликая толпа. «Вавилон или Иерусалим? Недаром ведь современные генетические исследования показывают в среднем до двадцати процентов семитских и до одиннадцати процентов арабских (мавританских) генов в каждом испанце. Не просто так прошли все эти переселения народов.»

Друзья ожидали Бориса на Королевской площади возле бульвара Рамбла. Следовало поспешить, и он направился туда.

6.

Более пяти столетий тому назад торопился и Барух. У него осталось еще одно очень важное дело, которое началось за 17 лет до описываемых событий – в 1475 году.

Это было, когда в Кастилии шла жестокая гражданская война и многие торговые пути и связи еврейских купцов из Жироны были нарушены. Тогда-то Барух и вспомнил о родственниках в Гранадском эмирате и восстановил с ними отношения. В Гранаде тоже было неспокойно, но войны не было. В огромном по средневековым понятиям городе проживало около 165-ти тысяч человек разных национальностей и религий. Еврейские купцы и торговцы имели там традиционно сильные позиции. Барух, тогда еще совсем молодой человек, полный сил и энергии, приехал в Гранаду и прожил там около полугода. Он полюбил этот прекрасный город и красивую девушку-мусульманку, увидев ее на базаре, когда она под бдительным присмотром матери покупала браслеты в лавке, которую он арендовал у своих

---

¹ Что это? (англ.)

² Это очень длинная история. (англ.)

родственников. Ее звали Зорайя – звезда Зари. Чувство было взаимным, но встречаться у влюбленных не было никакой возможности. Молодые люди обменивались записками через верных слуг и мечтали о побеге. Потом ее выдали замуж за богатого мусульманского купца, много старше ее, а он уехал обратно в Каталонию. Но что удивительно, связь не прервалась. Они передавали друг другу послания с торговыми караванами и были полностью в курсе событий, происходивших в их жизни.

Прошло десять лет. Зорайя родила своему мужу троих детей, а Барух женился, и жена принесла ему дочку. Потом муж Зорайи умер, и она стала управлять делами семьи самостоятельно, иногда прислушиваясь к советам Баруха. В 1485 году он опять приехал в Гранаду, и они наконец смогли встретиться без посторонних. С точки зрения обеих религиозных общин – это была преступная любовь. Если бы об этом стало известно, им обоим грозила бы жестокая казнь. Но так они прожили полгода и опять расстались. И вот сегодня уже она приехала в Барселону с одним из своих караванов и заранее послала ему об этом известие. Они могли встретиться перед разлукой, возможно в последний раз.

Встреча была страстной и печальной одновременно. Верные стражи привели женщину под черным покрывалом к нему в дом, они же доставили ее обратно в покои, которые он арендовал через доверенных лиц для Зорайи и ее сопровождающих. Конечно, она стала старше, но осталась такой же фантастически красивой.

– Мы уезжаем в Марокко, – сказала она Баруху в перерыве между жаркими объятиями. – А ты?

– Я тоже, вместе с семьей в Прованс. Туда еще можно. Что-то я сумел перевести, но дом, имущество – все это останется в Испании. Королевский эдикт не разрешает продавать недвижимость. Да и кому продать одновременно так много строений? Никаких денег не хватит, а кредиты теперь будет взять не у кого. Христианам не разрешается давать деньги в рост.

– Мы больше никогда не увидимся. Но память о тебе я сохраню и передам потомкам.

– Как знать? – ответил он. – Как знать, когда, где и

как встретимся мы или наши потомки. Одно я знаю точно – это не исчезнет. Соломон сказал, что «Птица в небе, змея на камне, мужчина в женщине оставляют невидимые следы».

7.

«Вот и все, – подумал Барух, поворачивая в замке тяжелый ключ. – Завтра, 9-го Ава 5252 года, мы будем уже далеко.» Он, жена Сара, взрослая дочь Мириам с мужем Давидом, и два его внука Барух и Эстер, – уезжали сегодня, сейчас. Уже вечером они взойдут на палубу корабля и, если не случится чего-то непредвиденного, дня через три-четыре будут в Марселе. Формально Прованс еще 11 лет назад включен в состав Французского королевства, но пока сохраняет значительную автономию в решении внутренних вопросов. По крайней мере, королевский указ 1394 года об изгнании евреев из Франции на территории Прованса не действует. «Пока не действует», – подумал Барух. Сейчас он был склонен к худшим предположениям, хотя и не мог знать, что это произойдет довольно скоро – 23 мая 1500 года.

Караван получился довольно большой – четыре повозки, 22 человека; с ними уходили также несколько семей его приказчиков и помощников. «Могут и ограбить в дороге», – подумал он. С завтрашнего дня евреи Испанского королевства уже не будут находиться под охраной закона. Соблазн для кое-кого слишком велик, поэтому Барух нанял охрану, а на корабле припрятано оружие. Заплатить пришлось дорого и за охрану, и за корабль, но все же на этих людей можно положиться – он знает их давно.

Все они из «новых христиан» – марранов. Решили остаться. Что ж, Б-г им судья. В конце концов, виновник и инициатор изгнания евреев Томас де Торквемада – Великий инквизитор и духовник королевы – тоже потомок крещеных евреев. «Как по слухам, король Фердинанд – католик», – мелькнула скрытая мысль.

Старший охраны подошел к нему.

– Барух, – сказал он, – может, все-таки передумаешь? Время еще есть. К вечеру будет поздно. Так ли уж все это важно? В душе останешься евреем, Б-г простит. Зато будешь продолжать жить спокойно.

– Фернан, – отозвался Барух, – спасибо тебе, но

решение принято. Да и не думаю я, что вам, новым христианам, дадут жить спокойно. Лучше уж так, как я.

Он вставил ногу в стремя и сел в седло. Печальная процессия тронулась. Тихо запричитали женщины, заплакали дети, насупились мужчины.

Неподалеку собралась небольшая группа соседей – «старых» и «новых» христиан.

– Возвращайтесь, – негромко крикнул кто-то.

Солнце приближалось к зениту, становилось все жарче. Остро пахло разогретой кожей и конским потом. Лошади тащили повозки, люди шли пешком. Маленьких детей несли на руках или подсаживали на повозки. Барух ехал впереди, охрана – пять вооруженных всадников сбоку и сзади каравана. Все затихло на палящем солнце, только поскрипывали оси колес. Внезапно из придорожных кустов на дорогу вышло несколько человек. Звякнуло железо. «Оборванцы, но вооружены», – подумал Барух.

– Денег! – крикнул тот, что был впереди. – Мы хотим ваших денег!

– Эдикт запрещает вывозить из страны золото, деньги и драгоценности, – громко ответил Барух и положил руку на рукоять меча.

Охрана подтянулась, мужчины подошли ближе к повозкам, где лежали топоры. Прикинув соотношение сил, грабители нехотя отступили на обочину, а люди и повозки медленно прошествовали мимо них.

– Надо же, – насмешливо крикнул кто-то сзади, – евреи, а с оружием. Может, останетесь, нам люди нужны!

Тридцать километров до побережья они одолели за десять часов, и больше никаких чрезвычайных событий не произошло.

Круглобокая каравелла «Сирена», покачиваясь на якоре, ждала их в условленном месте. Загорелый дочерна капитан Жорди, он же хозяин судна, встретил их на песчаном пляже.

– Двадцать два человека и имущество, – объявил Барух. – Начинайте грузиться, до утра мы должны отплыть.

А затем он поведал о грабителях на дороге. Жорди выглядел озабоченным.

– Барух, – сказал он, – лучше идти по ночам. Думаю,

вас не только на дороге поджидают.

Часа через два они уже отплыли. Мерно плескалась вода под бортом. Свежий ветер похлопывал парусами. А мужчины плакали, не утирая слез. Прощай, родной дом! Впереди все новое, все чужое.

Барух стоял на палубе и смотрел на еле различимую узкую полоску берега, медленно проплывающего перед ним. Капитан не уходил далеко в море, чтобы в случае опасности быстро спрятаться в одной из небольших бухт сильно изрезанного побережья.

Здесь, в пограничных водах, по сведениям капитана, собралась вся отбросы морского «братства»: алжирские и берберские пираты, вооруженные суда из прибрежных городов. Ведь где-то здесь могла присутствовать практически беззащитная и находящаяся вне всякого закона добыча – много судов с изгнанниками уходили в эту ночь от арагонского побережья.

«А вот Ицхак уходит завтра утром на одной из каравелл экспедиции Кристобаля Колона, – подумал Барух. – Сегодня же 9 Ава, день скорби, и нельзя начинать дело, если желаешь удачи. Вот адмирал и отложил отплытие до утра. Значит, хорошо его учили родители тайному знанию...»

Младший брат Ицхак недавно заезжал к Баруху прощаться. Тоже стал марраном, принял католичество. «Уж как там в душе – непонятно, но внешне новый христианин. Уходит в море искать Землю Обетованную. Увидимся ли еще?»

Пока все складывалось хорошо, ночь была темная, небольшие тучи периодически закрывали луну. Огни на каравелле не зажигали – капитан хорошо знал путь, не раз перевозил товары Баруха и К°.

Но вдруг мелькнуло несколько косых парусов, и капитан еще теснее прижался к берегу.

– Пираты, – негромко сказал он. – Нужно спрятаться. – И повернувшись к Баруху, добавил: – Вооружай людей.

Через несколько минут восемь мужчин-пассажиров и четыре члена команды, разобрав арбалеты, мечи, топоры и алебарды, цепочкой разместились вдоль бортов. К счастью, их корабль не заметили в ночи, но спать уже не пришлось.

Утро беглецы встретили в безлюдной бухте, вне территории испанского королевства, замаскировав каравеллу за

высокой скалой. Да, на этот раз пронесло. «Что ж, хоть что-то доброе от судьбы, – подумал Барух. – А то отъезд вполне мог бы закончиться на африканском невольничьем рынке.»

Купец и банкир, он сумел перевести часть средств в Прованс, Венецию, Неаполь, но многое, очень многое пропало. Главное, он везет с собой семью и ключ от родного дома. Значит, когда-нибудь вернется. В Провансе евреи всегда пользовались большими правами, и к ним неплохо относились. Князья Тулузские и другие местные феодалы охотно брали евреев на службу. Среди альбигойцев в прежние времена встречались иудействующие секты пассагии (пасхальники) и циркумцизи (обрезанные), которые отрицали божественность Христа и чтити Ветхий Завет. Это сказывалось положительно. Правда, после Альбигойских войн 1209–1229 гг. все изменилось. Сейчас уже трудно предсказать, как сложатся обстоятельства.

...В конце пути за ними увязалась странная галера под неизвестным флагом.

– Наверное, мальтийцы, – сказал Жорди. – Но от этого не легче.

Ветер крепчал, они поставили все паруса, и на четвертые сутки плаванья «Сирена» вошла в порт Марселя.

8.

«Неисповедимы пути Господни, – сказал себе уже другой Борис в 2015 году, проходя по темной площади к стенам старого собора. – Как говорится в притчах Соломоновых, ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи. Мой предок Барух Халеви сел на корабль и вместе с семьей отбыл в Прованс, унося с собой ключ от родного дома. Большой бронзовый фигурный ключ более четырех столетий хранился в семьях его потомков, переезжающих из страны в страну через войны, изгнания, погромы, религиозные преследования и революции, и пропал в Одессе во Вторую мировую войну, когда отец был на фронте, мама в эвакуации, а бабушка была убита оккупантами.»

Неделю назад Борис съездил в Жирону по скоростному европейскому шоссе. Что такое сейчас 100 километров? – один час пути. Старый город прекрасно сохранился. Огромный католический собор, а рядом бывший еврейский

квартал. Музей иудаики, магазины, только евреев уже нет. Ну, почти нет. Борис походил вдоль старинных домов и попытался представить их – сотни и тысячи мужчин, женщин, детей, молодых, зрелых, стариков, четырнадцать веков живших в этом городе и уехавших в один день.

Он мысленно вернулся в XV век. Итак, Барух Халеви с семьей поселился в Провансе, но смог прожить там только до 1500 года. Потом новое изгнание. Затем уже в новых поколениях – Германия, Австрия, Польша, Украина. Известно, что прожил тот самый Барух Халеви долгую и, судя по всему, очень беспокойную жизнь, писал стихи на испанском языке и передал потомкам вечную любовь к далекой солнечной стране и прекрасной женщине. В 1787 году, когда очередной Барух Халеви с семьей проживал в Австрии, император Иосиф II издал закон, по которому все евреи империи обязаны были принять наследственные фамилии вместо родовых и утвердить их у местных чиновников. Им пришлось сменить фамилию на немецкую, выкупив право носить «благородную» фамилию своего арендодателя. Потому все последующие носители этой фамилии, означающей на старонемецком «блистающий камень», которые проживали в разных краях, по всей видимости являются близкими и дальними родственниками. Тем не менее, память об Испании сохранилась в виде семейных преданий, передаваемых из поколения в поколение в течение бесконечно долгих 524-х лет.

Борис вспомнил одно из стихотворений, написанных известным русским поэтом, его современником, уже ушедшим от нас в 2008 году, Анатолием Преловским:

Зажгли огни на мачтах корабли...
«Бежать! Менять темницу на скитанья,
чтоб заслужить у неродной земли
почет, любовь, свободу, пропитанье?
Так! Проскользнуть секретно на фелюгу
и в Турции какой-нибудь сойти?
Но перед тем – поцеловать подругу,
ей и отчизне прошептать: «прости»?
Подруга-то простит, а это горе

замучит ностальгией... Боже мой,
чужое небо, и чужое море,
и тысячи дорог. Но не домой!..

«И вот теперь круг замкнулся, – подумал Борис, – по крайней мере малый круг». Он подошел еще ближе к собору. Что-то беспокоило его. Он обошел собор слева и неожиданно встретил его – дона Луиса... Да, да, того самого дона Луиса, с которым беседовал и вел дела Барух Халеви в далеком 1492 году. Его барельеф был вырезан в натуральную величину на мраморной плите и установлен у стены собора с правой стороны. Рядом находились небольшие информационные щиты с биографией и перечислением заслуг на английском, испанском и каталонском языках. Как следовало из текста, памятник был установлен здесь в 1975 году в честь тысячелетия присвоения городу его современного названия. Все совпадало, это был он. Оказывается, прожил дон Луис очень долгую жизнь, а в последние годы руководил здесь приходом, поскольку был родом именно из этого города. Про Баруха Халеви там ничего не говорилось. «Да это и неудивительно, – улыбнулся Борис. – Главное, что мы все-таки еще раз встретились, дон Луис! А прекрасную женщину, любовь, мы – потомки Баруха Халеви, благодаря памяти предков, встречаем в каждом поколении.»

9.

Борис обошел собор. Вход оказался с обратной стороны. Нужно было пройти через небольшой дворик, мощеный камнем. Борис открыл массивную дверь, обитую кованым железом. Шла вечерняя месса, и он присел на край последней деревянной скамьи. Минут через пятнадцать все завершилось, и Борис собрался уходить. Но тут к нему подошел католический священник – доминиканец – сухонький седовласый и, вопросительно посмотрев, что-то быстро спросил на каталонском языке.

– I'm sorry, – ответил Борис, – I speak English only. – И добавил: – As yet¹.

---

¹ Я говорю только по-английски... Пока. (англ.)

Священник перешел на английский, и они поговорили.

– Что вы делаете здесь? Отдыхаете или приехали жить? Вы здесь в первый раз?

– Я – да, но предки когда-то здесь жили. Вот поэтому и приехал.

– Наверное, при Франко уехали, перед Второй мировой войной?

– Да нет, гораздо раньше.

– Когда раньше?

– 524 года назад, из Жироны.

– Понятно, – ответил священник, – но мы уже сильно изменились с тех пор, да и вы, вероятно, тоже. Тут на стенде наша газета – почитайте. И вообще приходите.

С тем и разошлись, и Борис направился пить кофе в ресторанчик, унося с собой доминиканскую газету, где описывалось, как много добрых дел совершают в настоящее время члены доминиканского ордена.

Вернувшись домой через пару часов, Борис присел на диван и задумался. «Действительно, так много времени прошло, изменились обстоятельства, но меняется ли человек, его судьба...»

Он взял ручку и стопку бумаги. Полумрак сгустился вокруг него. Казалось, здесь незримо присутствуют все они: двадцать одно поколение со дня изгнания из Испании, еще пятьдесят три – со времени изгнания из Палестины после разрушения Храма, и столько же от Исхода. Все они были здесь. Первые строчки ложились на бумагу медленно, потом пошло легче:

Уходит род, приходит род, а ты в пути всегда.

Покая нет, таков удел, а впереди звезда.

Ушел, забыл, но воплотил безликое в мечту:

Дойду до цели, прикоснусь и снова в пустоту.

Пусть так решил всемогущий рок, но ты лишь человек.

И нет прощения тебе тогда, сейчас, вовек.

Где ж та земля, что ждет тебя?

Где твой конец пути?

Спешить, увидеть свет в ночи, опять идти, идти.

Дороги край, не близок он. Пусть так, но план рожден:
Успеть дойти к нему как раз к скончанию времен.

Он прочитал написанное. Тьма отступила, и нужно
было жить дальше...

Алекс Манфиш

Презанимательные изыскания

Посвящается любителям «новой хронологии», согласно которой Батый – «батьа», Эхнатон – Моисей (и к тому же внук Иосифа), Рим, Иерусалим, Александрия и Караван-Сарай – одно и то же, а античная литература создана в Академии Козимо Медичи. И приверженцам частично перекликающихся с нею идей о том, что русские – это этруски, Брама – Абрам, а Одиссей – Садко.

Глава 1

Жил-был фараон. Правил Египтом и примыкающими землями. Мирно правил, без особых там приключений.

Состоял этот самый фараон в презаконнейшем браке, и ждали они с женой дитяти. Вот уж и началось. Супруга на ложе царском, повитухи близ нее хлопочут. Муж, давно мечтавший стать отцом, в ближайшем покое. Места себе не находит: то в окошко глядит – на пирамиды эти самые, – то слугу кличет, чтоб винца живо сообразил: ждать ведь – дело томительное, так буду же хоть навеселе, чтобы скрасить процесс... Слышит – стоны... да, схватки, ну что поделать... да хоть бы уж скорей! Молоденькая повитушка выбежала... – Ну, что там? – быстро спросил он. – Ах, ваше величество, думаем, что скоро, но еще некоторое время понадобится... я вот ей, ее величеству то бишь, ананасного соку выжать иду, он сладенький, в самый раз...

Потом еще парочку раз прошмыгнули девушки туда-сюда. – Уж мы, ваше величество, так понимаем ваши чувства, изо всех сил стараемся...

И вот наконец, когда совсем уж он извелся, слыша то и дело крики боли и шепча «Ну когда же?...» – раздался младенческий плач, открылась золоченая дверь, и главная повитуха, сияя, доложила ему: – Все, ваше величество! Сынок у вас! Здоровенький, да хорошенький – не наглядеться! А ее величество, женушка ваша, просит вас пожаловать да глянуть, ну, а потом соснуть бы ей от трудов да тягот...

Подскочил фараон от радости – и закричал: «ТУТ ОХЛАМОН!» Имелось в виду – младенец уже здесь, в сем мире, уже изволил покинуть чрево... Побежал он к жене, расцеловал ее и сынка в пеленках, а она ему говорит:

– Слушай, мне так понравилось то, что ты сейчас крикнул; давай-ка, может, так его и назовем, а?

– А что я крикнул-то? – удивленно спросил счастливый отец. Он уже и забыл собственное восклицание.

– Да вот это самое «ТУТ ОХЛАМОН». Просто, душевно, красиво. Чем не имя? К тому же отражает, так сказать, родительские чувствования вкупе с текущей ситуацией.

– А, вот что ты имеешь в виду, – сказал фараон, слегка позавидовав – впрочем, белой завистью, – ее умению формулировать. «Но я же сам хотел умную жену», подумал он вслед за этим. – Хорошо, дорогая, пусть так и будет. Возглас мой – обоснование твое. Так и назовем.

Вот так и явился на свет наследник престола и будущий фараон ТУТАНХАМОН.

Глава 2

Вырос Тутанхамон, стал царствовать. В свой срок обзавелся женой, а она родила ему первым делом красавицу-дочку. Такую красавицу, что потом, когда она уже была совсем взрослой, с нее и бюсты лепили, и портреты писали.

Но это все происходило много позже и не с подачи самого Тутанхамона. Сам он очень любил скромность и терпеть не мог похвалы. И эти свои настроения он вложил в имя, которое пожелал дать своей старшей дочери. Имя это было призывом и ей, и всему остальному его потомству. «НЕ ФЕРТИТЕ».

Ее выдали замуж за человека одаренного, блиставшего полетом мысли и склонного к религиозным экстазам. Он тоже со временем стал царем. Достоинств у него было много, но окружающим казалось, что в их число не входила любезная его тестю скромность. Придворные то и дело шептались друг другу: наш государь, супруг прекрасной дочери Тутанхамона, считает, что является сыном РА. То есть

солнца.

Но деле же молодой фараон на солнечное сыновство совершенно не притязал. У него, правда, была своя фишка – это у людей с пылким воображением случается, – но совсем другая. Он с юности мечтал стать вольным казаком. И так хотелось его царскому величеству лететь среди ковылей, вздымая саблю, на степном коне, что оно (величество) то и дело глубокой ночью вскрикивало во сне «ЭХ, НА ДОН!» И это восклицание, чуток модифицированное, стало его прозвищем.

И мечта его, представьте, сбылась. Ему удалось сплотить вокруг себя целый отряд сподвижников и двинуться в те самые раздольные степи в поисках казацкой славы. И он сподобился ее, но под иным именем. Тут-то мы и начинаем понимать, что он был действительно сыном РА, но не солнца – это ошибка. Нет, он был сыном великой русской реки Волги, она же Ра. Народным творчеством зафиксировано его признание: «Волга, Волга, мать родная!..» Вот к кому стремился он из далекого Египта! Этот человек известен нам как тот самый РАЗИН – «РА СЫН».

Ну, а что же насчет жены? Ее – свою Нефертитю, – он взял с собой в поход, поскольку искренне любил и полагал, что без нее заскучает. Но взять-то взял, а вот поладить они в полевых – или, скажем, степных, – условиях, – не сумели. И, поскольку под рукой была родная мама – Волга, – наш царь-атаман сдал супругу прямо на руки свекрови, сказав: «Мам, а мам? Ты ее это... образумь, воспитай, чтобы она мне не перечила и от дела не отвлекала.»

В упомянутое нами народное творчество, правда, вкралась неточность, поскольку красавица именуется персианкой. Почему, спрашивается? Дело в том, что у нее очень уж красивые (а по-египетски – «нефер») ПЕРСИ были. А коли по-простому, так ТИТИ. Вот откуда ошибочка.

Так, безупречно логично, возвращаем мы в лоно родного языка самые замысловатые чужеземные имена.

Глава 3

А теперь речь у нас пойдет о самом романтическом из героев – о Дон-Жуане.

И сразу – вопрос: а почему Жуан? Если он испанец, то это «Ж»... оно не то чтобы неспроста, оно выдает чью-то злокозненную попытку национализировать великий образ... Кто же тут постарался – французы? Или португальцы? По всем канонам должно быть не «Ж», а «Х». ХУАН.

Так, а сейчас, в свете того, что нам об этом человеке известно, подумаем: а на каком языке данное имя является наиболее, так сказать, «говорящим», отражает то поприще, на коем он сумел прославиться в веках?

Ответ однозначен: конечно, на русском языке. Стоит произвести маленькую замену – вместо первой буквы алфавита подставить последнюю, – и имя, зазвучав естественно, так же как знакомое нам всем с детства «буян», раскроет сущность персонажа, основной профиль его деятельности. Разве не так?

А при чем тут вообще Испания, каким она к нему боком? А никаким, и нечего ее припутывать. Ее именем по недоразумению названа совсем другая страна. Дальневосточная. Это становится очевидным, если прочесть (книга Н. Ходаковского «Третий Рим», введение), что «...Фоменко утверждает наирадикальнейшую версию русоцентризма и евразиянизма, доказывая, что Испания и Китай – это одно и то же государство...» Фоменко доказал сие тождество академически, хотя надо отметить, что впервые эта мысль была высказана Аксентием Ивановичем Поприциным тридцатого февраля 18.. года.

Вот как было дело. Наш герой в некий период своей жизни, ощутив разочарованность и скуку, произнес сакраментальную фразу: «Нет мне дела до тонкой рябины – я податься решил в хунвейбины» – и умотал в Китай. Именно там его память надлежащим образом увековечена в названии полноводной реки ХУАНХэ. В этой связи надо отметить, что некоторые склонны считать его белорусом, ибо вторая поименованная в его честь река носит название ЯНцзы.

И совершенно очевидно, что именно там он подвигался основную часть жизни. Ибо разве может самый

многочисленный народ в мире не происходит от самого любвеобильного мужчины?

Косвенно же наш дон Хуан является прародителем также народов Американского континента. Ведь именно с дальневосточными землями этот континент почти смыкается, оттуда-то он и был заселен. Именно от двух могучих китайских жизненных начал – инь и ян, – берут свой исток две великие нации Нового Света: инки и янки.

Глава 4

Оставшись на некоторое время на Дальнем Востоке, вслушаемся трепетно и вдумчиво в экзотическую лексику этих краев. И приоткроется сокровенное, и мы сумеем объяснить на родном наречии то, что звучало для нас столь таинственно.

Вот, например, Будда. Почему он, спрашивается, Гаутама? Что бы это значило? А очень просто. Он Гау-ТАМА, потому что он уже окончательно и бесповоротно «тама» – в нирване, – а не «здесь» и даже не «тута». Он в это самое «тама» сумел переселиться первый, поэтому в имени и акцентируется его местонахождение.

Или возьмем самураев. Кто он такой – самурай? Как бы это осмыслить? И опять же, славянская речь дает нам желанный ключ. Самурай – они чем прославились? Правильно, хакирями. Вот мы все и поняли. Делим слово на три части. САМ – У – РАЙ. Если прочесть по-украински или по-белорусски, все исчерпывающе ясно. Сам себя отправляет человек в рай.

Глава 5

А теперь совершим крутой вираж из далеких и мало-знакомых пределов и раскроем библейскую книгу Бытия. Перед нами удивительная история Иосифа. Проданного, томившегося долгие годы в неволе, в конечном же счете блистательно возвысившегося. Но постойте... а что же она напоминает? Эврика! Все ясно. Иосиф – это... это Эдмон

Дантес.

Сомневаетесь? Ну что ж, сопоставим варианты биографии. Цветущую юность нашему герою сломали завистники: по версии «Иосиф» в 17 лет, по версии «Дантес» в 19 (мелочи жизни, неточность переписчика)... Матери нет ни в одном из имеющихся изложений – только отец, который, согласно Дюма, умер от голода; но и по более оптимистическому библейскому варианту голод его тоже допекал, ведь он послал сыновей в Египет купить зерна... Попал юноша в неволю и чалился то ли 13 лет (от колодца до истолкования фараоновых снов), то ли 14, но расхождение тут, согласитесь, минимальное. Общался он в это время, по одному сюжету, с ПоТиФАРом, по-другому – с аББаГом ФАРиа. Даже невооруженному и малоопытному глазу просматривается некий «батя Фар». Пострадал наш герой, по Дюма, из-за девушки с именем, звучащим вполне по-египетски (а что, не похоже? «Мер-Се-Дес»); ну, и по Библии у Иосифа тоже есть своя шершеляфам. Далее – возвышение. По варианту «Иосиф» герой становится вторым после фараона, по варианту «Дантес» – сногшибательным графом. Переименование. Ослепительное могущество. И по обеим версиям он вершит суд над своими обидчиками, и раскрывает им свое подлинное имя... Причем и там, и тут ему в это время аккурат за сорок.

Да еще, кстати, и корабль, на котором Эдмон должен был стать капитаном, называется «Фараон»: явный египетский след. И жара в этом дантесовском Марселе такая, что форменный Египет, как же иначе...

Вот, стало быть, и установили мы еще одно тщательно скрываемое донныне тождество.

Глава 6

И напоследок вспомним вновь прекрасную царицу Нефертити. Когда-то ездил я в Париж и в гостиничном номере увидел по телевизору отрывок фэнтезийного фильма. Не очень понимая диалоги, основное все же уловил. Древнеегипетская красавица попала в наше время, и в том фрагменте, который мне удалось ухватить, где-то, кажется,

пряталась, – но, в отличие от Ивана Васильевича за детской коляской, была уже не одна, а с неким одетым по-современному молодым человеком.

По мотивам сего – сложилось вот это:

Мы решили – думать нечего,
Поступили опрометчиво.
Я играл тугими косами,
А потом полез с вопросами.
«Кто ж такая ты, сердешная, –
Иностранка или здешняя?
Крановщица или обмотчица,
Или, может, пулеметчица?»
А она в ответ с подколкою:
«Не была я комсомолкою,
Не была ни медалисткою,
Ни швеею-мотористкою.
И при чем тут моя нация?
Я ж твоя галлюцинация.
Я под пестрою хламидою
Сплю давно под пирамидою,
А когда была я дитею,
Меня звали Нефертитею»,

И подумал я, мальчишечка,
Что, наверно, едет крышечка:
Не из наших ведь времен она –
Нефертить Тутанхамоновна.
Этот факт не знает жалости,
А виновны в этой шалости
Не компьютерные вирусы,
А музейные папирусы.

Спасибо за внимание.

Ольга Любарская

Двор

Одноактная пьеса

Два дома. Для одного из них идет война, для другого – нет. Что-то произошло непоправимое: то, что для жильцов одного дома остается простым выбиванием ковров, для другого превращается в бомбежку.

Дом бомбежников. Пока все ясно и просто. Три часа дня. Солнце. Ярко. Над домом витает Голос, остервеневший в своей безмятежности.

Голос. Граждане, войны не будет, войны не будет!
Над домом бомбоотвод. Спокойно. Над домом бомбоотвод!

Через несколько минут Голос начинает новую речь.

Голос. Граждане! Запирайте все подъезды! Просьба не выходить из домов! Просьба закрыть окна и не выходить на балконы! Просьба не волноваться!

Квартира на первом этаже. Одна комната, коридор, кухня, совмещенный санузел. Несмотря на день, в кухне включен свет: квартира темная.

В кухне двое – Ия и Вив. Они у нее: Вив в гостях.

От их тел иногда отделяются прозрачные двойники со странными именами – Лирсавия и Ђрвий, их диалог тогда совсем другой.

Ия. Иди в комнату!

Вив. Ты слышишь?.. Слушай!

Ия. Ну иди, иди. Не пугайся.

Вив. Ия, что это? Это правда?

Ия. Чтó правда? *(Всматривается в него)* А-а...

Война.

Вив. Ия! Они же говорят, что войны не будет!

Ия. Иди в комнату.

Вив. Я... Я останусь с тобой... – я помогу.

Ия подходит, кладет руку ему на плечо, другой гладит по щеке.

Ия. Не надо бояться. Успокойся... Вот так... Хорошо. Умница.

Вив. Иечка!

Ия. Ну ладно, посиди со мной. Сейчас закипит.

Вив. Ты правда не боишься?

Ия (*улыбается*). Ничего страшного.

Вив. Как это дико!

Ия. Да нет, совсем по-домашнему.

Вив. Кипит.

Ия. Сейчас выключу (*выключает чайник*). Ну что, попьем чайку?

Вив. Давай не надо! Это для меня пытка! Он у меня в горле застрянет.

Ия. А мне охота согреться... Ну, посиди рядом.

Наливает чай, из кухонного столика извлекает варенье; чуть морщась, рассматривает на свет баночку и начинает пить. Стол как раз возле окна.

Ия. Посмотри, что-то зеленое в окне.

Голос. Граждане! Бомбежка! Всем потушить свет! Спокойно... Бомбежка! Спокойно... Бомбежка!

Вив (*дрожащим голосом*). В доме бомбоотводы!..

Ия. Туши свет!

Вив дрожит, не может сдвинуться с места. Ия встает с табурета и быстро гасит свет.

Вдруг зеленое в окне разгорается ярче. Грохот. Дрожат стекла. Вив и Ия падают на пол.

Проходит время. Ия открывает глаза, потирает локоть и садится на полу возле Вива. Склоняется. Кладет руку ему на лоб.

Вив скрючился.

Ия (*осторожно*). Вставай, а, Вив... (*Легонько проводит пальцами по его щеке.*)

Вив кусает ее за руку. Ия вскрикивает, затем нежно гладит Вива по голове.

Ия. Ну вставай же, мальчик!..

Вив цепляется ей в волосы. Ия осторожно старается разжать ему пальцы, но он дергает с особенной злостью.

Ия ударяет его по лицу. Вив отпускает волосы и истерически плачет.

Ия обнимает его.

Ия. Все хорошо, все прошло, все хорошо.

Голос. Спокойно... Бомбежка! Спокойно... Бомбежка!

В окне вспыхивает красный свет. Ия прижимает к себе Вива. Бомбежка на этот раз легкая.

Голос. Граждане! Внимание! Можете включить свет! На сегодня война окончена. Приятного вам отдыха. Через десять минут отпираются подъезды. Вход и выход свободный.

Вив дрожит, прижимается к Ие.

Ия. Все.

Вив (*приходя в себя*). Господи! Что же это такое?

Ия. Счас узнаем. Ой, кто-то подошел к окну. (*Раскрывает окно.*) Здравствуйте! Вы кого-то ищете?

Человек. Я из дома напротив. Говорят, у вас что-то было?

Ия. У нас? Бомбежка! Но разве?..

Человек. Да, я это слышу уже от третьего человека. Не могут же все трое быть сумасшедшими!

Ия. А у вас, что... не было?

Человек. Да Бог с вами! Я ковры выбивал во дворе.

Ия. Но там же взорвались бомбы. Два раза!

Человек. Какие бомбы? Говорю же, я ковры

выбивал. Вон, видите? – На том турнике.

Вив. Но не может быть. Так было страшно! Мы с Ией чуть не умерли.

Человек. Хм... Пойду еще поспрашиваю. Что-то здесь не то. *(Уходит.)*

Ия *(Виву)*. Я знаю!

Свет меняется.

Ия, но одетая совсем по-другому и изломанно-прозрачная. Вив, но в черном цирковом трико... Пронзительным голосом, как бы вдруг узнавая.

Вив. Лирсавия! *(Протягивает к ней руки.)*

Ия *(голос глуше)*. Орвий! *(Падает.)*

Орвий. Лирсавия! *(Но продолжает стоять, не сдвигаясь с места. Руки медленно опускаются.)*

Лирсавия *(В прозрачном диалоге она жалуется и стонет)*. Я разбомбленная... О-о... Совсем не могу встать... Не знаю как... Помогите!..

Орвий *(Не наклоняясь к ней, а чуть отступая)*. А мне ничего! Да... Странно, а мне ничего.

Лирсавия *(плачет)*. Зеленая бомба... привязалась ко мне, как комар... Не могу отогнать...

Орвий молчит и отчужденно смотрит.

Как же тебе хорошо! Вокруг тебя не витает...

Орвий-Вив *(мгновенно меняется одежда на прежнюю; отстраненно и холодно)*. Я же из другого дома.

Вдруг, как бы заново узнавая (одежда снова меняется), тянет к ней руки.

Лирсавия!

Опять все как обычно.

Ия. Я знаю *(усмехается)*.

Вив. Ну что?

Ия. То, что всегда.

Вив. Что?

Ия. Ох, только и всего... Не бойся, Вив! Все будет в порядке.

Вив. Что ты знаешь? А?

Ия. Вив! Бомбежка только для нашего дома. Для других – выбивание ковров, и только. Понимаешь? Так бывает всегда...

Вив (*почему-то с надеждой*). А для кого? А?

Ия. Вив! Не бойся! Ты же у меня в гостях. Ты живешь в безопасном доме. Бомбежка только для меня.

Вив. Откуда ты знаешь?

Ия (*берет его за руку*). Не бойся. Я говорю правду. Для тебя это абсолютно безопасно. Как выбивание ковров.

Вив. Правда? (*С сумасшедшей радостью*) Ну, слава Богу! (*Спохватившись*) Ох, я не то хотел... Ия! Но для тебя?.. Ведь я же с тобой. Ничего не будет! Не бойся!

Ия (*устало*). И не думаю. Чего мне? Ну все, садись. Я чайник подогрею... Потрогай!

Вив не двигается. Ия сама трогает чайник.

Да, холодный. (*Зажигает спичку и ставит чайник на огонь.*)

Вив. Ты храбрая.

Ия. Как ты меня не знаешь...

Вив (*с некоторым укором, который Ия улавливает*). Храбрая.

Ия. О-о!.. (*Отрицательно качает головой.*)

Вив. Ия! Пойдем лучше ко мне домой!

Ия. Иди... Если хочешь... (*Сникает*).

Вив. Идем!

Ия. Бесполезно. Разве ты не видишь?

Вив. Ну почему?

Ия. Потому что это моя зеленая бомбочка, персональная.

Вив. Твоя? Почему?

Ия (*пожимает плечами, улыбается*). Наверное, она мне к лицу.

Вив отрицательно качает головой.

Ия. Это не деликатно. Мог бы и подтвердить, что к лицу.

Вив (*осмелев*). Нет, тебе плохо в зеленом.

Ия. Дело не в цвете.

Вив. Ия! Ну идем ко мне!

Ия. Не поможет. Я родилась с бомбой внутри.

Вив. Ия!

Ия (*шепотом, поправляя его, меняясь*). Лир-са-вия...

Меняется и свет.

Вив (*кричит, протягивая к ней руки*). Лирсавия!

Ия. Все... Распад, Орвий!.. Рас-пад.

Грохот. Взрывы. За окном красный, зеленый, черный, серый.

1985 год

Элизабета Левин

Чему нас может научить темпорология (наука о времени)?

По следам цикла лекций 2022 года.

<https://www.youtube.com/c/ElizabethaLevin>
<https://celestialtwins.wixsite.com/alleviazia>

*История – мост между наукой и искусством.
Николаус Реймерс Бэр (1551–1600)*

*Весь мир – это очень узкий мост.
Рабби Нахман из Брацлава (1772–1810)*

Всю свою сознательную жизнь я навожу мосты.

Еще ребенком я старалась наводить мосты между родителями, чтобы у них не возникало ссор или разногласий. Затем я училась быть посредником между ними и их родителями, моими бабушками и дедушками. Так в узких семейных рамках я пыталась наводить мосты между поколениями.

Годы шли, и в первой своей книге я описала явление, названное впоследствии Эффектом сестелиальных близнецов. Этот эффект показывает, что люди, родившиеся одновременно (с разницей, не превышающей 48 часов) и названные сестелиальными близнецами, могут при определенных обстоятельствах поражать общностью врожденных склонностей и сходством жизненных путей. Благодаря этому эффекту наметилось наведение ряда дополнительных мостов. Во-первых, мост между мужскими и женскими началами, так как вне зависимости от пола известных сестелиальных близнецов они демонстрировали необычайное сходство судеб и добивались успехов в смежных областях. Во-вторых, мост между представителями различных народов и стран, так как вне зависимости от места рождения известных сестелиальных близнецов их жизнеописания не переставали волновать воображение значительным числом параллелей.

Затем последовали годы написания книги «Часы Феникса», показавшей, что раз в 493 года (так называемый

год Феникса), по всей Земле рождаются поколения пассионариев, способных изменять парадигмы. Помимо многовекового моста длиной в год Феникса, эта книга помогала наводить мосты между физиками и лириками, между рациональным философским мышлением и поэтическим воображением. По одну сторону моста располагалась современная наука, позволявшая устанавливать положение начальных точек отсчета каждого года Феникса и вычислять его длительность. По другую сторону моста собирались поэты-пассионарии, наделенные редким даром вдохновлять людей и вести их за собой образными речами и страстными словами. К примеру, начало отсчета (так называемый час Феникса) в наши дни пришлось на период с 1885 по 1900 годы. Марина Цветаева, рожденная в этот час Феникса, обращалась к людям с пламенными восклицаниями:

*Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю – и горю дотла!
И да будет вам ночь – светла!*

В наведениях мостов между учеными и поэтами во многом мне помогали идеи одного из отцов современной науки Рене Декарта (1596–1650), писавшего:

«Может показаться удивительным, что великие мысли чаще встречаются в произведениях поэтов, чем в трудах философов. Это потому, что поэты пишут, движимые вдохновением, исходящим из воображения. Зародыши знания имеются в нас наподобие Огня в кремне. Философы культивируют их с помощью разума, поэты же разжигают их посредством воображения, так что они воспламеняются скорее.»

В качестве первого ученого, занимавшегося систематическим изучением «страстей» (так прежде назывались любые эмоции), Декарт стал также одним из моих проводников в область изучений человеческих чувств. Моя следующая книга *Картография эмоций*

подводила итоги пятилетней экспериментальной программы, посвященной изучению связей между различиями в эмоциональной окраске мировосприятия людей и четырьмя стихиями. По мнению античных и средневековых философов именно эти стихии – Огонь, Земля, Воздух и Вода – были абстрактными первоэлементами, из которых все сущее сотворено. Вкратце можно упрощенно представить выводы этой исследовательской программы словами выдающегося мыслителя, математика и поэта Авраама Ибн Эзры (1089–1164):

*Из четырех стихий
Все сущее сотворено.
Свидетельством тому
Будут наши сердца.*

Действительно, меткая метафора Ибн Эзры, предполагавшая, что именно «сердце» как прообраз эмоций, позволяет нам различать между свойствами стихий, нашла свое подтверждение в сухой статистике результатов опроса наших современников.

Как оказалось, прав был и Данте Алигьери (1265–1321) в своем предположении, что

*Различие свойств различьем рождено
Существенных начал [т. е. стихий].*

Картография эмоций наглядно показала, что различия в стихиях, в частности, проявляются в различиях между чувствами людей. В зависимости от доминирования разных стихий в момент рождения человека его представления об эмоциях складываются по-разному. Такой вывод привел к новой потребности учиться наводить мосты между стихиями и между людьми с различным их преобладанием. Более того, родилась и потребность наводить мосты между

эмоциями, поэзией и метафорами, которыми люди выражают свои чувства. В этом помогали мне также взгляды Аристотеля, писавшего в своей *Поэтике*:

«Поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история – частное. Но особенно важно быть искусным в метафорах, так как только одного этого нельзя позаимствовать у других, и эта способность служит признаком таланта. Ведь создавать хорошие метафоры – значит, подмечать сходство.»

Важность создания не только новых метафор, но и новых языков отмечалась и современными учеными. Как писал лауреат Нобелевской премии по химии Илья Пригожин, в наши дни наука в целом становится все более нарративной, а мир богаче, чем можно выразить на любом языке. К такому же выводу приходят и новые, только зарождающиеся науки, такие как темпорология и археоастрономия, оперирующие дополнительным языком, помогающим в изучении истории мира.

В некотором смысле точнее было бы сказать, что темпорология – это не зарождающаяся, а возрождающаяся наука. К ее первопроходцам относится, например, выдающийся мыслитель, математик и ученый Авраам Бар-Хия (1065–1136). В своем знаменитом трактате *Мегилат а-Мегаде* (*Свиток откровения*) он предпринял попытку параллельно интерпретировать историю еврейской культуры и человечества, опираясь при этом на анализ научных данных, включавших расчеты соединений Сатурна и Юпитера (явление, при котором эти планеты наблюдаются на том же градусе эклиптики). Начиная с рождения Моисея и вплоть до XII века, Бар-Хия показал соответствие между такими соединениями, историей иудаизма и универсальной историей. В результате он также представил футурологический взгляд на мировую историю, начиная с его дней до середины XV века. С тех пор использование соединений Сатурна-Юпитера в качестве мировых часов привлекало внимание многих выдающихся ученых, таких как Авраам Ибн Эзра, Ралбаг (1288–1344) и Иоганн Кеплер (1571–1630).

Ранее я писала, что, подобно языкам программирования, темпорология – это универсальный инструмент для

хранения, сортировки, организации и обработки данных, позволяющий наглядно отобразить длительные процессы в виде компактных символов, таблиц и диаграмм. По мере моего знакомства с рассмотрением исторических процессов все четче обрисовывалась возможность того, что современная темпорология – это не только единственный доступный нам сегодня язык и математический аппарат, позволяющий составлять календари и хронологически упорядочивать события прошлого, но и индикатор межличностных взаимоотношений и исторических тенденций.

Приблизительно на этой стадии моих 30-летних исследований в темпорологии в мае 2021 года мне было предложено провести обзорную лекцию, в которой я попыталась бы представить темпорологические закономерности трех предыдущих тысячелетий мировой истории. Выстраивая эту лекцию, я продолжила анализ истории в духе и традициях работ Бар-Хия и Ибн Эзры. Так для меня началось наведение мостов между положениями двух отдаленных планет Сатурна и Юпитера и основными характеристиками соответствующих поколений. При этом по одну сторону моста стояли астрономические вычисления относительных положений планет, а по другую – «дух времени» (*Zeitgeist*), характерный для сопутствующих им поколений, а также основные вехи в истории иудаизма. Добавлю, что этапы развития иудаизма представляли в этом анализе особую важность по двум причинам. Во-первых, на сегодняшний день иудаизм представляет собой самый длительный известный нам непрерывно продолжающийся исторический процесс. Во-вторых, история иудаизма рассматривалась в работах Бар-Хия, что позволяло проверить согласованность результатов и обеспечивало преемственность взглядов.

В итоге в этой обзорной лекции обсуждалось историческое значение введения в иудаизме солнечно-лунного календаря и были выявлены различия четырех типов библейских пророков. И главное – была продемонстрирована цикличность с периодом порядка 800 лет, хронологические рамки которой совпадали с ранними предположениями Бар-Хия и Кеплера. Расширенный и дополненный текст этой лекции, сопровождавшейся также цитатами из *Божественной комедии* Данте, был впоследствии опубликован в эссе

История иудаизма в свете темпорологии.

После этой обзорной лекции посыпались вопросы:

«А что такое темпорология? И чему она может нас научить сегодня?»

Поискам ответов на эти вопросы был посвящен весь последующий цикл ежемесячных встреч, длившийся с ноября 2021 по сентябрь 2022 года. Месяц за месяцем, раз за разом, встречи из этого цикла водили нас кругами, позволяя каждый раз заново и на фоне разных исторических эпох по-новому ощущать, воспринимать и переосмысливать особенности четырех стихий и 800-летней периодичности их проявлений. Каждая встреча углубляла понимание значимости вертикали преемственности между поколениями, разделенными восемью или даже девятью веками, и горизонтали синхроничности, характеризующей общность мировосприятия селестиальных близнецов или однолеток. Раз за разом дополнительные конкретные примеры помогали выявлять связи между свободой выбора отдельных личностей и закономерностями характеристик целых поколений. Поэтически это явление можно охарактеризовать словами поэта Арчибалда Мак-Лиша – уроженца часа Феникса 1885–1900 годов:

*Так возникает из множества – поколение –
Людская волна однокашников, однолеток.*

Отличительной чертой этого цикла лекций было то, что его подготовка шла параллельно с новым, и еще не завершенным мною, исследованием построения мировых часов, основанных на закономерностях соединений Сатурна-Юпитера. Если ранее темы эффекта селестиальных близнецов, часов Феникса и картографии эмоций представлялись на презентациях по отдельности и лишь после публикации соответствующих книг, то на этот раз они тесно сплетались между собой в единую канву, образуя согласованную систему взглядов на потребность преобразования истории в экспериментальную науку.

Вдобавок вольно или невольно аудитория

превращалась из пассивных слушателей в свидетелей и соучастников зарождения новых методов и теорий. При этом число поводов для наведения мостов увеличивалось от встречи к встрече. По мере возникновения новых вопросов наводились мосты между автором и слушателями, между общим и частным. Использование возможностей, появившихся благодаря стремительному распространению различных приложений и проведению встреч в режиме *ZOOM*, позволило также начать наводить мосты между наукой и изобразительным искусством, между представлением идей посредством слов и их зрительными образами, между аксиомами и их цветовой гаммой визуализации.

Пожалуй, одним из наиболее сложных моментов, требовавших наведения мостов, был поиск баланса между общим и частным. Размышляя над этой проблемой, Авраам Ибн Эзра приходил в свое время к парадоксальному на первый взгляд заключению:

«Если будешь стараться познать все в одной области, то так ничего в ней и не поймешь. Для того, что познать один предмет, нужно для начала познать все.»

Сто лет спустя Моше де Леон (1250–1305) в своей знаменитой *Книге Зогар*¹ предпринял попытку воссоздания полноты познания, при которой нашлось бы место для гармоничного сосуществования общего и частного. Всматриваясь в корни слов «как правило» (*bederech klal*) и «как исключение» (*bederech prat*), можно подметить, что ключ к правде закономерностей заключен в частностях исключений.

Прошло еще сто лет, и в преддверии Ренессанса один из первых отцов гуманизма и современной педагогики Пьетро Паоло Верджерио (1370–1445) убеждал, что история имеет большое значение именно потому, что *«она дает примеры, воздействующие на людей сильнее, чем любое рассуждение»*.

Идут столетия, а вопрос о соотношениях между

---

¹ Книга Зогар (ספר הזוהר) («Книга Сияния», ивр.) была написана во II в. н. э. группой раввинов во главе с р. Шимоном Бар-Йохоамом. Р. Моше де Леон только распространил книгу для широкой публики. (Прим. ред.)

частным и общим по-прежнему остается актуальным. Вставал он передо мной и в подготовке этого цикла. Каждая встреча сопровождалась кропотливым нащупыванием тонкой грани балансирования между целым и его составляющими, между соблазном углубления в конкретные поучительные исторические события и необходимостью сочетать их со сжатой констатацией обобщений. Этот процесс поиска сопровождался постоянными внутренней борьбой между желанием делиться со слушателями «случайностями совпадений» и необходимостью жестко ограничивать длительность каждой встречи. Нередко оставалось лишь в которой раз напоминать о том, что кажущееся на первый взгляд «случайным», на самом деле заранее несет в себе затаенную возможность

с-лучения, позволяющую пересечение и совпадение лучей, чьи траектории подчиняются определенным мировым законам.

В итоге на протяжении всего курса на многочисленных примерах было показано, как хронологическое упорядочивание истории в сочетании с моделью часов Феникса и философией четырех стихий позволяет расширить перспективу и глубже осознать особенности текущего момента. Хотя каждая беседа выстраивалась независимо от предыдущих, их объединяла не только общность методов, но и тот факт, что каждая лекция могла служить демонстрацией замечательной способности человеческой цивилизации, которую отец общей семантики Альфред Коржибский называл «связью времен» или способностью учиться на ошибках прошлых поколений, без необходимости многократно повторять их самим.

И конечно же, каждая лекция по-своему наводила мосты между землей и небесами, между людьми и планетами, играющими роль индикаторов основных уроков человечества. При этом все лекции сопровождалось примерами из истории поэзии, науки и иудаизма.

* * *

Кратко описав предысторию зарождения этого цикла, возвращусь к вопросу, поставленному в заголовке: «Так чему же все-таки нас может научить темпорология?»

Я не привыкла говорить за других. У каждого есть что-то свое особенное в жизни. Могу сказать лишь о себе. Я благодарна всем организаторам и участникам этого цикла встреч за то, что работа над ним помогла мне ощутить себя одним из звеньев той нескончаемой цепочки предшественников, которым было важно добывать и доносить знания не только умом, но и сердцем. Подобно тому, как говорилось ранее в фантастической повести «Аллевиация» устами моей героини Марушки, Мойры-Мары Делоне, ко всему сказанному в этом цикле можно относиться как к утопии, приглашающей заглянуть в то недалекое будущее, когда физики, философы, астрологи и поэты будут совместными усилиями переводить небесные истины на земные языки. А можно увидеть в нем приглашение к постижению мировых законов, вне связи с тем, открылись ли они уже нам или еще ждут своих открывателей. Продолжая цитировать Марушку, я приведу ее любимые строки:

*Нету у времени цвета,
И вкуса у времени нет.
Но все же в каждом мгновенье
Свой источается свет.*

Возвращаясь к более серьезному тону, но все же оставаясь в рамках наведения мостов между языком буквального смысла и поэтическим иносказанием, попытаюсь обрисовать картину взаимоотношений между людьми и их звездами, между неизбежностью закономерностей и свободой выбора в рамках универсальных мировых законов.

Семена времени спускаются с небес. Каждый день до Земли доходит одно уникальное семя времени, принадлежащее только этому единственному и неповторимому дню. Каждое семя времени переливается множеством оттенков лучей, излучаемых, преломляемых и отражаемых далекими небесными светилами.

У каждого оттенка лучей есть свои особые смысл и назначение, но смешиваясь в семени времени, они способны усиливать, ослаблять или даже нейтрализовать друг друга.

Сливаясь в разных пропорциях и интенсивностях в

единое целое света, сияние каждого дня отражает свою исключительную реальность, проявляющуюся в постепенном раскрытии затаенных в нем возможностей.

Попав в плодородную почву (Земля) и получая достаточно воды (Вода), тепла (Огонь) и кислорода (Воздух), семя начинает день за днем прорастать и развиваться.

Сначала из семени формируются корни, стебли или стволы. На этой стадии еще нелегко обнаружить, что из него разовьется – будет это ветвистое дерево дуба или маленький кустик розы. Порой лишь специалистам дано распознать скрытую в нем природу.

На следующей стадии растение стремится к свету. Из одного семени и единого стебля развивается много ветвей и листьев. Так из единого образуется множество.

Как было давно установлено, ни на одном дереве или растении не бывает двух одинаковых ветвей или листьев. Хотя все листья сохраняют общность формы, характерной для их вида, все они различаются по размерам и окраске.

И все же, несмотря на отличия, легко обучить желающих различать листья разных деревьев, чтобы не спутать дубовый лист с кленовым или березовым. Продолжительность жизни листьев также будет варьироваться от листка к листку, но не сможет выйти за рамки, заданные для каждого вида исходным временным семенем.

Затем для ряда видов наступает пора цветения. Цветы разных сортов имеют разное число лепестков различной окраски, формы, запаха и размера. Трудно спутать цветы разных видов. Однако и на одном растении не бывает двух идентичных цветков, а на одном цветке нет двух идентичных лепестков. Некоторые лепестки станут светлее или уже, другие темнее и шире. Одни завянут раньше, другие будут продолжать цвести долго. И все же, на этой стадии развития, несмотря на многие различия, никто не перепутает между собой лепестки розы и ромашки, сирени и хризантемы.

Так же и сестральные близнецы – те из них, кому удастся достичь стадии расцвета, уподобляются лепесткам цветов своего семени времени. Если они рождены из семени времени с более сложным и богатым спектром оттенков, то будут напоминать пышную махровую розу, каждый цветок

которой может насчитывать более сотни лепестков. В таких случаях им будет легче выразить изменчивость от близнеца к близнецу, чем сестелиальным близнецам, рожденным из семени времени в более однородных оттенках, чьи цветы имеют лишь четыре или пять лепестков.

После цветения наступает этап созревания плодов. Не каждый цветок будет плодоносить, и не каждый плод достигнет желанной степени спелости. На этой стадии различия между плодами одного дерева проявляются не только в их формах, красоте и аромате, но и в их вкусовых качествах.

После падения переспелого плода на землю, его семена могут сохраняться в ней очень долго, чтобы прорасти и продлить свое земное существование в следующем поколении, при наступлении новой, подходящей для этого конкретного вида, поры года.

Все сказанное относится и к тем известным сестелиальным близнецам, которым удалось максимально раскрыть свойства изначального семени времени, подарив плоды своего труда всему миру и посеяв семена будущего для грядущих поколений.

В итоге история единственного семени времени приводит к формированию живой и разнообразной исторической реальности, в которой у каждого человека, как у каждого листочка, лепестка или зернышка, есть свои предначертанные ограничения и допустимые рамки изменчивости или свободы выбора.

Параллели между известными сестелиальными близнецами совместно с контрастами между ними и другими парами сестелиальных близнецов, родившимися в разные даты, подтверждают это.

Подтверждают это и переключки между различными поколениями, которые можно считать звеньями одной цепи исторической преемственности, сколько бы веков им не приходилось сонно дожидаться очередного возрождения характерных для них идей.

* * *

Проведя такую аналогию и обрисовав беглый взгляд на Древо Жизни, возвращаюсь к актуальному вопросу: есть ли в итоге нечто практическое, сиюминутное, что могло бы

направить человечество в позитивное русло в данной непростой исторической ситуации?

С точки зрения темпорологии, 2021 год был переломным, завершающим длительный период доминирования духа времени, связанного с Земными, бытовыми, практическими «реалиями». 2022 год открывает на ближайшие полтора столетия очередную страницу доминирования духа времени, связанного со стихией Воздуха. При этом фокус интересов человечества сдвигается на развитие информатики, а также на проблемы, связанные с сознанием и мышлением.

Переломные периоды всегда были связаны с драматическими событиями, и этот год не стал исключением. В наши дни большинство людей признают невозможность вернуться к «прежней жизни», к тем дням, что были до пандемии и последовавшей за ней войны. Сегодня от нас уже требуется не просто делать лучше то, что ранее делалось не совсем удачно. Нет. От нас требуется переломный скачок в сознании, и как писал 800 лет тому назад Авраам Абулафия: *«каждый скачок ведет к выявлению скрытых процессов в душе»*.

На протяжении предыдущих двух веков человечество заметно продвинулось в развитии науки и создании индустрии. Но как писал Максимилиан Волошин, для гармоничной эволюции человечества, каждая последующая стадия развития науки обязана уравновешиваться поднятием на следующую стадию развития Любви. При этом наука по своему характеру зачастую требует от нас узости подходов, в то время как Любовь расширяет в нас приятие всего сущего. Но что такое Любовь в свете теории четырех стихий?

За прошедшие 200 лет человечество довольствовало продвижением принципа, по которому для проявления Любви достаточно не делать другим того, чего не сделал бы себе. В 2021 году фокус духа времени сместился, и сейчас становится необходимым осознать всю весомость и значимость наших помыслов и чаяний. Уроки прошлого показывают, что в наши дни чистота помыслов, слов и настроений не менее значима для будущего, чем влияние конкретных дел. Делая что-либо для других, важно думать о том, как бы мы хотели, чтобы другие думали и чувствовали, когда они

делают что-либо для нас. Дополню эту мысль словами пророчицы Ханны, жившей в период доминирования стихии Воздуха, за три тысячелетия до нас:

«Ибо не силою крепок человек». (1 Царств 2:9)

Сложно? Быть может, но тем не менее, опыт предыдущих поколений подтверждает возможность совершенствоваться, решая любые задачи, которые периодически ставит перед нами Жизнь. Хочу надеяться, что аналогии и переклички между различными эпохами, рассмотренные в приведенных ниже ссылках на цикл «Чему нас может научить темпорология», помогут нам выявить ряд закономерностей исторических циклов и проникнуться искусством жить в гармонии с объективным и измеримым временем.

Для меня лично приближение к этому рубежу эпох ознаменовало потребность наведения еще одного, и может быть, самого главного для любого человека моста: моста между собственным подсознанием и сознанием. Жить так, чтобы научиться искусству, которое Авраам Ибн Эзра характеризовал словами:

...видеть

глазами нутра твоего

и зрачками сердца твоего.

Надеюсь, что последующие поколения сумеют воспринимать и применять уроки темпорологии не только разумом, но и сердцем, и всем нутром. И тогда в нашу историю впишутся имена новых людей, способных поднять человечество на следующую ступень и фазу развития.

Ссылки на курс лекций:

Встреча 1. Введение

https://www.youtube.com/watch?v=TYw_OuB7oTw&t=553s

Встреча 2. Золотой век в истории иудаизма и его отголоски в других эпохах.

<https://www.youtube.com/watch?v=zvTALQb763k&t=16s>

Встреча 3. Вавилонский плен и нововведения эпохи Второго Храма.

<https://www.youtube.com/watch?v=o8MIVCKVMbg&t=6s>

Встреча 4. Создание Талмуда. От раннего христианства до зарождения ислама.

<https://www.youtube.com/watch?v=652ZVDhEg9M&t=35s>

Встреча 5. Переход от античности к Раннему средневековью.

[youtube.com/watch?v=ZQFSFNsY2Gg&t=2s](https://www.youtube.com/watch?v=ZQFSFNsY2Gg&t=2s)

Встреча 6. От Золотого века Испании к немецкому хасидизму

https://www.youtube.com/watch?v=C2g_35QdMmc&t=2s

Встреча 7. Испанская каббала и христианская схоластика

<https://www.youtube.com/watch?v=TTBUdP177CU&t=196s>

Встреча 8. Ренессанс, Лурианская каббала Цфата и расцвет Флоренции

<https://www.youtube.com/watch?v=JAq9ndgNcz8&t=86s>

Встреча 9. Эпоха Просвещения

<https://www.youtube.com/watch?v=FRS6aBEOYQ>

Встреча 10. От века индустриализации к нашим дням

<https://www.youtube.com/watch?v=cdbcvrj4dIs>

Встреча 11. Заключение

<https://www.youtube.com/watch?v=r3HgcEHhe2g>

Александр Вильшанский

Астрология с точки зрения гравитоники

В опубликованной части моей работы «Гравитонная физика» явление гравитации объясняется существованием исключительно малых по размеру частиц (примерно на 10 порядков меньших протона), двигающихся со скоростями примерно на 7 (или более) порядков больше скорости света. Эти частицы можно назвать «гравитонами». На рис. 1 показано, как эти частицы приходят в любую точку пространства (пробное тело в точке «А») со всех сторон. Поскольку пространство изотропно, то пробное тело находится в относительном равновесии (равнодействующая всех сил воздействия со стороны каждой частички равна нулю).

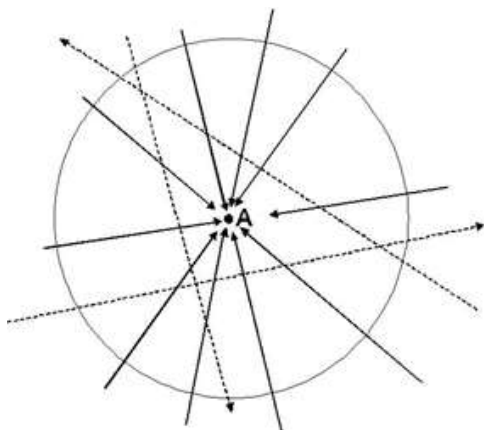

Рис. 1

Если в некоторой близости от пробного тела «А» находится другое достаточно массивное тело (серый круг – сфера), то часть приходящего к пробному телу «А» потока гравитонов из телесного угла $\angle UAV$ перекрывается этим телом (Рис. 2). В результате поток гравитонов из телесного угла $\angle U'AV'$ оказывается не уравновешенным, в результате чего возникает сила F_A , приталкивающая пробное тело А к массивному телу. Это и есть причина гравитации.

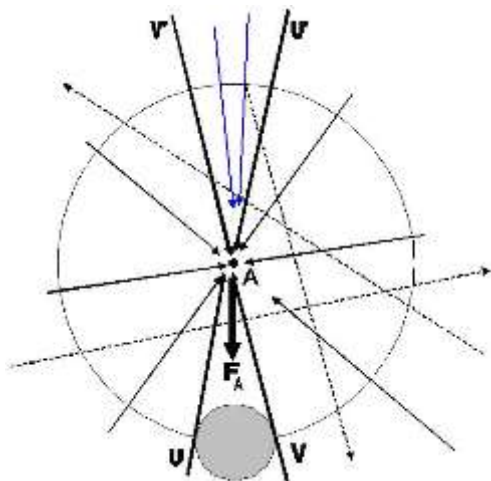

Рис. 2

Но при чем тут астрология?

В системе Солнце-Земля со стороны Земли Солнце видно под углом $0,5$ градуса (Рис. 3). Солнце закрывает примерно $1/1000$ часть небосвода. При этом оно поглощает практически весь поток гравитонов в этом телесном угле. При движении Земли вокруг Солнца, оно последовательно оказывается на фоне тех или иных «созвездий». Конечно, это происходит в дневное время, и где именно находится Солнце можно определить только расчетным путем, по времени. Однако, это нетрудно сделать.

Таким образом, Солнце «прочерчивает» по небесной сфере кольцо, толщина (ширина) которого равна $0,5$ градуса. И в каждый момент времени перекрывает примерно $1/720$ часть этого круга, сдвигаясь на полградуса в течение каждых 12-ти часов.

Рис. 3

Если сделать теперь всего одно предположение, что потоки гравитонов, приходящих с разных сторон небесной сферы, не однородны, а чем-то отличаются друга от друга (например, «модуляцией», в виде импульсной модуляции с разными плотностями гравитонов), то далее легко себе представить, что в разное время вследствие перекрытия Солнцем разных потоков, можно ожидать и их разного влияния на процессы, происходящие на Земле.

Однако для того, чтобы понять, что именно происходит, необходимо сделать короткий экскурс в гравитонную атомную физику.

Электрон состоит из преонов. Вне атома он представляет собой нечто вроде «шаровой молнии» – облачко преонов, вращающихся со скоростью света вокруг центра масс облачка.

Электрон внутри атома совершенно не похож на электрон вне атома. В атоме электрон размазывается по очень узкой и относительно длинной орбите, на которой располагаются преоны с переменной плотностью. Орбита (именно ОРБИТА, а не «орбиталь») несколько похожа на кометную орбиту в солнечной системе. Преоны, проходящие через горловину протона, выбрасываются протоном в пространство на расстояние, на пять порядков превышающее размеры самого протона.

Если протон представить (рис. 4) в виде тора с

радиусом 1 м (тор показан в поперечном разрезе и обозначен красным цветом), то преоны электрона выбрасываются на расстояние до 100 км!

Рис. 4

Преоны, движущиеся по орбите, находятся под внешним давлением гравитонов, точно так же, как и все тела Солнечной системы. В самой дальней от ядра точке преоны электрона имеют скорость близкую к нулевой! Вблизи протона – около скорости света.

Движение преонов внутриатомного электрона по орбите (а следовательно, и форма и размеры орбиты) зависят в основном от гравитонного «давления» на каждый движущийся по орбите преон электрона. Небольшие колебания (а возможно, и резонанс с импульсным воздействием гравитонного потока) могут приводить к изменению орбиты, а значит – и к изменению характеристик атома, касающихся его взаимодействия с другими атомами.

Конечно, на атом водорода с одним электроном воздействие колебаний плотности гравитонного потока может быть минимальным. Но более сложные атомы (в частности, атомы углерода и кислорода), и молекулы с их участием, имеют электроны на довольно удаленных от ядер их атомов расстояниях, слабо с ними связаны, и потому небольшие воздействия на них могут приводить к разному ходу химических и биохимических реакций. Этим и может объясняться наблюдавшиеся И. Пригожиным «бифуркации». Реакция может идти по тому или иному пути не от случайного воздействия, а от вполне определенного (хотя и малого) воздействия модулированного гравитонного потока. А модуляция эта зависит от того, какой именно участок небесной

сферы перекрывает в данный момент Солнце.

Именно это и могло быть причиной «странных» (но повторяющихся) результатов экспериментов Шнолля. Это же явление вполне возможно является и причиной воздействия на развитие биологических земных организмов и, в первую очередь, – человека, как наиболее сложной системы (имея в виду нервную систему как основу поведения и существования).

Становится более понятным, почему результаты Шнолля зависели от времени с точностью до минуты – они определяются положением Солнца на небосводе относительно звезд.

(Данная гипотеза не требует привлечения странных понятий о неравномерности времени и искривлении пространства. Все находится в рамках классических представлений механики.)

Луна влияет на эти процессы значительно слабее, так как для летящих гравитонов она не представляет собой достаточно плотного препятствия. При том же коэффициенте перекрытия потока гравитонов (Луна также видна под углом 0,5 градуса) ее влияние гораздо меньше, чем влияние Солнца. Тем не менее, оно все-таки может иметь место.

Рис. 5. Лунная
ночь

Труднее обстоит дело с влиянием планет. Меркурий и Венера практически не должны влиять в те периоды времени, когда они находятся на одной прямой с Солнцем, так как Солнце само поглощает весь поток гравитонов в

пределах угла наблюдения. Угловые размеры планет (в том числе Юпитера и Сатурна) столь малы, что их влияние представляется с первого взгляда сомнительным.

И, тем не менее...

Рис. 6. Юпитер

Диаметр Юпитера около 140 тыс. км, и он находится на расстоянии 778 млн км. от Солнца. Поэтому его минимальное расстояние от Земли может быть 630 млн км., а максимальное – 930 млн км. На минимальном расстоянии

его видимые размеры составляют приблизительно $0,2 \cdot 10^{-3}$ рад или примерно 10^{-2} град $\sim 0,01$ град, что примерно в 50 раз меньше размеров видимого диска Солнца и, соответственно, в 2500 раз меньше его площади.

Однако следует учесть, что Солнце передвигается по небосводу относительно звезд с гораздо большей видимой скоростью (как указано выше – примерно на 1 градус в сутки). При этом все параметры перекрываемого им потока гравитонов непрерывно меняются. Планеты же (Юпитер, Сатурн) двигаются по небесной сфере гораздо медленнее. Время обращения Юпитера вокруг Солнца – 11,5 лет (т. е. в 10 раз медленнее). Но важно, что при определенных взаимных положениях Земли и Юпитера взаимное движение планет может приводить к тому, что видимое время нахождения Юпитера в окрестности какой-то определенной точки существенно увеличивается. Это обстоятельство может приводить к интегральному эффекту перекрытия Юпитером некоторого определенного потока.

Рис. 7. Сатурн

То же относится и к движению Сатурна, период обращения которого вокруг Солнца примерно равен 30 земным годам. Радиус Сатурна ненамного меньше радиуса Юпитера, а расстояние до него всего вдвое превышает расстояние до Юпитера – 1440 млн км. И хотя его видимый размер с Земли вдвое меньше размера Юпитера (а по площади – в 4 раза), но и движется он по небу в три раза медленнее. Поэтому его влияние на перекрываемый им поток ненамного меньше влияния Юпитера.

Гораздо сильнее может проявляться влияние вращения самого Солнца. Его внутренняя неоднородность может оказывать влияние на величину поглощения проходящего через него остаточного потока гравитонов. Кроме того, проходящий через Солнце остаточный, не поглощенный им, поток слегка изменяет свое направление, и это следует учитывать в расчетах. При этом следует также учесть, что период вращения внешней части Солнца равен 25–34 земных суток, что довольно близко к периоду обращения Луны вокруг Земли, так что некоторые явления, связываемые с Луной, могут иметь и «солнечное» происхождение.

Следует также отметить, что зависимость форм снежинок от неучитываемых факторов (будем называть их «астрологическими») при одних и тех же контролируемых условиях их образования может дать в руки исследователю этой проблемы такой же инструмент, как в свое время – камера Вильсона.

Все вышесказанное (и еще многое несказанное) позволяет подвести физическую основу под объяснение астрологических явлений. Даже самые общие (прикидочные) оценки позволяют надеяться на продуктивность этой

гипотезы.

Из сказанного также следует, что при использовании этого подхода астрология превращается в точную науку и становится или разделом астрофизики, или, возможно, совершенно новой наукой.

Для внешних планет (Юпитер, Сатурн и пр.) их зодиакальное расположение относительно Солнца мало отличается от их расположения относительно Земли (рис. 8). Юпитер находится на расстоянии 4 а.е. от Земли, а Сатурн – около 8 а. е.

Для внутренних планет (рис. 9) все гораздо сложнее.

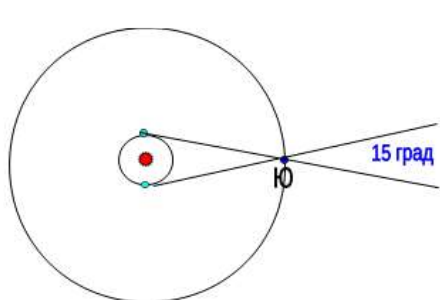

Рис. 8

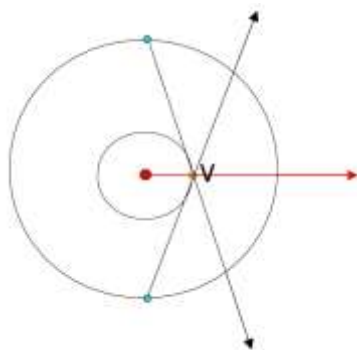

Рис. 9

То есть важно не абсолютное положение планет в системе координат Солнца, а их расположение относительно Земли!

Все это еще более склоняет наши рассуждения к идее экранирования планетами неких излучений со стороны небесной сферы. А таких излучений мы сегодня можем себе представить только одно (максимум два)...

Напрашивается и еще один вывод. Трудно представить механизм воздействия слабого модулированного потока на уже сформировавшийся организм, состоящий из миллиардов работающих клеток. А вот воздействие того же излучения всего на две клетки во время их соединения в процессе зачатия представить себе гораздо легче. Это именно тот момент, когда точно в момент бифуркации (по

Пригожину) процесс может пойти по любому из множества направлений.

Отсюда следует, что любой астрологический прогноз следует связывать не с датой рождения человека, а с датой его зачатия. Конечно, эта дата известна менее точно, чем дата рождения, но все же ее оценка колеблется в пределах 10 дней, а за это время расположение планет существенно не изменится. А вот отнесение момента составления карты на 9 (7) месяцев ранее может сильно изменить картину.

В отличие от обычных, эту карту можно назвать «пренатальной».

Об авторах, художниках и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство».

Анатолий Анимица. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992-го года в Израиле: пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Стихосложением занимается всю жизнь. Печаталась и выступала в

России, Украине, Германии, Чехии, Израиле.

Елена Бережковская. Родилась в 1948 году в Москве, где и прожила всю жизнь. В марте 2022 года репатрировалась в Израиль, в г. Петах-Тикву. Окончила факультет психологии МГУ (1971), работала научным сотрудником, изучала биотоки мозга и то, как они реагируют на умственную деятельность. Автор и соавтор инновационных программ развития и обучения для дошколь-

ников, школьников, студентов и педагогов-практиков. Ведущая и соведущая многих психологических школ, конференций и семинаров. Автор пары учебников и полутора сотен научных работ. Стихи пишет с юности, но редко. Каждый стих кажется последним, потому что в нем уже все сказано. Живописью занималась всерьез лет пятнадцать, и на всю жизнь приобрела взгляд рисующего. Выставлялась. Стихов практически не публиковала. Проза – рассказы о детстве – опубликована в одном из учебников по психологии развития как материал для разбора.

Александр Вильшанский. Родом из Москвы. Выпускник МЭИ. Кандидат технических наук. С 1998 г. в Израиле, в Хайфе. Более 10 лет работал в Технионе. Автор серии книг под общим названием «Физическая физика».

Инна Гендель. Врач-педиатр. Родилась во Львове . В Израиле с тринадцати лет. Мама замечательных двойняшек-подростков. Пишет короткую прозу. В 2020 году выпустила первую книгу «Башня Артура».

Алла Герценштейн. Родилась в Ленинграде в семье директора театра и студентки Театрального института. Пережила блокаду и гибель матери, была в детском доме вплоть до снятия блокады в 1944 году. Закончила Ленинградский университет (французское отделение, специальность – романская филология). Будучи студенткой, опубликовала перевод «Сказки о Розе» Пьера Гамарра́. Всю жизнь

преподавала французский. Живет в Канаде.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 г. доброволец в Яд ва-Шем.

Андрей Круглов. Родился (1950) и всю жизнь прожил в Москве. В марте 2022 репатриировался в Израиль, в г. Петах-Тикву. Окончил факультет прикладного искусства Текстильного института, работал художником по тканям на комбинате Трехгорная мануфактура. Создал десятки орнаментов и рисунков для тканей, в том числе серию по мотивам творчества Кандинского, Матисса и Пикассо. Работал

в творческих группах, участвовал в экспедициях и выставках.

Много занимался педагогической деятельностью: был тренером по карате, художником-оформителем детского театра, преподавал живопись и композицию на факультете дизайна вуза и в художественной школе. Член Международного Художественного Фонда с 2008 года.

Работы находятся в частных собраниях Москвы и Германии. Участник выставок московских художников (1990–2018). Персональные выставки в Кёльне (2002) и Москве (2009, 2011, 2014, 2015, 2022).

Стихи начал писать после 40. В 2021 выпустил книжку стихов и графики «Вглядываясь в себя».

Феликс Куперман. Родился в г. Немирове, Украина. Окончил Хабаровский пединститут, кафедра литературы и истории. Работал учителем, журналистом, моряком. С 2001 года в Израиле. Ныне проживает в Кацрине на Голанах. Автор поэтических книг и журнальных публикаций. Лауреат международного конкурса «Золотое перо России».

Михаил Левин. Поэт, художник. Родом из Москвы. В Израиле с 1993 года. Публикации в периодических изданиях Израиля и России. Автор книг стихов «Камень преткновения» (1999) и «Голоса» (2017). Член АРІА – Международного союза литераторов и журналистов.

Элизабета Левин. Израильский физик, доктор наук, темпоролог, автор ряда научно-популярных книг и статей о времени. Она член Международного Общества Изучения Времени (ISST) и Института Интегральных Исследований (IRI). Входит в состав директоров международного института изучения личности (Нидерланды). В 2019 году награждена Золотой Медалью Международного Информационного Нобелевского Центра.

Ольга Любарская. Окончила Харьковский автодорожный институт, а также филологический факультет Курского педагогического института. Работала инженером, а затем преподавателем русского языка и литературы. В Израиле с 1997 года. Публикации в периодических изданиях России и США.

Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности – детский психолог,

работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-диологию и две книжки для детей. Публикуется на портале «Заметки по еврейской истории» – в одноименном издании, а также в журналах «Семь искусств» и «Мастерская».

Жан-Клод Паскаль (наст. фамилия **Вильмино**, 1927–1992). Французский актер театра и кино весьма популярный в 1950–60 годах. Начиная с 1955 года стал исполнять песни своих друзей Жильбера Беко и Жака Бреля, а также Сержа Гинзбурга. Он издал 53 альбома пластинок и до 1983 года был «посланником» французской песни за рубежом. В 1986 году Ж. К. Паскаль опубликовал автобиографическую книгу «Красивая маска», ряд других книг, а затем два исторических

исследования «Проклятая королева» в 1988 г. (о Марии Стюарт) и «Любовник короля» в 1991 г. (о Людовике XIII).

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер, и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей.

Элен Стэп. Родилась в Кишиневе в 1980 г. Репатрировалась в Израиль 1990 г. По образованию доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете авиации. Работает по профессии. В свободное время играет в театральной студии.

Борис Финкельштейн. Автор 28 художественных книг, изданных на украинском, русском, английском, французском, испанском, португальском, немецком, итальянском, китайском, турецком, азербайджанском и крымско-татарском языках и на иврите. Член Национального союза писателей Украины и Международного союза писателей (Великобритания). До 2014 года являлся председателем Крымского отделения НСПУ. Известен и как публицист. Лауреат и дипломант многих литературных премий. Награжден государственными наградами (СССР и Украины). В прошлом долгое время занимался научной и практической деятельностью в области нефтяной и газовой промышленности, финансов и банков. Доктор экономики. Действительный член Украинской технологической Академии и Израильской Независимой Академии развития науки (ИНАРН).

Галерея (((СОНАР)))

Андрей Круглов

Зарисовки Петах-Тиквы

Филиппинка, 21x30, бумага, фломастеры.

С пальмой, 30x21, бумага, фломастеры.

С кошкой, 30x21, бумага, фломастеры.

Дом в парке, 30x21, бумага, фломастеры.

На берегу, 30x21, бумага, фломастеры.

В парке, 30x21, бумага, фломастеры.

Вечерние деревья, 30x21, бумага, фломастеры.

На спортивной площадке, 21x30, бумага, фломастеры.

У отеля на берегу, 21x39, бумага, фломастеры.

Трамвайная линия, 30x21, бумага, фломастеры.

Переулок, 30x21, бумага, фломастеры.

Петах-Тиква, 21х30, бумага, фломастеры.

Литературно-публицистический журнал

(((СОНАР))) № 7, 2022 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль